

№92 (ноябрь 2019)

RS.

литературное интернет-издание

Books not dead!

проза

Пеан

публицистика

Р **свобода**

поэзия

Мансёнг

е эротика

фанфик

хокку

п

м

Д

о

и

е

р

с

т

т

а

т

а

ж

т

ж

а

т

а

а

т

ж

о

т

ж

о

т

ж

о

т

ж

о

т

ж

о

т

ж

о

т

ж

о

т

ж

о

т

ж

о

т

ж

о

т

ж

о

т

ж

о

т

ж

о

т

ж

о

т

ж

о

т

ж

о

т

ж

о

т

ж

о

т

ж

о

т

ж

о

т

ж

о

т

ж

о

т

ж

о

т

ж

о

т

ж

о

т

ж

о

т

ж

о

т

ж

о

т

ж

о

т

ж

о

т

ж

о

т

ж

о

т

ж

о

т

ж

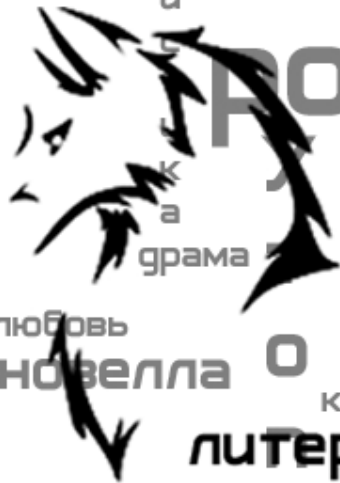
о

т

ж

о

т

рок

PS.

литературное интернет-издание

скетч

и

пародия

д

в

е

с

а

а

а

а

а

а

а

а

а

а

а

а

юмор

фельетон

песня

религия

сонеты

лирика

эпопея

шансон

видения

литература

стимпанк

рассказ

мемуары

действие

Драпа

стих

ф

э

н

т

е

з

и

и

и

и

и

и

и

Рубаи

ирония

л

ю

ч

и

н

и

я

роман сюрреализм

драма

№92 (ноябрь 2019)

сказка

Философия

Над номером работали

Александр Маяков
главный редактор

Надежда Леоничева
старший редактор

Расима Скиба
редактор

Элина Ким
редактор-корректор

ВНИМАНИЕ!!!

Авторские права на размещенные произведения принадлежат их авторам, и защищены Законами об авторском праве Украины, а так же международными законодательными актами об авторском и смежном правах.
Пунктуация и орфография авторов сохранена.

ВНИМАНИЕ!!!

Некоторые произведения содержат сцены насилия, секса, не пристойного поведения и психологические тяжелые сцены. Поэтому, не рекомендуется для прочтения лицам младше 18 лет.

Прочтение возможно с разрешение родителей, опекунов, либо лиц выполняющих их функции.

CROCUS
2018

Отпечатано
в типографии «Crocus»
crocus.zp.ua

CROCUS
2018

При копировании материала ссылка на АВТОРА **ОБЯЗАТЕЛЬНА!**

www.pslit.co.ua

Колонка главного редактора

Здравствуйте!

«Хоть одно есть издательство заинтересованное в авторах и получении авторами издания» - написал нам недавно один автор. И, если честно, нас удивляют подобные слова. Такое ощущение, что наши коллеги относятся к своей работе халатно. Надеемся, что это не так. Мы постоянно ведем работу с авторами и читателями. От отправки произведения на рассмотрение до публикации. От заказа покупателем печатных экземпляров до получения им посылки. На последнем остановимся подробнее.

Каждая посылка, вне зависимости от того, идет она по Украине или же за пределы, отслеживается. Мы предоставляем трек номера получателю и проводим параллельное отслеживание. Когда посылка, согласно отслеживанию, доходит до получателя, мы связываемся с ним и задаем простой вопрос: «Дошла ли посылка?» Это не сложно, ведь посылки идут разное время. За первые дня три-четыре доходят те, что в пределах Украины, остальные от недели до трех.

Зачем это делается? Вопрос, по сути, странный, но есть такая вещь как память. Покупатель, банально, может забыть о посылке. Такое было и не раз. Особенно в работе «Лисы», так как там автор обязан приобрести печатный экземпляр. И были случаи, когда автор отправлял произведение, получал подтверждение публикации, оформлял заказ на номер, который выйдет через три месяца, оперативно его оплачивал и забывал о нем. А вспоминал только тогда, когда мы отправляли ему извещение о том, что заказ в типографии и его уже печатают. Даже не вспоминал, а утверждал, что ничего не заказывал и только после разъяснения ситуации, все вопросы отпали.

Так же бывали случаи, когда покупатель не получал извещение от почты. Не будем скрывать, национальная почта не самый лучший способ доставки. Радует только одно, это относительно дешевый способ. Поэтому, мы используем именно её. Иначе бы цена номеров увечилась еще.

Ну и, разумеется, были случаи, когда посылка возвращалась к нам по причине того, что покупатель её просто не забрал. Не смотря на все наши усилия по извещению получателя о ней.

Чтобы избежать подобных случаев, мы проводим такую тщательную работу с покупателями. В процессе доставки номеров задействовано много людей и порой даже из разных стран. И они ни имеют никакого отношения к редакции. Все что мы можем сделать, это лишь отследить посылку и поднять тревогу в случае её потери. Но таких случаев, слава богу, еще не было. Все наши посылки доходили до получателей.

Поймите, мы не делаем ничего сверхъестественного, мы просто стараемся добросовестно выполнять свою работу.

С уважением,
главный редактор «Литературного интернет-издания P.S.»
Александр Маяков

«Семь - сорок» Александр Злыгостев	8
«Восточное диво» Александр Злыгостев	8
«Убежища» Нелли Мершон	9
«Власть суток» Нелли Мершон	9
«Как живешь?» Наташа Воронцова	10
«Егерь» Гера Шторм	10
«Мотыльки» Гера Шторм	11
«Золото» Гера Шторм	11
«Зола да окалины» Гера Шторм	12
«Следы» Гера Шторм	13
«Шариковое» Ольга Клен	13
«Вот» Нелли Мершон	14
«Не дыши» Нелли Мершон	15
«Камин» Нелли Мершон	15
«А ты молчать... решил молчать» АлексБел	16
«О свободе» Евгения Лыгина	16
«В последний раз» Евгения Лыгина	17
«Легенда о доброте» Татьяна Гуралёва	17
«Свет лунного луча» Сокольников Александр	20
«Я помню...» Наталия Говорухина	20
«Река» Наталия Говорухина	21
«Душа на досуге» Наталия Говорухина	21
«В поисках мечты» Наталия Говорухина	22
«Я пропускаю тебя через сердце» Пархоменко Валерия	22
«Слова могут ранить» Пархоменко Валерия	23
«А она наблюдает в оконце» Авдеева Полина	23
«И однажды придёшь ко мне ты» Александр Румега	24
«In amore veritas» Никитенко Вика	24
«Кемерово 25.03.18» Никитенко Вика	25
«Шаги к возрождению» Никитенко Вика	25
«Расстояние...» Авдеева Полина	26

«Мы увидим друг друга» Авдеева Полина	26
«Я вернулась...» Ольга Клен	27
«Я гляжу, его сердце плавится...» Горбунова Анастасия	27
«Путь» Оксана Веснина	28
«Человеку нужен человек» Оксана Манько	28
«С Новым годом» Оксана Манько	29

Строка прозы **30**

«Месяц январь - зимушки-зимы государь» Дериземля Евгения	30
«Кружевничка» Чернышева Светлана	31
«Гундосиха» Александр Мецгер	33
«Как казак грязью торговала» Александр Мецгер	35
«Очевидное-вероятное, или Разговор о таинственном» Александр Сих	37
«Прикосновение» Андрей Никитин	44
«Материализатор» Андрей Никитин	49
«Эй» Георгий Егорченко	54
«Лишние люди» Ольга Шипилова	64
«Вера Повелителя» Мехти Али	68
«Бабочка» Руслан Паил	76
«Ноябрь» Маргарита Курникова	77
«Рыцарь-Дракон» Сергей Калабухин	78
«Посмертный раб» Сергей Калабухин	82

Фанфик **94**

«Экзаменационный проект» Elena_K	94
----------------------------------	----

Литературный сериал **106**

«Летописи межмирья» Александр Маяков	106
«Буквы на белом фоне» Александр Маяков	108
«А.С. Пушкин. Послесловие» Маргарита Крымская	112
«Опаленные войной» Олег Русаков	125
«Путешествие в неизвестном» Уразова Татьяна	127
«Долгая, долгая ночь» Анатолий Карасёв	135
«Там, где вечный холод» Роттен Морган	144

Семь - сорок

Александр Злыгостев

Дружище старый – мой русский малый!
Какой бы не был – мне твой ответ, -
Давай вспомянем – кабак наш старый!
Давай вспомянем – друзей, что нет!

Давай станцуем с тобой «семь – сорок»!
За Юрку, Сашку, как в прошлый век.
С тобой станцуем, пока есть порох!
Поймёт нормальный нас человек.

Пусть этот танец – национальный.
Национальный – в чужой стране.
Так отчего же, - мы все плясали
По всей России во всей красе!

Ребят мы помним – нам каждый дорог!
Мы их вспомянем! – Эх, человек!!!..
Давай мы выпьем! – Потом «семь – сорок», -
Станцуем вместе, как в прошлый век!

Восточное диво

Александр Злыгостев

Отрешённая, словно летящая,
Выплывает из юности, в снах,
Эта девушка, мимо парящая,
По аллее в цветах и мечтах.

Наважденье навеяно дивной
Незнакомкой, манящею ввысь.
В мир загадок и страсти наивной,
В непонятную, новую жизнь.

Отчего этим розовым, прежним
Память вновь будоражит меня, -
Той восточной красавицей нежной,
Её обликом, ярче огня.

Взгляд её и свободный, и свежий,
Безнадёжно непонятый мной,
Словно фото любви и надежды,
Возвращается в сон золотой...

Я стараюсь забыть всё ненужное,
Что прошло и ушло в небытие.
Почему остаётся во мне -
Незнакомка восточная, южная?..

Убежища

Нелли Мершон

Который из них обо мне не забудет?
Дома покидаю, и Бог нас рассудит
И стены... и пыльные нёба расщелин
Хранящих до гроба следы колыбелен

Квартир стояки - от домов трёхсотлетних
До лёгких, почти что картонных, последних
Не снявшихся Свифту... (Кошмар Гулливера!)
И скверно нависших. Придавят размеры

Забыт деревенчатый щебет скворешен
Не мною, а ими... Ну где же, ну где же
Себя отыскать разменявшую годы -
На слалом убежищ... Куда обормоты -

Коты - из нагретых дыханьем парадных
И синие слёзы дождей звездопадных
И мягкая утварь пригревшихся печек...
И свечи... Раздолье беспутное свечек...

И тёплые двери, и штор половодье
Безмерен простор затаённых мелодий
Безмерен... Вопросами дом не измучен
Лишь теми... к кому прибывается случай...

Власть суток

Нелли Мершон

Я по ночам блуждаю в городах
Извилистых, и замечаю после -
Как будто из него давили ростбиф
Мешая парки с чайками, пропах -

Халата серо зимнего запАх
Зараза - тошнотворный и прогорклый...
Лепечущая с выдохом про горло
Размазана и... выдана толпа

Залита нарастающая грязь
И мусорная битая посуда
И без суда и следствия... власть суток
Довлеющая... не перевелась

Как живешь?

Наташа Воронцова

Как живешь? Как дышится без меня?
Не причалил на утлой лодке?
Не чужья женщина- я твоя
Не ищи исцеления в водке
Не ищи утешения в новом сне
Он растает с утра, как дым
Ты живешь, поешь скорбишь обо мне
Ты же знаешь, что ты любим.

Егерь

Гера Шторм

Рукоятку ножа крепко сжала моя ладонь.
Ты, от страха дрожа, нервно шепчешь: - Его не тронь.
Обходи стороной и в глаза не смотри ему.
Он ворует не сны и не память – людские души!
Видишь, бьются в мешках – на ловца даже зверь бежит.
Мы не смеем мешать, этот лес стал для нас чужим.
Спрячь клинок боевой. Егерь тащит в ночную тьму
самых дерзких, чтоб в чёртову дюжину выбрать лучших.

Старики говорят, он их души кладёт в котёл.
Совершая обряд, разжигает большой костёр.
Рвёт полынь, горицвет, белладонну, чертополох.
Заклинания страшные шепчет и варит зелье,
мощь желая вобрать. Оставляет на пустыре
малодушных, мой брат. Не дано им подняться вверх,
встретив утренний свет. Перья спутаны в мокрый мох,
мешковина тяжёлая держит, чтоб не взлетели.

Ты ему подойдешь. Я навечно останусь здесь.
Буду слушать, как дождь оmyвает осенний лес.
Я ему не нужна. Я беспомощна и слаба...
Он охотится только на смелых и самых сильных.
Ты меня не бросай, я не выберусь, пропаду,
став забавою псам. Отведи от меня беду!
Этот лес сторожат стаи диких больших собак,
чтоб терзать неугодные души, стерев до пыли.

У подножья скалы лодку нежит волной река.
Мы в ней сможем уплыть, не сумеет никто сыскать.

...До воды девять лун, до спасения только шаг...
- Прячься за спину, милая, нас небеса укрыли.

...Замыкается круг. Враг прикован ножом к земле.
Мы уйдем поутру. Души будут смотреть нам вслед.
Позже к небу прильнут, их рассвета нельзя лишать...
- Я мешки распорол, посмотри, как прекрасны крылья.

Мотыльки

Гера Шторм

Темнеет. На главных дорогах Москвы, вереницей,
зажглись фонари. Свет разлился на мокром асфальте,
янтарно - медовыми лужами. Рыжие птицы -
кленовой листвы мне летят в лобовое стекло.
Всё небо затянуто буро - сиреневым ситцем.
Восторженный ветер играет на скрипке Вивальди.
И кажется, прятая осень щепотку корицы
добавила в воздух прохладный, чтоб стало тепло.

Машины по трассе на область с проточного МКАДа
скользят, погружаясь во тьму наступающей ночи.
Туман выползает из всеми забытого сада
к дороге, свет фар, окуная в своё молоко.
Сквозь дымку, дрожа, словно пламя в латунной лампаде,
плывёт, приближается свет, а за ним по цепочке,
гирляндой идут большегрузы, и риск тот оправдан.
Зачем торопиться? Лишь стайка ночных мотыльков

безумно летит, словно к самому главному чуду,
на дымку ванильную, ту, что окутала фары.
Красивые, белые крылья мелькают повсюду,
ложась под колёса авто, затерявшись навек
на грязных дорожных обочинах. В ту же секунду
их ветер несёт от дорог, как помятый гербарий.
Поёт колыбельные, дёргая крылья, попутно
баюкая, рыжей листвой укрывая от всех.

Золото

Гера Шторм

Наше солнце давало нам жизнь и надежду на вечность.
Мы рожали великих детей. Венценосным орлицам
отдавали вскормить, чтобы выросли дети - богами.
Выжидали, что перья покроют их спины и плечи.
Руки крыльями станут и клювы расколуют гробницы
праотцов, чтобы мощь их впитать, что спала там веками.

Мы носили льняные туники и тоги из шерсти,
тем спасались от гнева небес и от солнечных вспышек,
что палили нам кожу, жгли волосы наши до пепла.
Время шло нам на пользу, бессмертными ставшие дети

возвращались к истокам, взлетали всё выше и выше,
показать, как они возмужали и вера в нас крепла.

В страшный час приходили враги, забирали младенцев,
уносили с собой, отнимая у нас нашу силу.
Обещали вернуть их за белое золото неба.
И тогда прилетали к нам взрослые дети. В навесы
поднимались небесные, крыльями гнали светило
раскалённое, к землям родным, не боясь его гнева.

Мы руками ловили горячее, белое солнце
и бросали в студёную воду, чтоб не обжигало
наши щедрые земли и наши больные ладони.
Доставали остывшим со дна векового колодца
остеклённое, круглое золото. Острым кинжалом
разрезали на ровные дольки, как спелую дыню.

Не дарили, а в жертву несли им - врагам своим самым
ненавистным и преданным, верным и самым заклятым.
Мы не прятали глаз, мы смотрели на сытые лица -
пожирателей золота. Ночью входили в их храмы
чтоб убить их - уснувших, за то, что сумели запрятать
в глубь себя наше белое золото - дивное солнце.

Находили младенцев своих, отдавали орлицам.
Разрезали врагам животы и потухшие дольки
доставали, сложив на огромное блюдо из стали.
Чтоб его воскресить, чтобы солнце взлетело, как птица,
брали иглы и нить шелкопрядов и трепетно, долго
зашивали, в руках - согревая.

Оно поднималось.

Зола да окалины

Гера Шторм

Эти люди от нас не бежали и лица не прятали,
хоть кружились давно над несчастными чёрные вороны.
Мы скрывали мятежные души за прочными латами,
озираясь на небо, что грозами было изорвано.
Эти люди смотрели в глаза нам с неистойвой жалостью.
Будто зная, как только мечи мы опустим кровавые,
чтобы земли очистить от них, небеса страшной тяжестью
упадут нам на плечи – мы будем гонимыми славою,
да недоброю – боги от нас отвернутся великие.
Мы мечи обнажили, мешая кровь с первыми росами,
уложив матерей и детей в травы сорные ликами.

...И они отвернулись. С тех пор наши боги нас бросили...

На огромной горе, где наш город стоял белокаменный,
нынче стонет земля от набега врагов лютых, преданных.
Там никто нас не ждёт. Там повсюду зола да окалины.

Возвратилось сторицею зло. Принесли его демоны,
чей прервали мы род, так сказал нам старик обезумевший.
Ненавистник не тронул его, чтоб поведал нам – проклятым,
как стелились на землю родную убитые юноши –
сыновья наши, жёны и матери. Сколько там пролито
было слёз дочерей. Враг отрезал их волосы русые,
в память долга велел передать. Ленты алые, пыльные
ветер, словно играя, трепал и протяжно без устали
поминальные пел. Наши боги заплакали ливнями.

Следы

Гера Шторм

Мой король, мне сегодня приснился беспомощный старец.
В чёрной мантии, молю побитой. Сверкала гроза.
Я спешила к нему, будто кто-то шепнул мне о даре
предсказания, что подарили ему небеса.

Он укрылся от грома под сторбленной, старой ракитой.
Тыча в тёмное небо костлявой рукою, сказал,
мне не глядя в глаза, мой король, твоё войско разбито,
на востоке от дома. И ты не вернешься назад.

То был сон, дочь моя. Сны пустыми бывают в субботу.
Мы расширим границы владений на этой войне.
Видишь, солнце в лазури купает свою позолоту.
Отправляемся завтра, скажи, пусть готовят коней.

... Мой отец не вернулся. Пришли беспощадные звери
в человеческом облике. Город спалили дотла.
Убивали людей. Я бежала искать новый берег,
чтобы выжить, спасти кровь отцову, что в венах текла.

У реки под ракитой увидела чёрную ветошь,
на которой сидел седовласый старик, он рукой
нам указывал путь. Уходило кровавое лето
в край магнолий, на юг. Мне же север пророчил покой.

Я несла в себе новую жизнь, продолжение рода.
Уцелевший народ шёл за мной. Осень - наш поводырь,
размывала за нами дороги водой небосвода.
Сбой в системе ПК окончательно стёр все следы.

Шариковое

Ольга Клен

Я - шарик воздушный:
Красивый, упругий.
Мне в лёгкие воздух попал!
Без воздуха душно.

Чьи губы и руки
Вдохнули мне жизни накал?

Сейчас в небе чистом
Устрою я гонку,
Мне солнце согреет бока,
Со смехом и свистом
За ветром вдогонку
Стихи сотворю на века.

Вернусь, поцелую
Касанием бодрым
Того, кто мне душу вдохнул.
В висках Алиллуйя:
"Свобода! Свобода!"
Но кто-то шепнул вдруг: "Да ну?"

Летаю, но низко,
И только по кругу,-
Мне в небо, боюсь, не попасть.
Суровая нитка
Пружинит упруго
В руках, где и сила, и власть.

Привязывать странно
Того, кто привязан
Не ниткой, а чувством любви.
Неверие раной
Глубокою вязнет...
Тихонько сдуваюсь... Лови!

Вот

Нелли Мершон

Вот, что нас жжёт дружок
Вот оно - прячься
Мачо взмахнёт ружжо... или ночной горшок
Где - то на даче...
Тащится та... с клюкой и... не за клюквой
Насторожился кот...
Носом не хлюпай
В детстве всё «не дорос» басенки, сказки
Ласково лижет пёс «мамины» глазки
В дерево трижды - стук
Ну, не по лбу же?!
Вытянув строчку брюк... уж не по лужам
«Жалюзи затвори»
Жар или жалость
То, что горит - внутри
Подзадержалось...

Не дыши

Нелли Мершон

Не дыши... а лучше не говори
И не шикай... прячется изнутри
То ли грипп засевший с былых времён
Поджидает очередь похорон
Инфлюэнца, как имя испанских мах
Гобелен расшитый под слово - страх
Гойе Альба мерещится... сон горит
Вещью, куколкой плещется — повтори -
Голос тонок
Маленький башмачёк... Селезёнкой чувствую
Я причём

Вырывает плоть свою у детей
(не дыши!) Сатурн... до ногтей... локтей
Глаз на выкате... может они не те?
Ну, те... с выкати - бойни на широте

На широтах всех, расширяя рот
Плачь ли... вой? Утех?! Вот и нет широт...

Камин

Нелли Мершон

Облизывая, как может
Отплёвываясь наружу
Огонь злые брёвна гложет
А рядом живёт, не тужит

Сиреневый цвет фарфора
Карминно хрустально винный
Букет обжигает горло
И пористость мандарина

Чужая беда — затея
К камину присесть погреться
И кожа тот час краснеет
И всё же не наглядеться

На пляски в индийском стиле
Там - золото отряся
В дому - что уже подпилен
Танцовщица жжёт босая

А ты молчать... решил молчать

АлексБел

Болеет мать...опять...опять...
А ты не в силах удержать...
И время вспять...

Стареет мать...опять...опять...
Уж тяжело читать ладошки гладь...

Звонила мать...опять...опять...
А ты решил...не поднимать...

Любила мать...опять...опять...
А ты, глупец, решил молчать...

Искала мать...опять...опять...
Твой голос сына...но...молчать...

И слезы мать...опять...опять...
Ночами тихо вытирать...

А ты молчать...решил молчать...
И опоздать...

О свободе

Евгения Лыгина

Её нельзя не любить,
Её нельзя не ценить,
Она сладка и прекрасна,
Ею наслаждаешься сполна.

Её не замечаешь порой,
Без неё не воротишься домой,
Смотря в небо, вспомнишь о ней,
Слезка скатится по щеке твоей.

Цена её необычайно высока,
Дорога к ней сложна, далека,
Пройдя этот нелёгкий путь,
Поблагодарить за возвращение не забудь.

В последний раз

Евгения Лыгина

Ты говоришь, что от нашей любви,
Остались лишь призрачные мечты,
Ты говоришь, за собой не зови,
Эту игру затеяла ты, затеяла ты!

В последний раз, в последний раз,
Утону в твоих глазах,
В последний раз, в последний раз,
Вспыхнул страсти огонь в наших сердцах,
В последний раз, в последний раз,
Держим любовь в своих руках,
В последний раз, в последний раз,
Мы дали друг другу шанс,
В последний раз, в последний раз,
В последний раз, в последний раз.

Нет, прощу, не уходи!
Ведь я осталась позади!
Не оставляй меня одну!
Не оставляй меня одну!

В последний раз, в последний раз,
Утону в твоих глазах,
В последний раз, в последний раз,
Вспыхнул страсти огонь в наших сердцах,
В последний раз, в последний раз,
Держим любовь в своих руках,
В последний раз, в последний раз,
Мы дали друг другу шанс,
В последний раз, в последний раз,
В последний раз, в последний раз.

Ты ушёл навсегда,
В душе осталась пустота.

Легенда о доброте

Татьяна Гуралёва

Однажды в утренней заре,
Когда румянились поля,
В туманной радужной росе,
На свет явилась доброта.

Размер ее почти, что дюйм
Совсем еще крошка мала.
Хотелось ей в своей красе
Явиться к людям, к ним в сердца.

Пошла бродить, искать себе
Большое сердце и любовь.
По узкой маленькой тропе,
Чтоб выйти к свету с мрака вновь.

И так и шла. Настала ночь.
Вдали дымился огонек.
Там алчным пламенем горя,
В дым превращался мотылек.

Кто ты? - :спросила доброта
- И как скажи тебе помочь?
В ответ услышала она:
- Отстань, иди скорее прочь!

- Надежда, я! И мне уже,
Всех надоело вдохновлять,
Шептала всем, в себя поверь,
Но ничего не поменять.

Только промолвила она
И растворилась в темноте.
Заплакала тут доброта
И очень грустно стало ей.

Вдруг, как лиса из-под куста,
Прильнула к крошке зависть:
- И от чего ты так грустна,
Что жизнь тебе не в радость?

С ней поделилась доброта,
Сгорела, как надежда.
Сказала зависть ей: - а я
Жива в сердцах, как прежде.

- И ты уйдешь! Я ж навсегда
Останусь в этом мире!
- И я хочу... - Ты доброта
тебе уж не по силе.

- Хоть подскажи дорогу мне
К тому кто не отторгнет,
Туда где я буду нужна,
Сердечко где не дрогнет.

И подсказала ей лиса
Дорогу, что похуже,

Где зависть, злость и боль одна,
Где доброта не сможет.

Но шла вперед сквозь вьюгу, мглу
Болота где, как крепость.
Прошла беду и не одну,
И угодила в пропасть.

И так лежа на самом дне
Потухшего сердечка,
Как лучик света в темноте
С укромного местечка....

К ней потянулася рука
- Я помогу не бойся!
Любовь, я и к тебе пришла
Со мной не беспокойся.

И засияло все вокруг
И отступила вьюга.
Сиянью не было конца
И пели птицы всюду.

- Откуда столь прекрасный свет,
И что это за чудо?
- Сияешь ты, о доброта!
Теперь ты здесь повсюду!

- Ты не сломалась и прошла,
Людские испытанья.
Я награжу тебя, сполна
Закончатся скитанья.

И указала на тропу,
Стояла, где изба
Мужчина лодку не одну,
Уж смастерил тогда.

И не было души сильней,
Прекрасней и теплее.
В дом постучалась доброта
И ей открыли двери.

С тех пор живет здесь доброта.
Живет и всех нас греет.
С ней очень счастливы сердца,
ОТКРОЙ И ТЫ ЕЙ ДВЕРИ!!!

Свет лунного луча

Сокольников Александр

Хочу сказать я о себе,
Люблю бродить я в темноте.
Один, всегда один во тьме.
Луна горит
И в вышине грозит мне,
Словно смерти луч,
Ведя меня к моим врагам -
К диким волкам,
К «верным» друзьям.
Они меня к себе зовут...
Одни обманом завлекут,
Другие вольность мне дадут,
Которой не хватает мне.
И стал бы жить я в тишине,
Один, только один во тьме!
Но знаю я уловки их.
Чуть подойдешь, один уже из них.
И шерсть, и когти у тебя,
Глаза сверкают в свете лунного луча.
И ты не в силах совладать с собой,
С новой натурой...
Уж в сущности изгой.
Не серый волк, не человек,
А только тень осталась от тебя,
И ждешь рассвета в свете лунного луча.

Я помню...

Наталья Говорухина

Я помню, как стучалась в запертые двери,
Мои вопросы отбивали косяки,
В ответ мне отзывалось лишь безмолвие кельи,
Где были заперты все мысли мастерски.

Но зов мой оказался не напрасен,
И жажда знания была утолена,
Раскрылся мир мне. Как же он прекрасен!
Вся правда жизни вновь определена.

Даны ответы на извечные вопросы,
И вроде не новы они, но нет.
Весь мир по-новому набросан,
И согревает из меня идущий свет.

Река

Наталья Говорухина

Я обнимаю красоту природы,
Целую ветер в легкие уста
И надышаться не могу свободой,
Что в каждом миге в ней отражена.

Она сочится отовсюду,
Как воды ищущей реки,
Что разливаются повсюду,
Сметая всё в своем пути.

Река волнуется, бурлит, смеётся,
Поведать хочет мне рассказ,
Который в сердце отзовется
Набором для меня понятных фраз.

Она расскажет о далёких странах,
Где юной девушкой росла,
О неоконченных романах,
Что в тёмных водах сберегла.

И как сливалась с новым, юным,
В экстазе бешено бурля,
О том, как расставалась с бывшим, блудным,
Галлонами себя даря.

Но вот она готова к новой встрече,
И вопреки, а может именно и потому,
Что мудростью напитана уж вдоволь,
Она отдастся лишь ему.

Такому сильному, большому,
Готовому принять её сполна.
И словно слышу в быстрых, бурных водах:
«О море, встречай же ты меня!»

Душа на досуге

Наталья Говорухина

И снова мечется душа в творческой истоме,
Вновь в чистый лист, как в зеркало гляжусь,
Рассказ готов родиться невесомый,
И ждёт лишь, чем я с вами поделюсь.

Разлить по тексту радость иль печаль,
Насытить светом иль тоскою неизбежной,
И закрутить сюжет в особую спираль,
Связав героев любовью страстно-нежной.

Но тсс, здесь шёпотом скажу:
«Я в них ищу своё лишь отражение».
И мягкой поступью шагаю к миражу,
Вновь наблюдая мира зарождение.

Такая разная судьба,
И лица не похожи друг на друга.
Но это снова я, или она?
Душа, готовая заговорить лишь на досуге.

В поисках мечты

Наталья Говорухина

Блуждая в темных переулках,
Ища сознания негасимый след,
Ты обнаружишь в радужных осколках
Мечты своей потухший свет.

Но ты взглядишь в остатки бликов,
В их разноцветные огни.
Там радость, счастье и надежда,
Остатки веры и судьбы.

Узор мозаики ты многоликой
В карман нагрудный собери,
И дома в тишине безлюдной
Рисунок новый их сложи.

Я пропускаю тебя через сердце

Пархоменко Валерия

Я пропускаю тебя через сердце,
Через висок.
Я берегу тебя, как младенца
Мать бережёт.

Я уйду если только цунами
Заставит уйти -
И то даже вряд ли. Никогда между нами
Никому не пройти!

Я отпущу тебя если только
Ты скажешь тебя отпустить.
Тогда я, наверное, уже никогда
Не смогу дальше жить.

Слова могут ранить

Пархоменко Валерия

Слова могут ранить, твои - довести до ручки,
Слова осторожно пускай по цепи, не бойся,
Если убьешь, что ж, ладно, моя жизнь и так одни кочки,
Если убьешь - значит так было нужно.

Слова могут ранить, грызть и покалечить,
Если читаешь и плачешь - значит пишу только правду.
Нет, мне не жаль, не моя вина в этом месте,
А чтобы убить виновных, однажды возьму кувалду.

Слова убивают, а я не пойму, как хуже,
Что мне сказать такого, чтоб ты навсегда оставил?
Если сделаю больно - значит так было лучше,
Если тебя убью - значит ты заставил.

А она наблюдает в оконце

Авдеева Полина

Одна девочка слушала капли дождя,
За июньским смотрела ввысь солнцем.
Кто-то с палубы сходит того корабля,
А она наблюдает в оконце.
Вот играют на поле подружки с мячом,
И смеясь поют песни все хором.
Им и солнце, и грозы совсем нипочём,
Будут бегать под водным напором.
Уж обед, вот и мама поесть принесла.
Ни кусочка не трогают губы.
Завтра ждет опять новая ночь безо сна,
А ей поля просторы так любы...
Её доброму сердцу по нраву бежать
По лесам и лугам, без оглядки!
Легким хочется снова дышать и дышать
Свежим воздухом мягкой полянки.
По холмам и горам альпинисты идут -
Она смотрит на видео ярком.
Её грезы в самих же себе утонут...
Самолёт пролетает над парком.
Снова смотрит туда, в необъятную высь,
Представляя сама, что летает
После ловит на мысли: «Дурёха, проснись».
Очень быстро надежды все тают.

А друзья уж давно погулять не зовут,
Рядом мамы почувствует ласку:
«Скоро дядя с женой из Москвы привезут
Тебе новую инвалидную коляску».

И однажды придёшь ко мне ты

Александр Румега

Летний день длится, длится и длится;
Рано утром опять будет свет.
И над нами проносится птица,
Соединяя закат и рассвет,

Лучик солнечный, лучик звёздный,
Светлячка и пламя свечи,
Жаркий день и день зимний, морозный, —
Даже холод вселенской ночи.

И однажды звонкою песней,
Голубым дождём на цветы,
Небывалым лучом поднебесья,
Тёплым ветром придёшь ко мне ты.

Я тебя, хоть не видел, узнаю
По глазам, да по свету души.
Ты как будто пришла из рая,
Чтоб остаться со мною в глуши.

Время встречи уже недалёко.
Отсчитает солнышко дни,
И не будет нам так одиноко.
Сохрани тебя Бог, сохрани!

In amore veritas

Никитенко Вика

Как ласково и нежно
Касаешься ты губ моих...
В забытом переулке снежно
И гул прохожих стих.
Родная Магдалина
Преданье сие сохранит
Любви искрящим исполином
Плен рубежей пробит.
Сколь сладок плод запретный,
Овидий в древности писал .

Желанной неги мир несметный
В трудах его стенал.
Покорность неизбежна,
Мне б в водах утонуть твоих.
В забытом переулке снежно,
И гул прохожих стих...

Кемерово 25.03.18

Никитенко Вика

Нет слов... Только чувство глубокого горя,
Нависшего вновь над огромной страной.
Нас душат всех слёзы, но суть – не в терроре.
Им вечная память и вечный покой.
Могли ль перед Богом они провиниться
Толпа беззаботных невинных детей?
Не верю, что это могло приключиться,
Повлекши ряд жутких нещадных смертей.
Вина... кто в ответе за тяжкий проступок?
Хозяйка ли центра иль местная власть?
Жизнь- дар, зачастую который так хрупок,
Так кто же посмел его резко украсть?
Огонь.... Всё разрушил, оставив лишь пепел
И горечь утраты, и чувство вины,
Молитвами нашими станет мир светел,
Они смоят кровь с рук великой страны.

Шаги к возрождению

Никитенко Вика

Улыбнулась, расправила плечи,
Без роптанья на тяготы смело пошла
День сменяется днём. Не переча,
На терпенья ступень она скромно взошла.
Без печали, тоски и тревоги
Исписав сто бумаг, исходив сто дорог,
Искалечив прекрасные ноги
Ради тех, исцеленьем кто стать для них смог...
Изнурённо ломилась и в двери,
Чей замок неподвластен эмоций ключам,
Оставляя не без суеверья
Страшный сон этих дней на расправу ночам.
Лишь любовь и надежда, и вера
Обратили мелодию жизни в мажор.
Возражающаяся химера
Встретит в терпких глазах его мягкий укор.

Расстояние...

Авдеева Полина

Расстояние, право, ужасная штука
И терпеть её людям нельзя.
Это сердцу приносит немалую муку -
Долго рядом не видеть тебя.

Будто факел, теряет который все искры,
Или день, что сменяет закат
Вновь теряются в сумраке все мои мысли
И сереет их яркий парад.

Все меняется, кажется дело напрасным,
И душа свой снимает наряд.
Вероятно, окажется очень опасным,
Если муку опять повторят.

Расстояние, как беспросветные ветви,
Километры, как бури снегов.
Но когда-то закончатся колкие петли,
А светило - губитель для льдов.

И борьбы с расстоянием действенный метод
Не один есть, я все применю,
Если знаю, что ждешь меня трепетно где-то,
Если хочешь услышать «люблю».

Мы увидим друг друга

Авдеева Полина

Мы увидим друг друга на улице,
Я узнаю родные черты.
Никогда ничего не забудется,
Навсегда в моем сердце лишь ты.

Пусть пройдет десять лет с расставания,
В незнакомой толпе серых лиц
Ты заметишь глаза мои карие,
И найдемся в высотках столиц.

Все прибудет, ты верь, счастье сбудется,
И приснятся нам добрые сны.
Даже если в пути мы заблудимся,
Дни и месяцы будут пусты.

Не спеши ты писать завещание,
Ещё будем мы вместе идти.
Даже если случится прощание,
Не свернуть никогда нам с пути.

Я вернулась...

Ольга Клен

Я вернулась к себе
после долгой с собою разлуки:
Всё искала в мирах
потаённые нити судьбы.
Не всегда были дружбой полны
мною пожатые руки,
И не всяко зерно в хлеб вошло,
как итог молотьбы.
Ветер в ухо шептал.
Он казался попутчиком верным.
И дорога звала
гладкой поступью лёгких следов.
Сдать экзамен на мудрость хотелось
прожжённым экстерном,
Только путь мой застрял
среди мёртвых торосов и льдов.
Я вернулась к себе,
в кровь изранив наивную душу,
Цену зла и добра
заплатив за науку с лихвой.
Можно правильно жить!
Но вчера я во сне обнаружу
Только душу одну,
Что осталась без тела живой.

Я гляжу, его сердце плавится...

Горбунова Анастасия

Я гляжу, его сердце плавится,
Он как лёд, но уже не то,
Он мне тоже немного нравится,
Только холод в душе его.

И дожди льют уже годами,
Тяготит серый мрак небес.
И бездушное, красное пламя
В сердце мглою вонзает крест.

Я гляжу, а в глазах его иней
Отражает холодный рассвет.
Средь пустых нашей жизни линий
Пробивается яркий свет.

Я гляжу, а он ухмыляется,
Будто сердцу совсем невдомёк,
Чем мой милый ночами мается,
Где он днями ищет намёк.

Жизнь она как птица страсти-
Упорхнёт-ищи в ней толк.
Но в огне найдя любовь и счастье,
Угорел наивный мотылёк

Путь

Оксана Веснина

Ползком теперь я, еле-еле
По скользким рельсам, так набившим
Оскомину,
Ошмётки сердца в пыли пепла
Остывшей топки машиниста
Осколками,

Забрезжит рыжей долькой света
Весёлый стрелочник в жилетке
Оранжевой,
Построит тропы, там ответы
Заменят прутья ржавой клетки
Бумажками -

Сожгу обрывки, пламя сплавит
По капле пыльные стекляшки
Под занавес,
С разгона в путь опять по шпалам,
Пейзажи знойные запляшут -
Всё заново.

Человеку нужен человек

Оксана Манько

Человеку нужен человек.
Считая звезды ясными ночами,
Укутавшишь сильнее в теплый плед,
Ты сразу понимаешь -
Человеку нужен человек!

Человеку нужен человек
Со всеми тараканами и прочим,
Совсем другой, совсем уж не похожий -
Разгадывать его ежесекундно...
Человеку нужен человек!

Человеку нужен человек.
И с чашкой кофе по утрам,
С взъерошенными за ночь волосами,
И с ссорами, обидами... Да-да!
Живой, с эмоциями нужен.

И с общим фото в рамке на столе,
И с тайнами от всех - так души будут воедино.
Когда в тебя он верит,
Ты чувствуешь себя не победимо.
Человеку нужен человек!

Человеку нужен человек
Для ощущения счастья, умиротворенья.
Человеку нужен человек.
Человек-опора, человек-вдохновенье.

С НОВЫМ ГОДОМ

Оксана Манько

"С Новым годом!" - пишу я тебе,
с новым счастьем я поздравляю!
Надеюсь, что ты не в беде -
Я удачи тебе пожелаю.

Может встретимся в новом году,
И прокатимся вместе на санях?
Можно даже у ели в саду...
Будем мчать с задержкой дыханий.

А потом в согревающий чай
Мы добавим ложечку мёда,
Вспомним наш ласковый май
И какой урок был нам подан.

Не сердись и не думай о том,
Что могло все быть по-другому.
Даже в горле когда стоит ком,
Ты прислушайся к сердцу родному.

Ночи длинные, день холодней,
Догорает поленце в печи...
Нам тепло в эту зиму нужней,
Даже, если оно от свечи...

Допишу я с улыбкой письмо,
Но не знаю: стоит отправить?
Холодно стало этой зимой...
Может, и правда стоит поздравить?

Месяц январь - зимушки-зимы государь

Дериземля Евгения

- На Крещение Господне в 12 часов ночи на водоемах происходит чудо! – загадочно повела свой сказ баба Аглая. Она ласково из-под седых бровей смотрела на внуков. Назарчик с Акулинкой сидели, развесив уши, и слушали чудесную историю, которую взялась поведать им старица.

Долго она жила на свете, много чего видела, про многое слыхала. Вот и теперь, в канун святого праздника решила рассказать о диве Господнем:

- Так вот – нараспев потянула она, - спокойная стоячая вода вдруг ни с того, ни с сего, начинает колыхаться!

- Бабуля, - Акулька шмыгнула носом, перебив рассказ бабки, - как же вода на реках колыхнется, если они покрыты льдом? – поинтересовалась девочка, в ее светло серых глазах играло любопытство.

«Ох, обманывает нас с Назарчиком бабушка!» - подумала она. – «Проверить-то это невозможно, под толстой коркой льда никакого колыхания воды не узишь!»

Старушка будто прочитав мысли внучки, довольно крякнула. Радовала ее такая тяга к познанию Акулинкой всего нового и неизведанного.

- Есть один способ, - бабушка Аглая хитро прищурилась.

- Какой?

- Какой? – наперебой загалдели дети.

- Нужно сесть в проруби и ждать. Ровно в двенадцать часов на поверхности воды появится волна... - старушка перешла на тихий шепот, словно делилась со внуками большой тайной и боялась, что ее кто чужой услышит.

- А что это за волна? – полюбопытствовал Назарчик.

Мальчуган заерзал на жесткой скамейке от нетерпения. Ему хотелось как можно скорее про волшебную волну услышать.

- А это, Назар, - Акулька легонько стукнула брата пальцем по кончику конопатого носа, - Иисус Христос в воду погрузился! – девочка ласково улыбнулась младшему братику и повернула голову к бабушке. – Ведь правда, бабуля?

Старушка молча кивнула, в уголках ее глаз, словно теплые добрые лучики, залегли морщинки.

- А как же он в прорубь заходит? – не унимался мальчуган. – Там ведь так холодно. Разве он не мерзнет? – малец быстро закрутил головой, переводя взгляд с бабушки на сестру и обратно.

- Вот дурко! – Акулинка прыснула от смеха. – Раве может Христос замерзнуть?! – уверенная в том, что она права, девочка дернула бабулю за рукав, чтобы та подтвердила сказанное.

Бабушка Аглая пустилась в долгие разъяснения:

- В само Крещение, как только первые колокола на храме начнут звать людей на утреннюю службу, благочестивые христиане разжигают у воды костры, - бабуля поучительно подняла вверх указательный палец, - чтоб Иисус, принявший крещение, смог согреться у огонька!

- Тогда я, - вскочил с лавки Назарчик и стукнул себя маленьким острым кулачком в грудь, - еще в полночь пойду на берег, да и костер разведу!

- Зачем же, внучек, в полночь? – удивилась старушка. – Мы это с самого утра сделаем!

- Нет, - заупрямился малец, - если с утра я на речку пойду, то как же я узнаю

крещался ли Иисус в нашей реке, или нет? – насупился мальчик, пытаясь объяснить им бестолковым, что именно в ночи на берегу быть нужно. – Тем паче, что я еще и посмотреть на колыхание воды хочу! – тихо признался мальчуган, густо при этом покраснев. – Тогда я точно знать буду, что Боженька крестился, тогда он к моему костру пойдет погреться.

- А к чему тебе, Назарчик, точно знать крещался ли на нашей речке Иисус или нет? – удивленно приподняла русые брови Акулинка. Ей, конечно, тоже было интересно на чудо в ночи посмотреть, да только девочка как представила себе, что это ночью на морозе сидеть нужно, тут же ее любопытство и прошло. – Раз сказала бабушка, что колышется вода в полночь, значит, так оно и есть! – заключила девочка.

-Э-э-э нет... - протянул Назар, - я как своими глазами увижу, тогда и узнаю. А как волной речка пойдет, я тогда у Боженьки за бабушку попрошу, - мальчик со слезами на глазах посмотрел на сгорбленную от старости спину бабушки. – Я за твоё здоровье, бабулечка, просить буду, чтобы ты долго жила и не болела. – при этих словах смахнул малец слезинку, скатившуюся по его щеке.

Одна ведь бабушка у них с Акулькой на всем белом свете и другой родни больше нет. Старушка ласково потрепала по светлым взъерошенным волосам внука:

- Молодец ты какой! – одобрила намерения Назарчика бабушка, - да только ради этого на речку идти не нужно! – старушка притянула внучат к себе и крепко их обняла. – Вы, мои дорогие, в избе, в красном углу, кружку с водицей поставьте под божницу. Как придет час Христова крещения, тогда сама по себе вода всколыхнется и небеса откроются! Вы посмотрите в распахнутые на мгновение небеса и помолитесь Господу, тогда моление ваше точно услышано будет!

Кружевичка

Чернышева Светлана

Жил-был в небольшом вологодском селе вдовый мужик. И была у него дочушка Катеринка. Хорошая деушка выросла – красивая, работающая. Незнакомцев сторонится, а для своих – старается, до заката трудится.

Жили бы - не тужили. Да лонись приснился мужику сон. Видел он, как богатство прямо с неба в руки упало: серебряные снежинки, как монетки, ровненькие, а ещё – витиеватые... Красота-то какая! Только во сне такое и бывает!

А в доме напротив жила одна кулёма, и звалась в народе Кикиморовной, хотя была тороватая да сметливая. Как только про соседский сон узнала, тут же замуж засобиравалась. Напялила фуфайку поновее, в снегу обвалялась и на крышу полезла, чтобы мужику прямо в руки свалиться. Хорошо ещё, в телегу на соломку упала, а то неизвестно, чем бы дело закончилось. Свадьбу сыграли – мужик всё чуда ждёт! А через денёк, откуда ни возьмись, явилась и дочь её Анфиска, ряженая и крученая. Было той дочке годков тридцать, али поболее, а она всё незамужняя ходила. Потом что валявка – коли сделать что попросят, запричитает на всю деревню: "Ой, измучали, совсем не отдыхала...".

Зато Катеринка на минутку не присядет – всё в заботах. Хорошо, зимой работы немного, можно и кружева поплести. И на Благовещенский базар съездить. Душа -то ждёт-радуется.

– Батюшко, а, батюшко, отпусти меня на торговлю посмотреть - подивиться, – упрашивала Катеринка. – Бают, что мастерицы новой кружевной манере обучились, а мы всё густыми городами выплетаем.

А отцу даром – езжай, может, денежку заработаешь. Собрала деушка свои изделия, да с гармонистом Васькой и отправилась на лошади. А как на торгу оказалась,

так и обмерла.

– Полюбуйся, Вася – настоящее сокровище, узор сцепной, а само мерное, тонюсенькое, просто удивительное, – ахает Катеринка. Глядит снова и снова удивляется: платья, косынки, тальмы, покрывала, вуали и чепцы – всё из кружева...

А пареньку и примечать некогда – всё красотой деушки любит.

Тут, на торгу, и узнала Катеринка, что учит новому мастерству мещанка Анфиса Брянцева. Обрадовалась, а потом поняла, что пятак на обучение трудно будет у мачехи выпросить.

Но Кикиморовна сразу выгоду поняла. Будет девка новой кружевной манере обучена – век не голодать. Отпустила, но и денег не дала. Стала деушка думать, как у мастерицы манеру перенять. А тут как раз Васька нарисовался:

– Выходи за меня, я тебя у батюшки и мачехи высватаю.

Подумала Катеринка и обещание дала, что сделает себе чудесное приданное и пойдёт за него. А сама к Брянцевой в Вологду отправилась – проситься на безвозмездные уроки. Анфиса Фёдоровна добрая оказалась, приняла девушку.

Поклонилась сиротка мастерице и дочке её Софье, поблагодарила. Вот там она настоящее чудо-то и увидела. Всё в доме кружевное – скатерти, накидочки, занавески, покрывала...

А как села за льняную подушечку-куфтырь, намотала нитки на коклюшки, перенесла сколок, наметила иглами узор, так и зазвенела работа. Мастерил узоры, сколь нужно часов, без передышки, сколько душа пожелает. Так и обучалась.

А Ваське – жди. Деревенька хоть небольшая, а гармонисту всегда подруга найдётся. Не терпится парню, вот и стал Катеринке напоминать:

– Моя зазнобушка, давай жениться, а то передумаю.

Приуныла славница и говорит парню:

– Любовь только в молодости жаркая, а потом куржаветь начнёт, коли терпеньем и заботой не сдобришь. Если бы ещё полгода подождал, то век бы твоей была.

Сказала и за работу принялась. Долго бродил Васька, раздумывая. Дров наколот, землю вспахал, картошку посадил, сено собрал, а она всё кружева плетёт. И стал он под окнами играть, зазнобушку вызывать:

Мастерица-кружевница, мне коклюшкой подыграй.

Я в тебя давно влюблённый, обещанье исполняй!

А Катеринка плетёт, глаз не поднимает, голосом не отзывается.

Мастерица-кружевница, деушка учёная,

Не могу я больше ждать, сердце закопчённое.

Обидно гармонисту, а что тут поделаешь – полгода-то ещё не прошло.

Мастерица-кружевница, всё никак я не дождусь.

На кикиморе Анфиске, вот, возьму я и женюсь.

Ну, Анфиска услышала, так сразу из избы вылетела:

– Женись, Вася, коли обещанье дал.

Через день сваты приехали. Кикиморовна все полотенца с вышивками вывешивала, кружева разложила, а потом плакальщиц позвала. В день свадьбы наполнилась куть сверстницами-молодками. Причитать нужно, а Анфиска счастлива – сияет, словно керосиновая лампа. Пили, ели, а потом плясать пошли. А жених сидит – гармонь из рук вываливается. Заорала частушку невеста, словно холодяночкой обдала, громко и визгливо:

С женихом я повстречалась у окошечка избы.
Я ему пообещалась, а он смотрит не туды...

Все, конечно, поняли, что Васька Катеринкой любитесь. А она всё глаз не поднимает – кружево плетёт. Ну, дело - делом, а песням и частушкам она у Брянцевых тоже выучилась. Всеми у настоящей-то мастерицы научись!.. Сама Анфия Фёдоровна с песнями трудилась. Сколько раз к ней учёный Иваницкий приезжал, песни записывал, в книжке напечатать хотел...

Вот, плетёт кружева Катеринка, а сама слушает, как играет Васька. Не вытерпела и зазвенела, словно реченька, нежно и душевно:

Ой, коклюшечки мои, звонкие, еловые,
Мастерство не утаишь, кружева-то новые.
Вологодские узоры, научилась я не зря.
Я себе найду другого, чтоб сильнее любил меня!..

И так уж не по себе жениху-гармонисту – Анфиска-то совсем опротивела. Сидит Васька рядом со счастливой кикиморой и горюет.

А Катеринка, как в воду глядела – появился у ней суженый. Приехал знатный молодой купец из Москвы за кружевным товаром. И до того ему вологодская деушка понравилась, что хоть сватов засылай.

– Это уж не забава, обожгла сердце, окружила душеньку, – клянётся молодец.

Стала Катеринка, купцу кружево показывать. Красота неземная. Что тут только не вырисовано – узоры снежные, чудеса лесные, фигуры дивные. Верно, мастерица-кружевница. А в это время и отец подошёл, так что, можно и договариваться. Все уж и думать про Анфиску и Ваську забыли, коли дело такое затеялось.

Свадьбу назначили. Невесту сам отец за рученьку привёл. Вот оно чудо – верно, царица небесная. Никто в жизни красоты такой не видывал. Глазки с поволокою, щёчки жарче солнышка, коса длинная, тёмно-русая, заплетённая жемчугом-узором. А свадебный наряд весь из тонюсенького кружева на вологодский манер. Как не залюбуйешься?!

Женился столичный купец на Катеринке, и стали они жить-поживать, да горя не знать.

Васька счастье своё потерял, терпенья не хватило. Вот, так и живёт свой век с кикиморой.

А в мастерской у Брянцевой ещё много кружевниц выучилось, каждая своё выплетает, словно на судьбу гадают: звёздочка – богатство, гребешок – здоровье, вилюшка – радость, а снежинка – нетающая любовь.

Гундосиха

Александр Мецгер

Недалеко от кладбища, среди густо разросшегося бурьяна, стояла старая заброшенная хата, крытая камышом. Внутри, в грязной, давно не прибиравшейся комнате, среди оплетенных паутиной грубо сколоченного стола, лавки и табуретки, сидела одинокая фигура и тонким голосом пела, медленно покачиваясь на скрипучем разваливающемся диване. Со стороны это скорее походило на вой одинокой собаки, выгнанной со двора хозяином.

В грязные запотевшие окна с трудом пробивался свет. И поэтому в комнате при любой погоде постоянно был полумрак. Но, по-видимому, хозяйку это совсем не беспокоило. Она и сама давно не мылась. Единственное, что выдавало в ней женщи-

Строка прозы

ну – это длинные белые распущенные волосы, которые легче было бы обстричь, чем расчесать. На лице, изрезанном морщинами, застыла улыбка, отчего беззубый рот приобрел такую гримасу, что не каждый рискнул бы подойти к ней вечером на кладбище, где она просила подаяния и собирала оставленные на могилках печенье и конфеты.

Все селяне, живущие много лет рядом с ней, знали о ее безвредности и нужде. И, кто чем мог, помогали бедной женщине, которая была не совсем в своем уме. Мало кто помнил настоящее имя старухи, и кто первый прозвал ее Гундосихой. Но это прозвище настолько к ней пристало, что многие считали, что у нее и не было другого имени. Говорили, что во время войны она с малолетним сыном скрывалась в погребке. А по ночам вылазила на картофельное поле и выковыривала из мерзлой земли окаменевшие клубни, чтобы прокормиться. Один раз ее выследили два дюжих полицейские и так избили, что несколько дней она не могла двигаться. Помогли соседи, не дали умереть с голоду. Тогда-то, из-за перебитого носа, она и получила свое прозвище, приставшее навсегда.

После войны она работала не покладая рук, чтобы прокормить и выучить сына. И никому никогда не жаловалась.

Когда сын окончил школу, то заявил, что поедет в город поступать в институт. Сколько денег она ему отправила – никто не знал, но за все время его учебы никто не видел, чтобы она купила себе хоть какую-нибудь обновку.

...Это произошло лет через десять после отъезда сына. Сын приехал к ней на новеньком «Москвиче», в костюме и при галстуке. Мать гордо шла с ним по селу и каждому встречному объясняла: «Вот сыночек приехал, хочет меня к себе в город забрать». И действительно, сынок заходил к продавцу и дому, и хозяйство. Он не торговался, и поэтому дня через три буквально все продали. Остались лишь два узелка с личными вещами. Садясь в «Москвич», сын велел матери ждать бортовую машину. Три дня мать просидела на узлах на ступеньках магазина. На четвертый день пошел дождь, и кто-то из жалости пустил бедную женщину в старую кухню. Через неделю никто не поверил бы, что перед ними та самая Гундосиха, которую знали. По селу ходила старуха с распущенными седыми волосами и, громко смеясь, что-то пыталась рассказать прохожим. Бедная женщина тронулась умом.

Прошло несколько лет.

С самого детства Оле хотелось иметь бабушку. Она с завистью наблюдала, как другие дети гуляли в парке, а их дедушки и бабушки, под чьим присмотром они находились, покупали им мороженое и всякие сладости. Оля спрашивала у родителей, где ее бабушка. Мать обычно отмалчивалась, а отец отвечал, что она умерла. Для Оли отец всегда был примером, и девочка гордилась им перед друзьями, но один случай очень удивил и озадачил ее.

Как-то на день рождения Оли папа пообещал купить ей подарок, и они отправились в магазин. На улице незнакомая женщина остановила их и стала ругать отца, обвиняя его в том, что он обворовал свою мать и бросил на произвол судьбы

. К удивлению девочки, отец молча прошел мимо. На Олин вопрос «Кто это?» он односложно ответил: «Просто больная женщина». Ответ девочку не убедил, и, когда дома никого не было, она нашла в старых фотографиях письмо от бабушки, Агриппины Ивановны. На конверте был указан адрес. Недолго думая, девочка достала из копилки деньги и отправилась разыскивать свою бабушку.

В небольшом селе новый человек на виду. Так и у нас, невозможно было не заметить незнакомую девочку в серой юбке и белой кофточке. Девочке было лет четырнадцать, она стояла с небольшим рюкзаком и безнадежно оглядывалась.

– У тебя нет конфетки? – донеслось со стороны.

Только сейчас девочка увидела странную старушку в мятой грязной одежде с распущенными волосами. Девочка полезла в рюкзак и достала зефир.

– Бабушка, – спросила она, – а как найти Агриппину Ивановну?

Старуху как будто ударило током, в глазах что-то загорелось, и она затряслась, потом взгляд ее опять потух и она пошла по улице.

Когда девочка задала тот же вопрос проходящей мимо женщине, та внимательно и долго смотрела на нее, а потом спросила:

– А зачем она тебе?

– Я ее внучка, – ответила девочка.

Женщина удивилась и указала рукой на удаляющуюся фигуру Гундосихи.

На этот раз глаза от изумления раскрылись у девочки.

– Это моя бабушка? – единственное, что смогла проговорить она, и на глазах у нее появились слезы.

Весь день странная девочка ходила с Гундосихой, покупала ей мороженое и пирожки, отчего у старухи от переедания заболел живот. К вечеру Гундосиха решила, что глупая девочка покинет ее. Но девочка вслед за ней вошла в полуразвалившуюся хату. Со слезами на глазах она осматривала жалкое жилище своей бабушки, о которой она, Оля, узнала совершенно случайно. Потом девочка выскочила во двор, наломала каких-то веток и попыталась подмести пол. У бабушки не было даже ведра, чтобы принести воды, и девочка какой-то тряпкой протерла окна и стол. Когда стемнело, Гундосиха села на свой изломанный диван и стала напевать песню. Ее прервал шум машины возле двора. Из автомобиля вышел мужчина. Что-то очень знакомое почудилось Гундосихе в этом человеке. Но вот что?

– Эй, бабка, – грубо позвал он, – ты не знаешь, где живет Агриппина Ивановна?

«Какой странный», – подумала старуха. Мужчина хотел уже сесть в машину, но тут скрипнула дверь, и на пороге показалась девочка.

– Ты здесь? – удивился незнакомец. – А ну, марш в машину!

– Папа, – прокричала девочка, – посмотри, это же наша бабушка! – И она побежала к старушке, но отец перехватил ее на полпути.

Гундосиха, увидев, что обижают ее знакомую девочку, завывая бросилась на мужчину, схватила его за руку. Но тот брезгливо оттолкнул старушку, и она, словно перышко, отлетела в сторону и, ударившись головой о дерево, начала медленно сползать по его стволу. На какой-то миг взгляд ее стал осмысленным, и она что-то прошептала. Единственное слово, которое расслышала Оля, было «сын», после чего взгляд Гундосихи застыл навсегда.

Как казак грязью торговал

Александр Мецгер

Побывал как-то Прохор Цыбулька в санатории и был поражен тем, что там даже грязью торгуют. У него в станице грязи столько, что на тысячу санаториев хватит, а вот не додумался же никто торговать ею в станице. У него перед двором такая лужа с грязью, что любой санаторий позавидует. А то, что она лечебная, так в этом и сомнения нет. Вон, какие жирные свиньи выросли в той луже. А гуси Демьяниха, что живет напротив, сколько лет их в его луже выращивает, не гуси, а жирафы. По началу Прохор удивлялся: почему это везде сухо, а у него даже в жару лужа не пересыхает, а потом выяснилось, что это Демьяниха в ту лужу по ночам подливает для своих гусей воду из колонки.

-Хорошо, что лужу не засыпал, - подумал казак, - начну и я грязью торговать.

Посоветовался со знающими людьми, и те предложили ему сначала привати-

Строка прозы

зировать лужу, ну а затем сделать рекламу. В администрации удивились желанию Прохора, но не отказали. И вот Цыбулька стал хозяином лужи. В нужный день, когда приехала пресса, появились калеки, нуждающиеся в лечении. Первая приковывалась старуха на костылях. Прохор вежливо проводил ее в лужу. К тому времени у лужи собралась вся станица, понаблюдать за чудачествами земляка. И у всех на глазах эта старушка, не пролежав и часа в грязи, вдруг вскочила и радостно закричала:

- Какое счастье, я опять могу ходить!

Потом она вылезла из лужи и пошла мыться в душ, а к Прохору уже привезли следующего больного. Это был пожилой мужчина. При помощи двух молодых людей он дошел до лужи и, не раздеваясь, плюхнулся в грязь. Станичники с замиранием сердца следили за происходящим. А вокруг уже бегали корреспонденты, фотографируя лежащего в луже человека. Менее чем через час, мужчина пошевелился и сел. Посидев немного, он поднялся и самостоятельно выбрался из лужи. Его окружили журналисты.

- Не поверите, - стал рассказывать мужчина, - более десяти лет страдал от радикулита, ничего не помогало. А сейчас чувствую себя, словно заново родился.

Шум и крик изумленной толпы невозможно было передать. Все хотели продолжения, но Прохор объявил, что на сегодня его лечебница закрыта, а желающие принять ванны или купить грязь, могут записаться у его жены.

Толпа неохотно расходилась, обсуждая необычное происшествие. А Прохор в это время ставил магарыч своим дальним родственникам, приехавшим специально, чтобы устроить это представление и поддержать бизнес своего родыча, конечно, не бесплатно.

Ночью Прохора разбудил яростный лай собаки. Взяв фонарик, казак вышел на крыльцо. Смутное подозрение повело его к приватизированной луже. Мелькнувшая тень вызвала у него подозрение. Прохор направил фонарик и осветил Демьяниху с двумя ведрами, наполненными грязью.

- Ах ты воровка, - возмутился Прохор.

- Та тоби, чи грязи жалко, - стала оправдываться Демьяниха.

- Я на тебя в суд подам, - пригрозил казак.

- Так у меня всю грязь растащат, - думал Прохор, возвращаясь домой, - надо бы забор поставить.

Следующую ночь собака совсем не дала Прохору уснуть. Он без конца выскакивал на улицу, а зловещие тени то появлялись, то исчезали. Не зря во время войны станица прославилась своими казаками-пластунами. На утро лужа увеличилась вдвое. Известие о чудо-луже Прохора, с подачи журналистов, разлетелось по всей округе, и все станичники были уверены, что бизнес Цыбульке принесет небывалые доходы.

Первыми к Прохору приехали из налоговой инспекции, они потребовали, чтобы Цыбулька немедленно оплатил налог с прибыли, оформил документы на предпринимательскую деятельность и лишь затем он сможет заниматься бизнесом. Потом приехала милиция. Они посоветовали, пока по-хорошему, поставить вокруг лужи сигнализацию, камеры видео наблюдений и установить круглосуточное дежурство, можно даже с почетным караулом. Не забыли приехать и из пожарной охраны. Они выписали штраф, так как лужа не имела огнетушителей. Приезжали из санэпидемстанции, тоже выписали штраф. Каждому из проверяющих, Прохор делал подарки: разрешал бесплатно окунуться в луже. К вечеру подъехал какой-то авторитет из криминальной среды. Он предложил свою крышу взамен на пятидесяти процентную долю от выручки.

- Если не хочешь, что бы тебя утопили в твоей же луже, - пригрозил он.

Потом пришел батюшка просить на ремонт церкви, намекнув Прохору, что Бог может от него отвернуться. Приходил завхоз из школы просить деньги, приходили из больницы, и даже незнакомая женщина пришла попросить денег на аборт.

Когда, ночью, Прохор подсчитал, кому и сколько он должен заплатить, то схватился за голову:

- Мне жизни не хватит, что бы со всеми расплатиться, прежде, чем я открою бизнес.

Никто не видел когда и куда уехал Прохор, но на следующий день приехало два КАМАЗА, груженные щебнем, и засыпали лужу.

- Видно не пришло еще время в станице бизнесом заниматься,- объяснял Прохор землякам.

А вот Демьяниха, говорят, еще долго торговала грязью, толи наворованной у Прохора, толи своей собственной.

Очевидное - вероятное, или Разговор о таинственном

Александр Сух

- Ты веришь в привидения? - спросил меня как-то приятель, когда мы сидели в баре за кружками с пивом.

- Глупо отрицать очевидный факт, имеющий столь глубокие исторические корни,- невозмутимо ответил я, а про себя подумал:"Когда год назад, после недельного запоя, я выполз на свет Божий вдохнуть свежего воздуха, то выглядел гораздо хуже всякого привидения. Если судить по реакции прохожих".

- Согласен, только не каждый их способен видеть.

Я отхлебнул пивка и выдвинул свою версию:

- Скорее, они не каждому желают показываться. У каждого привидения своя степень стыдливости.

Друг мою гипотезу развил:

- Я думаю, они показываются с определённой целью:кому-то что-то сообщить, кого-то предостеречь, а кого-то просто напугать, из озорства.

- Всё зависит от того, какими людьми они были при жизни, - глубокомысленно изрёк я и обвёл посетителей бара пристальным взглядом. - Сволочь, онf везде сволочь, а значит и после смерти скотина порядочная. Если, конечно, не стал на путь исправления.

- А вот интересно,- не унимался друг,- они отражаются в зеркале или не отражаются, как вампиры?

- Отражаются! - уверенно ответил я, вспомнив с какой опаской подходил к зеркалу год назад.- Но смотреть страшно. Потом, может быть, и привыкаешь, но первый взгляд ошарашивает и ужасает.

- А ты видел? - с каким-то злым сарказмом спросил мой товарищ, выказывая тем самым своё недоверие.

- Да! Но только один раз, когда от меня ушла жена вместе с детьми.

- А при чём здесь это?

- Не знаю, но почему-то видел именно тогда. Значит, видимо, есть какая-то связь?!

- И доказать можешь?

Вот же, Фома неверующий.

- Конечно! Поверь мне на слово, что так оно и было. Понадобилось часа три,

Строка прозы

чтобы от него отделаться.

- И какие ты средства использовал? - полюбопытствовал любознательный друг.

- Всё, оказывается, не так уж сложно: вода, мыло и бритва.

- Бритва, конечно-же, опасная?

- Ни в коем случае! Опасная бритва слишком опасна, когда нет уверенности в руках.

- Да, - философски заметил мой пивной компаньон, глядя в окно, - в мире много чего непонятного.

Я решил от него не отставать, так как тоже считал себя философом:

- В мире всё просто и понятно, только мы очень мало знаем. А то что знаем, по большей части - неправда. А правду найти трудно, потому что их много. А то чего много, наш примитивный ум воссоединить в один монолит, а потом отсечь лишнее, чтобы получилась скульптура под названием Истина, не способен.

Я сам не особенно понял из всего мной сказанного, но, посмотрев на друга, я понял, что тот не понял вообще ничего. Надо было упростить ситуацию и я спросил:

- И что за глупость, что вампиры не отражаются?

- Ну, Жэка (это я, кстати, - Евгений), так во всех книгах написано и во всех фильмах показано.

Я был неумолим:

- Книги и кино - это искусство, причём, большая часть далеко не лучшего качества. Но в любом случае, оно всегда искажало и преломляло правду жизни в своих интересах. Сколько интересов - столько правд.

- А ты и с вампирами встречался? - и опять в вопросе Игоря (так зовут моего вредного друга) послышалось нездоровое недоверие.

- Да сколько угодно! Если отбросить встречи в общественных местах и на работе, то одно время, сразу после женитьбы, даже пришлось жить вместе с вампиром, пока я не уговорил жену переехать на съёмную квартиру. Лучше отдавать деньги на квартиру, чем на лекарство.

- И что, твой вампир отражался в зеркале? - пьяно и глупо захихикал Игорёк.

- Он не только в нём отражался, а очень любил этот предмет туалетного интерьера, подолгу любуясь своей вампирской сущностью. Коварный тип.

- А-а, это была твоя тёща! - друг блеснул своей прозорливостью.

- Почему была - она и сейчас есть, только у меня уже собственная квартира, в которой вместо чеснока в каждой комнате развешаны таблички: "Помни, вошедший, что ты здесь гость!"

Игорь допил пиво и безапелляционно заявил:

- А вот у меня тёща - добрейшей души человек!

- Ты же холостяк?! - неуверенно и негромко воскликнул я. Мы не виделись и не созванивались недели две, мало ли что...- Или женился, а друга даже на свадьбу не пригласил? Мог хотя бы сообщить.

Игорь недовольно поморщился: то ли от пива, то ли от моего вопроса.

- Тсс, тьфу-тьфу-тьфу, - он тихонько сплюнул через левое плечо на проходившего официанта и трижды грохнул кулаком по столу, отчего несколько человек посмотрело на нас, понимающе улыбаясь. - Ни за что! По крайней мере, пока. Я прихожу в гости к любой девушке как потенциальный жених, и отношение ко мне совершенно другое, чем будет потом, когда я стану кинетическим мужем. Пока есть возможность, я предпочитаю оставаться хорошей партией, не проявляя слишком пылкой любви, но и не убивая надежду окончательно.

Да, подумал я, ему можно выпендриваться, у него папа...ого-го у него папа, одним словом. Точнее, одним восклицанием. И он за папиной спиной - тоже ого-го!

- И я - добавил Игорь, - никогда о своих потенциальных тёщах слова плохого не скажу, как-то - кобра, гадюка, или просто змея. А сегодняшняя вообще во мне ду-

ши не чаёт! И мне очень не хочется портить с ней столь прекрасные отношения, которые, несомненно, будут если не разрушены, то потеряют всю прелесть радушия от моего посещения, когда её дочь превратится из невесты в жену.

В ответ я сделал замечание чисто биологического аспекта:

- Ты привёл слишком примитивный пример. Кобра, гадюка, или просто змея - названия этих пресмыкающихся слишком распространены в ареале обитания нашего славянского фольклора. Подобные эпитеты, как наглядное сравнение, я также ни разу не позволил себе озвучить. У меня в лексиконе имеются более благозвучные и ласковые слова. Например, - тайпанчик, мамбочка, каскавелочка. Особенно нравится мамбочка. Видимо потому, что ассоциируется со словом мамочка, и в этом есть доля правды. Для своих деток, какой-никакой, и мамбочка является мамочкой.

- А кто они такие, эти все мамбочки...и прочие?

- Тебе незачем это знать, раз ты холостяк. А когда повезёт с женьбой и захочется однажды сделать теще комплимент, я тебе расскажу. Ты лучше ответь мне на другой вопрос - с чего это ты сегодня увлёкся мистикой? Насколько я тебя знаю, ты всегда был страшным материалистом и прагматиком. Впрочем, как и твой папа.

Я человек не злой, а местами даже слишком добрый, но последней фразой всё-таки съязвил. Но друг либо не услышал издёвки, либо не придавал этому значения. Хотя именно последняя фраза оказалась ключевой и послужила темой дальнейшего разговора.

- Вот именно, мой папа! Тут всё дело в папе.

Я тут-же не к месту срифмоплётит, вспомнив старую присказку:

- Всё дело в шляпе!

- А? - не сразу сообразил Игорь, занятый своими мыслями. - А, ну да, я помню твою страсть к каламбурам, бурлескам и к этим, как их? Буриме, во! Так вот, мой папа далеко не шляпа, и ты это знаешь. - Ну ещё бы, мне этого не знать. - И из своей шляпы он вытаскивает не безделушки, в виде лент и цветов, а проделывает фокусы куда интереснее. Но в последнее время, хочешь верь, хочешь нет, одолело его одно привидение. До невозможности! Боюсь, ещё немного времени, и из ответственного и уважаемого человека он превратится в пациента психбольницы.

Я его решил успокоить:

- А ты знаешь, какие выдающиеся люди проходили через это учреждение?

Но едва я сказал это предложение, как понял, что после такого страшного предположения, он опять суеверно захочет сплюнуть, только уже не официанта, а нашедшего по проходу здорового, молодого парня.

- Игорь! - крикнул я. - Смотри!

Игорь встрепенулся от неожиданности и сглотнул слюну.

- Куда? - спросил он, поворачивая голову из стороны в сторону. Парень прошёл, бросив на нас небрежный взгляд.

- На меня, - ответил я спокойно и улыбнулся. - Не надо вертеть головой, будто только что из леса вышел и впервые увидел людей. Тем более, эстетики здесь не увидишь. Так что там за привидение посещает твоего папу?

Друг очень грустно вздохнул.

- Видишь ли, привидением сей гражданин стал совсем недавно, а до этого он был добросовестным налогоплательщиком и заботливым семьянином.

Он ещё раз вздохнул и умолк. Я ждал, но товарищ молчал. Транс. Нужен был толчок. И я спросил:

- Ну и каким образом он из одного превратился во второе?

- Ай, Женька, лучше не будем об этом. Какая-то грустная и тёмная история с жилплощадью. Он должен был получить квартиру, но не получил, и обвинил моего отца в аферах и взяточничестве. Он приходил к нему ругаться на работу, а через несколько дней умер от сердечного приступа и теперь приходит домой, только уже по ночам. А ещё на службе неприятности: вцепились в горло серьёзные органы и пыта-

Строка прозы

ются прищемить хвост. И получается - ни днём, ни ночью покоя нет.

Это не просто грустная история, это - трагедия. Касательно, конечно, бедолаги, превратившегося в привидение. А я не люблю не то что трагедий, а даже драм. Но посчитал долгом чести и совести спросить:

- А сам-то как думаешь, отец виноват?

Зря спросил. На глаза друга навернулись слёзы.

- Ты же не наивный ребёнок,- ответил тот, шмыгнув носом. - Сам прекрасно понимаешь, что занимая такую должность, он крутится в большом механизме, где все детали взаимодействуют синхронно. Либо ты притираешься, либо тебя выбрасывают, как брак.

Вот она, цена карьеры и успеха. У меня не было слов, да я их и не подыскивал. Мы все взрослые люди, и за свои поступки должны нести ответственность.

- Теперь вот думаю,- резюмировал Игорь,- что лучше для бати:психушка или тюрьма?

"На всё воля Божья",- мысленно ответил я,но голос мой остался нем. Глупо говорить подобную фразу человеку, судящему о людях по автомобилю, одежде и количеству золота на теле. И вообще, любые слова в подобных ситуациях будут звучать либо бестактно, либо лицемерно. Поэтому, я просто молчал. Игорь не был глупым парнем, он всё понял. Усмехнулся и щёлкнул пальцами, подзывая официанта.

- Витёк, ещё по пивку и по сто пятьдесят беленькой - для разгона душевных облаков и стирания негатива из слишком твёрдой памяти. Ну и салатик какой-нибудь на закуску. Будь любезен!

Витёк понимающе по-лошадиному кивнул головой, а я категорично запротестовал:мол, домой пора, жена ждёт, дети. Но человеку, не познавшему вкуса и всей прелести семейной жизни, не понять гармонии семейного очага, где главенствует её высочество - идиллия. Мою идиллию зовут Светланой.

- Жэка, успеешь, ещё полчаса и по домам. А я сегодня, пожалуй, пойду к Ирине, с ней морально отдыхаю. Даже когда молчит, рядом чувствуется уют и забота.

- Так женись! - я был рад смене темы разговора.

- Очень даже может быть, но чуть погодя. Давай продолжим нашу увлекательно-познавательную беседу о привидениях и вампирах.

Я искренне взмолился:

- Игорь, может не надо? Ты знаешь, как я не люблю политику, но лучше уж о ней. Она более абстрактна и далека, нежели те, о которых ты жаждешь вести речь.

Нам принесли заказ и Игорёк, наливая и улыбаясь, ехидно заметил.

- Друг, я не узнаю тебя! Когда-то ты был сорви-голова, а тут даже поговорить боишься о том, чего никто не видел, но судачат об этом все, включая газеты и телевидение, приводя в доказательство массу очевидцев.

Я стал серьёзен.

- Ты зря насмехаешься над тем, чего не понимаешь. Иногда в роли привидения выступает проснувшаяся совесть, а мы ищем защиты у психологов, глотаем транквилизаторы, пьем водку, чтобы и те, и другие, и третьи помогли её убить.

Теперь уже товарищ решил перевести диалог в шуточный тон:

- С твоим вампиром мы разобрались, расскажи подробнее о твоём привидении, которое ты одолел в столь короткий срок?

- Я не люблю вспоминать тот эпизод, особенно о нём рассказывать. Да и вообще я не люблю встречаться с привидениями! У них нездоровая склонность появляться в самый неподходящий момент.

- Ну, я думаю, именно это им и положено делать по статусу и прописано в обязанностях при назначении на эту беспокойную должность.

Я возразил:

- Есть привидения, которые выполняют свои обязанности от случая к случаю,

а в остальное время они обычные люди. Также, кстати, как и вампиры. Работа, что называется, в своё удовольствие.

- А вот интересно, - гнул свою линию друг, не обращая внимания на мои иронично-критические замечания. - В каждом старинном замке, как неотъемлемый атрибут, даже скорее, как житель без прописки, всегда имелось привидение. Замок без привидения, что человек с подмоченной репутацией: он может быть здоровым и красивым, но цена ему не высока. А вот в нашем Лидском замке почему нет достойного хранителя старины? Или оно есть, но настолько скромное и стеснительное, что за сотни лет ни разу не показалось и не привиделось?

Я и это любопытство с удовольствием удовлетворил:

- Во-первых, мой друг, наш замок стал замком совсем недавно, исключительно в коммерческо-туристических целях, а до этого он был крепостью. Замок предполагает наличие всевозможных помещений, в том числе и жилых. Где ты в нашем замке найдёшь хоть крохотную комнатку, в которой древний путник мог бы отдохнуть, погреться у камина и в приятном расположении духа отойти ко сну? Их нет, да и не было никогда! А теперь скажи, какое уважающее себя привидение поселится в таком не благоустроенном месте? Мало того, что без удобств, так ещё и под открытым небом: на ветру, в дождь, в снег. Только совсем сумасшедшее! Но, как видишь, такого идиота даже среди привидений не нашлось, а если и забредал какой-нибудь фантом-придурак, то надолго не задерживался.

- Точно! И я не хотел бы в нём жить. Вот если бы внутри застроить, подвести электричество, воду, канализацию... - Игорька потянуло в магнатские фантазии, но то ли сообразил, что заселиться ему туда не позволят, то ли посчитал, что слишком много этот план потребует капиталовложений, а положение у папы шаткое, но мечты резко оборвались, так и не достигнув сдачи замка под ключ. Но закончил на оптимистичной ноте. - Но смотрится...он, она очень здорово!

Искреннего восхищения в последней фразе я не услышал.

- Абсолютно с тобой согласен. После всех реконструкций и реставраций, наша крепость, с двумя великолепными башнями и подступающим к ней вплотную озером, выглядит величественно. Когда на душе тоскливо, я, вместо посещения всевозможных шумных заведений, медленно бреду к нашему историческому памятнику в любое время года и в любую погоду. Окунаюсь мыслями в волны прошлых времён, и постепенно грусть уходит, а вместе с нею и полоса невезения. Даже не знаю почему, но присутствие двух артефактов - крепости и старинного костёла, находящихся в непосредственной близости, благотворно влияют на мою жизнь.

- Да уж, - опять философски, как Киса Воробьянинов, заметил друг, из всего моего монолога запомнив лишь одну фразу. - Полоса невезения у всех разная. У кого череда мелких неприятностей, а кого крах всей жизни.

Я вновь решил отвлечь пессимистические мысли товарища одним забавным, с точки зрения стороннего слушателя, случаем.

- Кстати, о полосе невезения, - начал свой рассказ с лукавой усмешкой. - Работал я одно время с парнем по имени Миша. Хороший и отзывчивый человек, но любящий выпить и не имеющий в этом процессе тормоза. Годом к сорока у него здорово стали крошиться зубы, и он самоотверженно, в ущерб свободному времени, принялся за их лечение. Потратил он на это мероприятие два месяца, уйму денег и столько же нервов, от волнений и переживаний за первые два пункта. И вот, когда он без стеснения мог улыбаться широкой клоуновской улыбкой и во всё горло кричать об отечественном сыре на английском языке, на радостях это дело отпраздновал, шёл домой, зацепился и всей массой хрясь зубами о бордюр! Назавтра, когда он увидел себя в зеркало с открытым ртом, язык выпал не только от удивления. Зубов как не бывало. Вот. Ты погоди делать выводы, это ещё не всё. Разозлился он сильно. Вырвал все оставшиеся и сделал, что называется, съёмные, опять потратив время, деньги и нервы. Теперь, чуть что, он их в коробочку и в карман. Но вот однажды по-

Строка прозы

ехал он на велосипеде на рыбалку. Там завёл полезные знакомства с коллегами, затем эти знакомства укрепили водочкой, но до того как упасть, заблаговременно, Миша достал свои зубки, положил в коробочку, а коробочку в кобуру для ключей на велосипеде. В конце концов, как всегда, упал и уснул. Вот.

- И что "вот"? Молодец, мужик! Научился на собственном горьком опыте. Зубы-то целы!

- Да, - согласился я, - урок пошёл в прок. Зубы целы, но дело в том, что незнакомые коллеги-собутельники уехали на его велосипеде. Естественно, вместе с зубами и снастями. Вот такая у человека зубная полоса невезения.

Надо сказать, что всё это я рассказывал без тени улыбки, вспоминая горемычного товарища, который, в своё время, поведал самокритично и с юмором. Друг засмеялся только после второго криминального эпизода, следом улыбнулся и я. Но в следующее мгновение моя улыбка испарилась и у меня перехватило дыхание. Мой взгляд, ненароком брошенный на входную дверь, остановился на импозантной блондинке ростом в метр семьдесят восемь сантиметров, с третьим размером бюста и длинными стройными ногами. Я всё это отчётливо видел сквозь высокие сапоги и зимнее пальто - она была прекрасна!

Красавица огненным взором прошла по содержимому питейного заведения, задержала его на нашем столике, отчего зелёные глаза вспыхнули ярче и красивее, и уверенной походкой направилась к нам, глядя в упор на меня. Я не скажу, что чересчур взволновался, алкоголь несколько притупил мои чувства. но сердцебиение всё же усилилось.

- Я же говорил, - обратился я к своему другу, - что привидение появляется неожиданно и в самый неподходящий момент. - И так же в сторону тихо пропел строку из песни Максима Леонидова: " То ли девочка, а то ли виденье".

Игорь, с запоздалыми рефлексамми и с заторможенной реакцией, посмотрел мне в глаза, сфокусировал свои, и медленно повернул голову в нужном направлении, чтобы тотчас уткнуться в большую коричневую пуговицу на пальто блондинки.

- Я так и догадалась, что ты кого-то встретил и опять торчишь в этой помойке! - Голос с хрипотцой диссонировал с внешностью и несколько разочаровывал, а может быть, наоборот - придавал особый шарм и неожиданный колорит. Но в любом случае, мне он был знаком давно. Это была моя жена.

- И почему ты не берёшь телефон? - стала предъявлять свои обычные, беспочвенные претензии. - Или, как в подобных случаях, батарейка села? Или на работе оставил? Ну и кто твой собутельник на этот раз?

Она свысока посмотрела вниз, Игорь не посчитал унизительным посмотреть вверх, и их глаза встретились.

- О, Светик, привет! - обрадовался мой друг.

- И тебе не хворать, мачо-кобелино, - вежливо ответила жена, никогда не питавшая к Игорю тёплых чувств. - Уже два часа моя мама ждёт тебя, а ты бухаешь!

" Проголодалась", - промелькнула у меня в голове. " Мамбочка", - прочитал я по губам Игоря, и удивился его цепкой памяти.

- А что, кроме меня, она больше ничего не хочет покушать? - смело сказал я.

- Нет! - зло и ехидно огрызнулась Света. - На десерт мама предпочитает только тебя, - потом спокойно добавила. - У неё есть одно важное дело, которое она хочет обсудить в твоём присутствии.

- Только не говори, что она желает с нами встречать Новый год?! - Испуганно сказал я, надеясь, что жена опровергнет мои опасения. К сожалению, жёны чаще подтверждают свои права, чем опровергают наши худшие опасения.

- Этот вопрос даже не требует обсуждений. Это факт, который мне давно известен, и который с радостью узнал и ты.

Мне ничего не оставалось, как обрадованно смириться:

- Жаль, что умерла моя мама, и она не видит как измываются над её сыном.

Я понуро опустил голову. Моя жена всегда в дискуссиях дипломатична и тактична, но монолитно и категорично уверена в своей правоте и ограниченности кругозора у оппонента. А со мной она вовсе не слишком церемонится, впрочем, я её люблю, а потому отвечаю тем же.

- Перестань паясничать и кривляться, - очень серьёзно сказала она мне. - Мужу под сорок, а он остолоп остолопом.

- А ты знаешь, дорогая, остолоп - не самое худшее, что может случиться с человеком. Гораздо хуже, когда в человеке не хотят видеть человека. Совсем. - И я мгновенно перешёл на другую тему. - Есть такая примета, с кем встретишь Новый год, с тем его и проведёшь.

- Именно поэтому я и пригласила маму.

Я совсем опечалился:

- Неужели я тебе настолько безразличен, что ты хочешь вогнать меня в гроб скоростижно?

Света успокоила и обнадежила:

- Тебя ломом не убьёшь!

Я окончательно сник, но про себя прошептал:

- Как бы вам с мамбочкой хотелось провести подобный эксперимент.

Тут вмешался радушный друг, уставший слушать любящих супругов.

- Светочка, столько не виделись, присаживайся, выпьем по рюмахе!

Светочка ответила, как саблей отрубил.

- Счас, только вашим салатом свои сапоги начищу!

- Это зачем же, позволю узнать?

- А чтоб пьяным ухажёрам, вроде вас, после падения было бы приятно лобызать мне ноги.

- А мне и так, и без салата, запросто...приятно было бы... лобызать...- поток невразумительных слов был прерван подзатыльником, после чего Игорь сразу признал свою ошибку. - Света, извини, нечаянно встретились. Давно не виделись, решили посидеть.

- Не надо мне вешать на уши макаронные изделия! В пятницу? После работы? Случайно? Всё, пошли домой. Хорошо, ещё вовремя успела. А ты, Игорь, допивай свою бутылку с другим собутыльником. Вон, их полно тут.

На это оскорбление возмутился я:

- Во-первых, Игорь мне не собутыльник, а друг. Во-вторых, мы не часто встречаемся, а в-третьих, за такие слова, будь ты мужиком, тебе бы пришлось..

- Ответить, я знаю. Во-первых, друзей у тебя слишком много, во-вторых, с Игорем живёте в одном городе и встретиться можете в любой момент, в-третьих, дома я за всё отвечу. Извини, Игорь, но нам действительно пора. Будь здоров. А ты ползай потихоньку, я подожду на улице... и там же начинаю считать.

И моя импозантная блондиночка, от вида которой до сих пор захватывает дух, медленно продефилировала к выходу. Мы оба сопроводили её нежными взглядами и я стал прощаться:

- Ладно, Игорь, пойду, не буду оставлять пожилую даму без сладкого. А то вдруг не переживёт?!

- Так, может, оно и к лучшему? - довольно цинично пошутил друг. А может и не шутил. Но я объяснил по-серьёзному.

- Очень не хочется становиться причиной чьей-либо гибели, даже если тот человек тебя, скажем, не сильно любит. Лучше я пожертвую собой, они обе очень любят и ценят жертвенность. - Подумав, добавил. - Или жертвоприношение?! В любом случае, друг, надо учиться приносить себя в жертву...ради мира и любви.

Не знаю, понял ли Игорь мой намёк на его крайний эгоизм, а я уже шёл к выходу и усиленно вспоминал. Год назад, в кризисное для меня время, когда жена с детьми переехала к своей мамбочке, я запил с горя и от радости? И пришёл к выво-

ду, что если и от радости, то только первые два дня, а потом, всё-таки, с горя. Семья есть семья, и главное - дети! Да и мамбочка, если и жалит, то яд, слава Богу, не смертельный. Как ни крути, а ведь не совсем чужой человек. А значит,- переживём!

Прикосновение

Андрей Никитин

Из кабинета вышел крупный мужчина в синем костюме. Его глаза пылали от гнева. Это был начальник полицейского отделения, Богдан Степанович. Он вышел из кабинета подчинённого. Как всегда на нём были коричневые перчатки. Арчибальд Витьененко как раз собирался войти в кабинет, когда оттуда вылетел этот шкаф в костюме. Арчибальд посмотрел ему вслед и вошёл к приятелю. В кабинете сидел низенький человечек, который тот час поднял голову и убрал руки от лица. Он был чем-то расстроен. Он посмотрел на приятеля и улыбнулся.

- Арчибальд, - сказал сидящий мужчина, - входи, приятель. Рад тебя видеть.

- Я просто шёл мимо. Решил зайти, спросить, что ты делаешь в субботу.

- До субботы ещё далеко, Арчи, а сейчас я занят. Я как раз собрался допросить свидетелей убийства, но меня посетил начальник. Меня отвлекают эти посещения, и бесит его привычка носить перчатки. Он никогда не прикасается к тому, кого презирает.

Миша поднялся со стула. Стало ясно, что начальник не удостоил его рукопожатием.

- Ты же психолог, - сказал Миша, - можешь выслушать свидетелей, может, что-то уловишь в их словах. Дело в этот раз запутанное и я не могу в нём разобраться.

- С удовольствием послушаю, - сказал Арчибальд, поправив сидящие на носу очки, - если это тебе необходимо.

- Дело интересное, - сказал Миша, - давай расскажу.

Они шли вдоль коридоров, переходя с одного пятна света в другое.

- Нам позвонил некий Стас Дорошенко и сказал, что убил человека. Стас снимал квартиру на третьем этаже. Напротив, через коридор, снимают квартиру Игорь Бонза и его жена Рита. Молодая пара, живущая там три месяца. Когда звонил Стас, Риты дома не было, она позже пришла в полицию сама. Так вот, - продолжил Миша, - в квартире Стаса никого не оказалось. Нашли только окровавленный нож. Не было тела или самого убийцы. Буквально в тот момент, когда полиция ворвалась в квартиру, к нам в отделение пришла Рита и сказала, что на неё напал Стас.

- Его поймали? - спросил Арчибальд.

- Нет. Он словно исчез. Ни единого следа. Рита утверждала, что он ударил её, когда она пыталась его задержать. Но и это не всё. Сейчас ты всё сам услышишь.

Они вошли в кабинет, где сидели три человека. Рита Бонза, её соседка и мужчина, обнаруживший труп Игоря Бонзы. Миша и Арчибальд вошли в соседнее помещение и по одному вызывали свидетелей. Первым вошёл эксперт, неся бумаги.

- Здравствуйте, - сказал он, - могу сообщить всё, что я выяснил об убийстве. Игорь Бонза был убит примерно между двенадцатью и тремя часами дня. Удары нанесли со спины в область сердца. Удары слабые, но смертельные. Его тело нашли в пустынном переулке, он лежал на спине. В левом нагрудном кармане рубашки были документы, паспорт и проездной билет. На правом запястье светлая полоска, будто он носил там браслет. Умер от полученных ран, через десять минут после их нанесения. Это касательно Игоря. Теперь Стас. В квартире Стаса Дорошенко, в одном из чемоданов мы нашли парик и искусственную бороду. Возможно, Стас гримировался под кого-то. Следы крови на ноже принадлежали Игорю.

- Спасибо, - сказал Миша, когда молодой парень поднялся и вышел. Следующей вошла соседка, пожилая женщина Мария Травкина, сдававшая квартиру Стасу. Миша приступил к допросу:

- Что вы можете сообщить о погибшем Игоре Бонзе, его супруге и их соседе Стасе Дорошенко?

- Они жили несколько месяцев, - сказала женщина, - я имею в виду мужа и жену. Я заметила их отдалённость, будто эти две молодые лодки расходились в стороны. Посторонний глаз этого не заметит, но я уловила. И могу сказать почему.

- И почему? - спросил Миша.

- Я несколько раз видела, как Рита заходила в квартиру к Стасу, когда её мужа не было дома. Стас сам открывал ей. Думаю, они были любовниками.

- Скажите, Мария, это вы принимали оплату за проживание Стаса?

- Да.

- Как давно он жил тут?

- Чуть больше двух месяцев.

- Опишите его.

- Высокий, с густой бородой и тёмными густыми волосами, ходил в кепке. Редко выходил из дому. Тихий, спокойный.

- Что, по-вашему, произошло?

- Я думаю, Игорь Бонза узнал об измене супруги и решил проучить Стаса, но тот оказался проворней и зарезал мужа любовницы, а потом скрылся.

- Почему, в таком случае, он позвонил в полицию и сообщил об убийстве?

Женщина пожала плечами.

- У вас есть фотография или документы Стаса?

- Ничего нет. Он казался странным мужчиной. Постоянно отворачивался, документов мне так и не показал, но платил вовремя.

- Что показалось в нём странным?

- Он был молчалив или постоянно простужен. Может быть, поэтому сидел дома.

- Он был женат?

Женщина задумалась, что-то вспоминая, прикоснулась пальцами к губам и тёрла их, затем посмотрела на Мишу.

- Я не могу вспомнить, - сказала она, - было ли кольцо у него на руке. Меня постоянно что-то смущало, когда он расплачивался за квартиру. Я не могу вспомнить, что. Он давал мне денег, но не так, как все остальные.

- Что значит не так?

- Извините, я не могу сказать. Может, позже вспомню.

- Как вы думаете, отношения Риты и Стаса были серьёзными?

- Я думаю, да. Ведь не будет женщина, пока муж на работе, бегать к соседу просто так.

- Спасибо, - сказал Миша, - если вы нам понадобится, мы вас вызовем.

Женщина вышла. Миша посмотрел на Арчибальда.

- Ну, как ситуация? Стандартная?

- Есть кое-что странное, но сперва допроси Риту, может всё прояснится.

В дверь вошла молодая девушка. Волосы свисали, прикрывая лицо, голова была опущена. Медленно Рита подняла глаза, волосы разошлись в стороны и мужчины увидели у неё синяк под правым глазом.

- Что с вами случилось? - спросил Миша.

- Это Стас, - сказала девушка, - я встретила его на улице, по дороге домой и хотела остановить, так как знала, что они с мужем могут серьёзно поругаться. Тогда я ещё не знала, что Стас уже убил Игоря. Я схватила его за руку, хотела уговорить пойти со мной, но он гневно на меня посмотрел, ударил по лицу и убежал. Я сразу побежала в полицию.

Строка прозы

- Скажите, Рита, - продолжил допрос Миша, - вы состояли в интимной близости со Стасом, изменяя мужу?

Девушка опустила голову и вновь волосы закрыли лицо.

- Да, - сказала она. Миша ощутил себя неловко. Он налил в стакан воды и поставил чашку на стол перед девушкой.

- Выпейте, - сказал он, - вам станет легче.

Рита подняла голову, потянувшись к стакану. На её правой руке, лежащей неподвижно, было кольцо, теперь единственное подтверждение того, что Игорь был ей близок.

- Я думаю, - сказал Арчибальд, подозрительно глянув на девушку, - легче всего найти мужчину, если знать особенности его привычек и поведения.

В этот момент левая рука Риты прикоснулась к чашке, замерла, затем она отдернула руку, с любопытством глядя на Арчибальда. Миша смотрел на девушку, затем на приятеля.

- И эта характеристика, - продолжил Арчибальд, - как следы на песке, по которым можно отличить ногу человека от ноги медведя. Правда рано или поздно всплывёт. Меня удивляет, что Стас позвонил, прежде чем исчезнуть. Думаю, это важное замечание.

Рита отпила немного воды, не сводя глаз с Арчибальда, затем поставила чашку и опустила взгляд.

- Я могу идти? - спросила она.

- Да, конечно, - сказал Миша и провёл девушку до порога, затем вернулся. Он сел за стол, вздохнул и глядел на лежащие бумаги.

- Я пожалуй пойду, - сказал Арчибальд, - вижу, что ты занят. Да и мне нужно подумать. Если что, говори, я приду когда скажешь.

Миша кивнул, на несколько секунд глянув на приятеля. В его глазах читалась обречённость.

- Он постоянно терзает себя, что стал плохо работать, - говорила Вика, жена Миши, - постоянно думает над проблемой, постоянно отдаётся работе. Я знаю, что у него неприятности на работе. Он стал медлителен, начальство на него наезжает. От этого он нервный, мы часто ругаемся.

Арчибальд кивнул, глядя на супругу приятеля, которая тоже была расстроена.

- Я поговорю с ним, - сказал Арчибальд, - но не обещаю, что смогу помочь.

- Его главная проблема, - сказала Вика, - что если ему помогают, он считает себя ничтожеством.

- Вот как?

- Представь, как трудно ему работать в коллективе.

Арчибальд кивнул, попрощался и ушёл.

Миша стоял в кабинете Арчибальда перед картиной и разглядывал её. На ней были изображены два пожилых человека. Слева пожилой мужчина, сидящий на стуле, справа пожилая женщина, сидящая в инвалидном кресле. Он на зелёном ворсистом ковре, она на жёлтом и узорчатом. Черта, где сходились ковры, была границей их маленьких миров. Казалось, что два помещения были кардинально различны, будто их соединили вместе, убрав стену. Мужчина и женщина сидели у самой перегородки и протягивали друг другу руки. Их пальцы сплелись в прикосновении. На лицах была целая гамма эмоций от ужаса до радости, но преобладало там удивление и непонимание, словно произошло чудо.

- Что это за картина? - спросил Миша, обратившись к Арчибальду.

- О! - воскликнул Арчибальд, - я рад, что ты спросил.

Он поднялся и подошёл к картине.

- Эта картина называется «Прикосновение». Это результат эксперимента, - сказал Арчибальд, поправляя задравшуюся рубашку, - ты не слышал об этом?

- Не слышал.

- Это неудивительно. Эксперимент проводился в секрете, но произошла утечка и его результаты всплыли на поверхность. Официально его запретили, и будто бы всех зачинщиков убрали со своих постов, как кошек с крыши, но неофициально он цвёл, сформировавшись в эту картину.

- И что тут изображено? - спросил Миша, - два старика трогают друг друга пальцами?

- Я расскажу краткую версию этой истории, - сказал Арчибальд, - сорок лет назад выбрали мужчину и женщину, разведённых с взрослыми детьми. Их поместили в специальную квартиру, где они должны были жить с условием минимум раз в день бывать в этой комнате, что ты видишь на полотне. Там была стеклянная перегородка. Они могли видеть друг друга, говорить друг с другом, но не могли прикасаться друг к другу. Так шло время. Они могли покинуть квартиру, но не одновременно. Могли бродить, где хотели, но час в день лицезреть друг друга. Оба завели любовников, новые семьи, друзей и поклонников, но не могли прикоснуться друг к другу. Всё это длилось сорок лет и продлилось бы дольше, однако врачи установили, что женщина порядком не здорова и может долго не протянуть. На картине, что ты видишь, ей восемьдесят два года. Мужчина на год старше. Как ты можешь представить, на картине изображён момент, когда стеклянную перегородку убрали и позволили подопытным потрогать друг друга. Это был долгожданный момент. Сорок лет эксперимента собрали кучу фанатов, массу людей, желавших посмотреть результат. Этот короткий миг - касание пальцев - был заснят на фотоаппарат и видеокамеру. Впоследствии специалисты изучали спектр эмоций, прошедший в лицах стариков. По одному из снимков и была создана эта картина.

- Но что они хотели узнать? - спросил Миша, - каков результат столь жестокого эксперимента?

- Они хотели узнать, что будут чувствовать люди, лишённые одного из вложенных в них чувств, но с избытком владеющих другими. И они это узнали. Больше всего в момент прикосновения преобладал страх.

- Страх?

- Да, друг мой, именно страх. Именно он стал основным и первым мелькнувшим огоньком в глазах, когда убрали стекло, прорезавшее жизнь людей надвое. Сомнение, неверие, удивление, всё это было в лицах, но преобладал страх.

Арчибальд помолчал, затем принёс две чашки чая.

- Я хотел тебе сказать, что человеческий характер зачастую непредсказуем, но если ты распознал его, то сможешь понять, как человек себя ведёт, как он реагирует на окружающих и как он к ним относится. Важно это или нет, решай сам.

- Это всё, ради чего ты меня пригласил? - удивился Миша, надеясь услышать что-то важное о странном и необычном деле.

- Да, Миша. Это всё. Не думай о проблемах. Иногда их нужно игнорировать, ставя себе цель добиться успеха.

- Ты странный парень, Арчи, - сказал Миша, беря в руки чашку чая. Арчибальд потянулся к чашке, но она была горячей. Он вскрикнул и отдёрнул руку.

- Ещё не остыл, - сделал вывод Арчибальд, хоть чай и не был горячим.

Миша пил чай, смотрел на картину, и что-то странное мелькнуло у него в голове. Что-то связанное с темой разговора и тем, как Рита отдёрнула руку от чашки, когда говорили о привычках человека. Какая-то идея плыла, словно в тумане, постепенно принимая очертания. След от браслета на правой руке убитого, синяк под правым глазом Риты. Странность того, как Стас расплачивался за квартиру.

Арчибальд молча наблюдал за приятелем, поднося чашку к губам. Он улыбался, глядя на задумчивость друга. Внезапно Миша хлопнул себя по лбу.

- Ну, конечно! - сказал Миша, - прикосновение. Вот в чём дело. Мне нужно идти. Срочно. Я всё понял. Мы говорили о привычках и поведении мужчины в тот момент, когда Рита сидела с нами и когда она отдёрнула руку. Она знала. Она всё

знала.

- Что знала? - спросил Арчибальд, делая удивлённое лицо.

- Потом расскажу, - сказал Миша. Он забрал куртку со спинки стула и быстро убежал из кабинета, пообещав позвонить позже.

Когда за Мишей захлопнулась дверь, Арчибальд спокойно достал из-за шкафа две картины и повесил их на прежние места, сняв картину со стариками, которую должен был вернуть приятелю.

День спустя Миша вошёл к Арчибальду и довольно улыбнулся.

- Арчи, ты навёл меня на мысль и даже не представляешь, как помог.

- Я? - удивился Арчибальд, - но как?

- Прикосновение, - сказал Миша, - эта картина подсказала, что в момент, когда Рита отдернула руку, мы как раз говорили о привычках людей. Если бы не её реакция на наш разговор, я, может и не догадался бы.

- И о чём ты догадался?

- Я подозревал, что со Стасом что-то не так, но как оказалось, его и вовсе не было. Рита с мужем сговорились, и Игорь притворялся Стасом всё это время. Это было несложно, ведь он практически не выходил из квартиры.

- Но для чего? - спросил Арчибальд.

- Она предложила Игорю изобразить Стаса, чтоб позже имитировать ограбление, подставив этот вымышленный персонаж, но на самом деле ей просто перепало наследство, и она не хотела делиться с мужем. Она убила его, подставив тот же вымышленный персонаж. Хотя теперь она вряд ли получит деньги. Я подумал про след на правой руке от браслета у Игоря. Это был всего лишь след от часов. Игорь был левша и носил часы на правой руке, как следствие, у Риты синяк над правым глазом, так как последним, что успел сделать супруг, когда она всадила в него нож, это ударить её со всей силы по лицу. Рита сняла с него часы, чтоб никто не узнал, что он левша. Следы бороды, которую нашли в чемодане у Стаса, были у Игоря на одежде. Это и навело на мысль, что он гримировался под Стаса. А потом я подумал про странность, когда Стас расплачивался. Он протягивал деньги левой рукой, потому соседка не видела кольца на его руке и не могла понять, что не так в этом простом жесте. Вряд ли сразу двое соседей были левши, и это подтверждало, что Стаса не было. Его имитировал Игорь.

- Как ты до этого додумался? - удивился Арчибальд. Миша улыбнулся и смущённо отвернулся. Щёки его стали румяными.

- Догадался, - сказал он, - но ты навёл меня на эту идею, когда отдернул руку, да ещё и картина. С меня должок.

Несколько дней спустя, Арчибальд вошёл в кабинет к Мише. Они поздоровались. Настроение Миши было на высоте.

- Как дела? - спросил Арчибальд, - я видел, что к тебе заходил начальник.

- Это верно, - сказал Миша, - и заходил он сегодня без перчаток. Он поздоровался со мной за руку. Представляешь? Он прикоснулся ко мне, впервые за последние пол года. Его очень удивило решение этого запутанного дела. Теперь он предложил мне новое дело, которое принёс лично. Представляешь?

- Поздравляю, - сказал Арчибальд, - что говорит жена?

Миша улыбнулся ещё шире, наклонился к приятелю.

- Последние три дня мы занимались сексом каждую ночь. Это всё частично твоя заслуга.

- Да ладно, - сказал Арчибальд, махнув рукой, - при чём тут я?

- Для начала с меня чай. Идёт?

- Согласен.

Миша поднялся. Они вышли из кабинета, и весело болтая, направились в буфет.

Материализатор

Андрей Никитин

- Я живу с ним уже шесть лет! - говорила Марина. Её глаза, как два сопла выбрызгивали печаль и грусть. На лице мелькало отчаяние.

- Он меняется только в худшую сторону, понимаешь? Он превратился в пьяницу, одержимого идеей. Он что-то мастерит, на остальное у него нет времени. Каждый вечер он закрывается в подвале, сверлит, что-то делает по пять-шесть часов. Меня он не пускает, представляешь? Он говорит, что его изобретение изменит мир.

- Успокойся, - сказал Юра, сдавленно улыбаясь, - я поговорю с ним. Я ведь его брат, он меня послушает.

- А я его жена, но что толку?

В кухне, где они сидели, стоял запах угара, вытяжка не работала. Некоторые дверцы подвесных полочек, были отломаны и лежали на полу, у раковины. Вместо люстры была настольная лампа, поставленная на комод. Юра кивнул, понимая, что брат превратился из мужчины в набитый соломой манекен, способный лишь есть, пить и передвигаться.

- С тех пор, как умер ваш отец, Дима перестал что-то делать. Перестал работать по дому, не слушает меня, и всё время проводит в подвале.

- Он хоть на работу ходит?

- Да, - недовольно сказала Марина, - разве что.

Юра прошёл к подвалу, на двери которого висел большой замок.

С каких пор он запирает подвал? И для чего?

Высокий мужчина с пакетом в руке возвращался домой. Дима Савинов не отличался привлекательностью: нос был велик, губы, как два кусочка прожаренного сала, глаза подо лбом, волосы невымытые. Он шёл неторопливо, мысли витали в облаках. Перед домом его встретила соседка. Женщина под сорок, в домашнем халате, с сигаретой в зубах.

- Дима, сколько можно шуметь по вечерам? Что ты делаешь в своём подвале? Мне это надоело!

Женщина быстро говорила и размахивала руками. Сигарета дёргалась, как поплавок во время улова.

- У меня пропала кошка, - продолжала женщина, - чёрная с белыми пятнами на мордочке. Я думаю, из-за твоего шума она убежала. Сколько можно? Я буду жаловаться, предупреждаю тебя! У людей есть личная жизнь, запомни это, если тебя в детстве не научили.

- Таня, перестань, - сказал Дима. Ему захотелось, чтоб женщина исчезла. Эти крики действовали на нервы, у него начинала болеть голова, - я работаю над важным проектом, Таня, пойми. Ты ещё будешь рада, что я твой сосед. Когда всё закончится, интервью будут брать у тебя, если меня не будет дома.

- Ты шумишь до 11-и ночи. Это безобразие. В следующий раз я приду с полицией, запомни, Дима. Я не шучу.

- Я понял, понял, Таня, - сказал он и ушёл, удаляясь от брошенных замечаний. Женщина продолжила говорить и гневно ругать Диму, даже когда он вошёл в дом. Эту сцену, которую он наблюдал слишком часто, он не мог терпеть. Лишь мысль, что в подвале его ждёт изобретение, которое изменит мир, утешала его и помогала успокоиться.

- Как дела, Дима? - спросил Юра, стоя перед дверями дома. Прошло несколько

Строка прозы

ко дней после разговора с Мариной, и Юра решил поговорить с братом наедине. Только что он звонил десять раз, прежде чем Дима открыл. Он стоял на пороге, держа за дверь.

- Привет, - сказал Дима. Если он и удивился, то не показал этого, - входи, раз пришёл.

Они прошли в гостиную. Юра внимательно глядел на младшего брата, пытаясь понять, что с ним не так.

- Ты что, пьян? - спросил Юра, приглядевшись.

- Немного, - сказал Дима.

- Я хочу поговорить с тобой, Дима. Тебе уже за сорок, детей нет. Марина постоянно на тебя жалуется, говорит, что у тебя проблемы...

- Это у неё проблемы! - крикнул Дима, - с моей спермой всё в порядке, а у неё между ног ничего не функционирует. Она бесплодна.

- Вы лечились?

- Уже третий год она не вылезит из больницы, и как думаешь, за чей счёт? Я несую деньги с полочки прямо к врачу, понимаешь?

- Я не об этом хотел поговорить, Дима, - сказал Юра, - посмотри на свою жизнь.

Юра пошатал стол, ножки которого едва не падали.

- Ты мужик или нет? Марина терпит тебя потому, что любит. Так покажи и ты уважение и любовь. Сделай что-то для дома, помоги ей.

- Я работаю над важным проектом, - сказал Дима, и на его лице появилась гордая улыбка.

- Проектируешь табуретку в подвале?

- Тебе не понять, но я расскажу, над чем работаю.

Дима встал, принёс бутылку водки и две рюмки. Налил. Затем наклонился ближе к брату и прошептал:

- Материализатор.

- И что это?

- Он создаёт что угодно практически из ничего. Есть специальный сплав, который заменяет топливо. Следует смешать его с любым ДНК и можно создавать живых существ или любые предметы.

- Ты серьёзно?

- Вполне, - сказал Дима, улыбаясь.

- И работает?

- Не до конца. Есть кое-какие недостатки. Я собираюсь их исправить, на это уйдёт время.

- Покажи мне, Дима.

- Нет. Ещё нет. Всему своё время, я хочу сперва всё закончить. Осталось немного, и потом он будет...

Дима не договорил, быстро вскочил и метнулся к стене. Он начал бить по ней рукой, затем ногой что-то давил.

- Проклятые тараканы! - кричал Дима, топнув несколько раз. Юра обернулся, и глядел на брата. Тот рассматривал тапок, затем сел на место.

- Ушёл, - с досадой сказал Дима.

- Расскажи мне подробней про это изобретение. Что и как там происходит?

- Я варю в подвале специальную смесь, затем смешиваю с кровью живого организма, вливаю всё это в рабочую полость материализатора, и всё. Через некоторое время объект, который мне нужен, будь он живой или не живой, появляется в рабочей полости, главное сказать нужные слова. Работает даже на расстоянии. Вот и всё. Только представь себе подобное!

- Я всё равно не могу поверить, что ты что-то изобрёл.

- Ты забыл, что папа был физик?

- Он был физик, - сказал Юра, - а ты простой инженер.

Дима не ответил, налив себе ещё водки. Юра отказался пить второй раз и Дима пил один.

- Покажи мне Дима.

- Нет. Подожди. Ещё нужно время.

- Дима, почему ты пьёшь днём? Разве тебе это так нужно? Марина права, ты превращаешься в пьяницу.

- Голова сильно устаёт. Я постоянно думаю, рассуждаю. Много напряжённых мыслей. Алкоголь помогает расслабиться хоть немного.

На это Юра ничего не ответил. Когда он выходил, хотел зайти в подвал, но там висел замок.

- Юра, в другой раз, - крикнул из кухни Дима. Юра кивнул. Когда он выходил из дому, слышал, как Дима топает ногой, истребляя тараканов.

- Проклятые насекомые! - доносился голос Димы.

- Эти тараканы уже достали! - кричал Дима, бегая по комнате с молотком в руке. Марина лежала в кровати, накрытая одеялом. Таракан выбежал из-под кровати и забежал под столик, где стоял телевизор, оттуда выбежало уже три таракана.

- Как вы мне надоели! - кричал Дима и начал топтать их ногой, но никак не мог попасть. Он присел и начал бить их молотком. Попал по одному, второму, затем прибил последнего ногой. Он посмотрел на молоток, на тапок, затем на пол. Не было следов раздавленных тараканов. На линолеуме тоже ничего не было, кроме прямоугольных отпечатков от молотка. Он заметил таракана бегущего по стене, возле кровати, и начал бить молотком по обоям. Через минуту он успокоился и огляделся.

- Ты молчалива в последнее время, - сказал Дима, глядя на супругу. Он лёг рядом с ней, поцеловал её в губы, и заметил насколько они холодные.

- Ты замёрзла? - спросил Дима и укрыл супругу одеялом.

- Я просто немного приболела, - сказала Марина, едва заметно шевеля губами.

- Ничего, ничего, - сказал Дима, - скоро мы будем богаты. Я закончу материализатор и мы разбогатеем, - он помолчал, - ты ощущаешь вонь? Уже несколько дней что-то воняет в комнате. Тут невозможно находиться. Лучше помойся. Думаю, запах от тебя.

- Потом, Дима, я устала. Полежу немного.

- Как хочешь, - сказал он. Марина перестала делать ему замечания касательно перегара изо рта, хоть от него и разлило спиртным. Он был только рад её молчанию.

- Я пойду работать в подвал, хорошо? Ещё немного и мы будем богаты.

Он спустился на первый этаж, Марина не ответила. Внизу послышался стук молотка по стенам.

- Проклятые твари! - голос Димы рассеялся по дому, достигая всех укромных уголков.

Четыре дня ни Марина ни Дима не отвечали на звонки. Юра начал волноваться.

Что-то случилось. Что-то плохое, и им нужна помощь.

Юра боялся, что причиной мог быть материализатор. Он позвонил соседке. Татьяна сразу ответила и колко возмутилась касательно шума.

- Он каждый вечер что-то сверлит в подвале, - говорила женщина, - а если не сверлит, то бьёт молотком. Я его предупреждала, что вызову полицию. Я сейчас так и сделаю, потому что это невозможно терпеть. Всё!

Она повесила трубку, и Юра ещё сильнее испугался. Он решил, что нужно ехать. Он спешно оделся, сел в машину и выехал. Через двадцать минут он стоял у дома брата. Были сумерки. Свет в окнах горел, входная дверь не заперта. Юра вошёл

Строка прозы

и ощутил вонь. Неприятный запах, казалось, окутал здание, словно холодильник, полный продуктов, оставили размораживать. Юра заметил на стенах и линолеуме следы молотка. Это немного его напугало. Сверху послышался голос Димы.

- Я же говорил, что тут воняет, а ты не верила! Что? Сколько можно?

Вновь послышались удары молотком. Юра замер и испугался брата. Что-то было с ним не так. Он ощутил это, и хотел шагнуть на лестницу, но заметил, что дверь в подвал открыта. Его глаза заблестели. Любопытство погнало его вниз. Он подошёл к дверям подвала, оттуда шёл настоящий смрад. Вонь была невыносимой. Он прикрыл нос рубашкой и начал спускаться. На ступеньках были следы крови и битых бутылок. Внизу слышалось жужжание мух. Юра спустился, сердце забилося сильнее. Он замер. В дальнем углу стояли пустые бутылки из-под водки. Бутылки были накрыты картоном, на нём был ещё ряд бутылок, и так в несколько этажей. В ближнем углу была вырыта яма, которую Дима использовал вместо туалета, когда подолгу оставался в подвале. Больше всего Юру удивило «изобретение» брата. Посреди подвала стояла картонная коробка с отверстием посередине, прикрытым тканью. Коробка напоминала собачью будку. Сверху в ней были отверстия, в которые воткнуты пластиковые бутылки, горлышком книзу, обрезанные посередине. Несколько бутылок были пустыми, но две были наполнены чем-то коричневым. Это было месиво из разного мусора, внутренностей животных и каких-то шкурок. Сквозь стенку бутылки была видна кошачья лапка. Из бутылки торчала дрель с насадкой, для перемешивания раствора. У стены стояло несколько банок с едва живыми тараканами и трёхлитровая бутылка, сдохлым котом внутри. На старой и ржавой электроплитке, стоящей у стены, варилось что-то похожее на клей. Юра понял, что происходит, и в этот момент услышал шаги. Он оглянулся, увидел спускающегося Диму. В его руке была бутылка водки. Братья глядели друг на друга, не зная, что сказать. Первым нашёлся Дима.

- Привет, Юра. Раз ты всё знаешь, я покажу, как работает материализатор.

В тоне не было радости или раздражения. Он вёл себя как кассир, у которого только что начался рабочий день. Дима прошёл к коробке, словно не обращая внимания на брата, потрогал пластиковую бутылку.

- Посмотри, как это происходит, - сказал Дима. Он взял из стоящей рядом ёмкости немного риса, высыпал в пустую бутылку. Рис просочился через горлышко в коробку.

- А теперь смотри! - сказал Дима, предвкушая увидеть чудо. Он всунул руку в коробку, через отверстие, прикрытое тканью, и нащупал то, что искал. Затем аккуратно извлёк наружу сжатую кисть и театрально раскрыл её.

- Посмотри, - сказал он, показывая лежащий в ладони рис, немного испачканный кровью, - он материализовался! Ты понимаешь, что я изобрёл?

Юра смотрел с открытым ртом, понимая, что перед ним ребёнок, с разыгравшейся фантазией. Он ощутил, насколько его брат может быть опасным, и что необходимо срочно принимать меры.

- Только вот с живыми объектами пока не выходит, - сказал Дима и включил дрель. Коричневая жидкость в банке завертелась, чёрная лапа начала плыть по кругу, шерсть крутилась, наматываясь на дрель, приходилось её снимать. Дима выключил дрель, и длинной палочкой протолкнул крышку, открыв слив. Из пластиковой бутылки всё слилось в коробку, остались лишь шкура и кости, а так же твёрдые куски мяса. Юра понял, что в бутылке была кошка. Дима просунул руку в коробку, поковырялся там, высунул руку, измазанную в крови, показал брату.

- Вот видишь, - сказал Дима, - с живыми существами пока не выходит. Что я только не пробовал, но с живыми пока никак. Они будто лишаются тела.

Юра отступил к выходу, боясь оставаться в подвале с братом. Он внезапно подумал, что его супруга могла пострадать.

- Где Марина? - спросил Юра, становясь на ступеньку.

- Ванну принимает, наверное, - сказал Дима, - я сказал ей помыться.

Юра быстро выскочил из подвала и побежал наверх. Ему было необходимо заручиться помощью. Он не знал, что делать. Сошёл ли брат с ума, или это помешательство на другой почве. Он вспомнил горы бутылок, лежащих в подвале.

- Марина! - кричал Юра, поднимаясь наверх, - Марина, где ты?

Тишина окутала второй этаж, разбавляя страх звуками льющейся воды. В ванной работал душ.

- Марина! Марина, ты в душе?

Юра подошёл к незапертой двери и понял, что вода льётся в душ, но там никого нет. Он вошёл в спальню, где лежала Марина, и ощутил зловонный запах. Вновь пришлось закрыть нос. Марина была накрыта до головы, глаза смотрели в потолок.

- Марина, ты видела, что с твоим мужем? Я думаю, у него крыша поехала.

Марина не отвечала, и не шевелилась. Юра подошёл ближе и увидел, что её лицо бледное и тусклое, на лбу застыли разводы крови. Он ощущал вонь, задрал одеяло, чтоб потрогать пульс женщины, но увидев, что было под одеялом, отвернулся. Его вырвало в угол комнаты. Он понял, откуда исходила вонь, понял, что Марина мертва уже несколько дней. На её лбу отпечатался прямоугольник от удара молотком. Юра отдышался, и внезапно увидел мелькавшую сине-красную тень на потолке, идущую от окна. Приехала полиция. Соседка сдержала слово. В этот момент Юра услышал шаги по лестнице, глянул на дверь и заметил вошедшего брата. В его руке был молоток.

- Марина, я же пустил тебе воду, - сказал Дима, - а ты так и не пошла в душ! Вода зря льётся.

- Дима, - испуганно сказал Юра, - ты нормально себя чувствуешь?

- Нормально, - сказал Дима. Он повернулся к брату, затем быстро начал топтать ногой по полу.

- Проклятые насекомые! - кричал он, - не дают покоя.

- Дима, давай я пойду, - сказал Юра, отступая к выходу вдоль стены, - мне ещё на работу нужно. Я уже опаздываю.

- Да, конечно, - сказал Дима, - можешь идти.

Юра прошёл к дверям, и тут неожиданно Дима вскрикнул.

- У тебя в глазу таракан, - кричал Дима, - сейчас я его...

Юра не успел прикрыться, как в его голову попал молоток. Юра упал на пол, а Дима продолжал бить молотком по бесчувственному телу.

- От них покоя нет, от этих насекомых, - говорил Дима, - но ничего, когда я доделаю материаллизатор, мы разбогатеем, и я навсегда избавлюсь от этих тварей.

- Дмитрий Савинов? - послышался голос снизу, - это полиция. Могу я с вами поговорить?

- Эта Таня, таки вызвала полицию, - сказал Дима и сжал кулаки, - ну ничего. Я от них отделаюсь.

Он прошёл к кровати, лёг с супругой, поцеловал её в губы, обнял за шею.

- Вновь твои губы холодные, может ты заболела?

Дима услышал шаги по лестнице, и голос полицейского.

- Ты чувствуешь эту вонь, Женя? - говорил полицейский, - вызови подкрепление.

- Я с ними разберусь, - сказал Дима, обращаясь к супруге.

Полицейский вошёл в комнату, в руке он держал пистолет, другой рукой прикрывал нос.

- О господи! - воскликнул он, когда увидел два трупа.

- Не волнуйтесь, - улыбаясь, сказал Дима, - я больше не буду шуметь. Вы не можете себе представить, насколько важно моё изобретение!

Он встал с кровати, сделал несколько шагов к полицейскому.

Строка прозы

- Хотите, я покажу, как оно работает?

- Не двигаться, - сказал полицейский.

- Я вам покажу. Оно материализует любой предмет, даже на расстоянии.

Дима сделал ещё шаг, поднял молоток, с которого капали капли крови. Прозвучал выстрел. Затем ещё один.

Татьяна, стоявшая на улице, прикрыла рот, увидев вспышки света в окне второго этажа. Полицейский у машины, бросил рацию и побежал в дом, на ходу доставая оружие.

Господи! Что там произошло? - думала Татьяна. Она прижимала руки к груди и думала о том ужасе, что происходил сейчас в доме.

- Боже мой, где же моя Молли? Я хочу, чтоб ты была рядом.

Она искала глазами кошку, надеясь, что кошка выйдет из дому, где её насильно держал этот негодяй Дима. Вдруг женщина услышала, как из-за дома кто-то мяукнул.

- Молли! - сказала женщина и протянула руки, подойдя ближе. Кошка прыгнула хозяйке на руки и начала мурлыкать. Она тёрлась о шею Татьяны, и женщина почувствовала себя счастливой. Было приятно ощущать мягкую шерсть.

- Теперь всё будет хорошо, Молли, тебя больше никто не обидит, - сказала Татьяна. Сзади кто-то мяукнул. Татьяна, держа кошку на руках, обернулась. Перед ней сидела чёрная кошка с белыми пятнами на мордочке и дёргала хвостом.

- Молли? - удивилась женщина и отодвинула от лица кошку, что держала на руках. Она глянула то на одну, то на другую кошку, и поняла, что они одинаковы. Татьяна услышала, как кто-то прыгнул с крыши на дерево, и посмотрела вверх. Это была чёрная кошка с белыми пятнами на мордочке.

- Что это? - спросила, недоумевая, Татьяна. Она бросила первую кошку на пол, и две кошки начали шипеть друг на друга, затем подрались. Татьяна смотрела на них с открытым ртом, начала отступать. Со всех сторон она слышала мяуканье, и огляделась. Отовсюду сбегались кошки. Они были на деревьях, крышах, выбегали из темноты улицы. Они бежали, подняв хвосты, с мяуканьем и шипением. Все бежали к Татьяне, их было больше двух десятков. Женщина с ужасом заметила, что все кошки были чёрные с белыми пятнами на мордочках...

Эй

Георгий Егорченко

Тяжело жить в мире, где действует налог на уродство. Такие миры существуют, и ему не посчастливилось родиться в одном из них.

Его звали Эй-305/12, но в повседневной жизни к нему, как и к любому другому гражданину-уроду, обращались просто Эй.

О своих родителях он знал немного. Просто помнил, как мама играла с ним в прятки, а вечно хмурый папа никогда не разговаривал, и вообще бывал дома очень редко. Помнил Эй и большой светлый дом. Помнил белоснежную ванную, в которой мама мыла Эйя, заботливо протирая рукою впадину, на месте которой и большинства людей есть правый глаз.

Еще маленький Эй любил гладить мамины волосы. Они были светлые и кудрявые, совсем как у него. Только у Эйя они росли в районе темени и на затылке, а остальная голова была лишь кожаной пустыней, испещренной безобразными веснушками.

В три года Эйя забрали в детдом, несмотря на мольбы матери не отнимать любимого ребенка. Против ее желания были и отец, и закон. Эй помнил, как пришли два человека в форме, как оттаскивали его от рыдающей матери, а он пытался ухва-

титься за ее волосы, но левую руку больно сжимал один из пришедших за ним, а на правой из пальцев были всего лишь большой да мизинец.

Как только он оказался в большой черной машине, тот тут же получил огромной ладонью по губам. Пошла кровь, Эй заплакал еще сильнее, ведь его до этого никогда не били. Затем еще удар и - пустота.

Самыми любимыми состояниями Эйя были сон и потеря сознания. Второе с ним случалось из-за побоев. Только тогда Эй обретал своего рода «спокойную радость». Били его много. Сначала в детском доме, который был полон такими же, как он, и даже еще более страшными детьми. Затем – в армии, куда дееспособных уродов призывали для всяческих хозяйственно-подсобных работ. Кроме кухни, дабы не портить аппетит солдатам и офицерам.

Эйю очень повезло, он попал на котельную. Туда вообще мало кто заходил, поэтому можно было, возможно, впервые в жизни сосредоточиться на своем драгоценном одиночестве. Впрочем, поначалу, несмотря на впечатляющие физические данные, его хотели отослать на какие-нибудь другие работы, увидев, что на правой руке уроды всего два пальца. Стало быть, лопату держать не сможет. Но Эй удивил всех, когда начал резво закидывать уголь в тележку, ничуть не уступая по скорости другому уроду, которого в итоге отправили на чистку выгребных ям.

К сожалению, подобную прыткость один офицер почему-то расценил, как желание поставить себя в один ряд с нормальными людьми. Поэтому примерно раз в неделю он приходил в котельную и избивал Эйя, чаще всего минут по пятнадцать, но иногда и по часу. Офицер называл это «профилактикой» и сам по себе был довольно спокойным человеком, объясняя Эйю, что делает это для его же пользы. И Эй с ним не спорил, просто вставал на колени и терпел удары, иногда отключаясь и летая в неизведанных мирах, где всегда было солнечно и пахло мамиными волосами.

Однажды Эй узнал, что офицер проводит «профилактику» не только с ним. В одну из осенних ночей офицер наведалься в армейскую прачечную, где в тот момент трудились трое уродов, и уже в который раз приказал им лечь на пол, чтобы пройтись палкой по их спинам. Однако на сей раз сам оказался на полу со связанными руками и кляпом во рту. Позже Эйю сказали, что офицера мучили два часа, после чего забили ногами.

В день казни Эйя-326/3, Эйя-100/38 и Эйя -88/98 было тепло и ясно, несмотря на позднюю осень. Всех троих подвели к эшафоту, который установили на плацу, зачитали приговор и повесили под всеобщие аплодисменты. Хлопать заставили и уродов, поэтому Эй тоже аплодировал, ощущая внутри себя неопишуемые перемены. Теперь он знал, что полноценным можно давать отпор, правда, после этого тебя казнят.

Вернувшись из армии, Эйю вновь повезло. Ему практически сразу удалось получить комнату в десять квадратных метров и, конечно же, на цокольном этаже, ведь на других уродам запрещалось жить по закону. Но это были мелочи, ведь еще и удалось получить должность дворника в своем же квартале.

Словом, Эй был несказанно рад, пока не получил первую заработную плату. Вскрыв конверт, и пересчитав деньги возле кабинета начальника управляющей компании, он осмелился зайти к нему и аккуратно спросить, куда делась почти половина его жалования. Так он впервые услышал о налоге на уродство, согласно которому сорок пять процентов от зарплаты у Эйя списывало государство, мотивируя это бесконечным рядом причин, которые сам Эй никогда не запоминал, сколько ни читал постановление.

Смирившись с неизбежным положением вещей и на минуту не забывая о своей неполноценности, Эй продолжал существовать, подметая улицы, почти ежедневно стирая свою одежду, испачканную тем, чем кидались в него местные дети. Цены становились все выше. Через год почти вся зарплата с вычетом налога на уродство стала уходить на оплату комнаты. Пришлось искать подработку.

Строка прозы

Один чудака, зарабатывавший уличными представлениями, предложил Эйю побыть его ассистентом. Многого не требовалось – вставить в глазную впадину шарик, имитировавший глаз, а затем получить подзатыльник, чтобы шарик вылетел из впадины и упал на землю для потехи публики. Этих тумачков хватало на то, чтобы купить себе хлеба и молока.

Однажды Эйя позвали на ограбление продуктового магазина. Но он ответил решительным отказом, услышав после этого яростную речь от своих приятелей о том, что он – ни на что не годный слабак, не желающий бороться за свое место под солнцем. В эту же ночь всех четверых друзей-уродов убили на месте преступления. По слухам, от выстрелов погибли только двое из них. Других двоих затравили собаками.

На похоронах было очень много народу. Эй впервые видел такое большое скопление уродов в одном месте, больше тысячи. Четыре закрытых гроба поставили у подножья местного заброшенного кинотеатра, поскольку в церковь уродам в этот день идти запрещалось – там венчались полноценные. Возле гробов встал старый священник, чье лицо было обезображено не столько врожденными отклонениями, сколько множественными шрамами, которые, очевидно, были следствием всевозможных издевательств.

Священник говорил, что для бога все равны, и это сами люди по какому-то ненормальному умозаключению решили отделять одних от других, хотя в уродствах зачастую виноваты именно полноценные, сначала развлекаясь, а затем порождая на свет детей, вынужденных носить на себе отпечатки их гуляний. Толпа слушала его и кивала. А затем священник заговорил о налоге на уродство, но сказать успел не много, потому что тут же был скручен жандармами и уведен неизвестно куда. Больше его никто никогда не видел.

Четверых похоронили без священнослужителя. А речи его вскоре позабылись, но только не Эйем.

Осенью, подметая дворы и собирая в кучи пожелтевшие листья, Эй частенько замечал среди них и те, которые были не похожи на остальные. Какие-то из листьев были более сморщенные, некоторые, как ему казалось, и вовсе были какие-то недоразвитые. Но все они росли на одних и тех же деревьях, нисколько не мешая друг другу, а теперь, отжив свой век, и вовсе лежали в одной общей куче, одинаково желтые и одинаково мертвые.

Единственный глаз Эйя наполнился слезами, и он, не помня себя от гнева, бросил метлу и побежал. В тот момент хотелось только одного – стать листком, пушкой и уродливым, поколыхаться на ветру одно лишь лето, оторваться от ветви и тихонько умереть. Зато прожить равную жизнь наряду с остальными листьями, подпитываясь силами от общего дерева.

Тогда-то он и столкнулся с ней, возле светофора. Эй сбил с ног девушку, отчего она упала на колени и разодрала колготки, а ее красное пальто оказалось забрызгано из лужи, по которой проехал автобус, полный смеющихся над нею детей. Эй уже было приготовился услышать в свой адрес тысячи ругательств, но их не последовало. Девушка встала, приняв руку помощи от Эйя, и тут же попросила его найти белую трость, которая, как выяснилось, закатилась под скамейку на автобусной остановке.

Ее звали Любовь. Она была слепая. Она была прекрасна. Она увидела настоящего Эйя, смотря порой на мир намного глубже, чем зрячие. Жаль, что их взаимные чувства не встретили одобрения со стороны общественности. Жениться или выйти замуж за уродо было запрещено законом, поэтому им пришлось довольствоваться малым, просто живя вместе, в той самой комнате на цокольном этаже. Он подметал дворы, она замечательно вышивала.

Трудно сказать, что именно им нравилось друг в друге. Эй, как и любой другой мужчина, любил глазами. А Любовь постоянно говорила о некоем чувстве, кото-

рое ее не покидает ни на секунду, когда она находится рядом с ним. Это ощущение она однажды описала двумя словами – спокойная радость. После этого Эй окончательно поверил в существование божественных сил.

К концу года налог на уродство составил уже пятьдесят процентов. К власти в стране пришел новый человек, объявивший одной из главенствующих политических задач – постепенное искоренение «препятствующих развитию всеобщей красоты элементов». Уродам начали выдавать маски, которые теперь те были обязаны носить в общественных местах. Маски были неудобными, в них было тяжело дышать, а обзор был хуже некуда.

А в это время у Любви под сердцем вот уже второй месяц рос человек, который по закону ни в коем случае не должен был рождаться. Даже несмотря на то, что уродство Эйя не имело никакого отношения к наследственности. Было страшно от гнетущей неизвестности, но Любовь не переставала твердить – всякое медицинское вмешательство исключено, человек родится. А жизнь непременно расставит все по своим местам. Эй лишь удивлялся оптимизму любимой, и продолжал обдумывать варианты существования своей незаконной семьи.

Но вариантов было немного, и все они сводились лишь к тому, что система их победит.

Их сдала соседка сверху. До этого вечно приветливая даже с Эйем старушка, однажды заметила, что живот у Любви весьма характерно округлился. Пожилую женщину взяла злоба от такой наглости, о чем она незамедлительно сообщила в жан-дармерию.

Поначалу Любви предложили выйти добровольно. Когда же стало понятно, что переговоры ни к чему не приведут, то выломали дверь, заковали девушку в наручники и увезли. Самого Эйя взяли тридцатью минутами раньше, предъявив на месте обвинения в изнасиловании и силовом удержании полноценной. Потому что не было еще такого, чтобы нормальный человек добровольно желал соединить свою жизнь с уродом.

Затем был суд. Как обвинение ни старалось, но изнасилования и удержания доказать не удалось. Но ребенок все-таки не родился.

Эй же был обвинен в «запрещенном зачатии» и чуть было не приговорен к пяти годам колонии, однако неожиданно за него вступились. Уже потом от охранников Эй узнал, что кто-то из родственников судьи жил как раз на одной из улиц, которые он подметал. Поскольку дело получило широкую огласку, то родня узнала в газетах своего дворника и попросила любимого родственника-судью не наказывать его. Это очень хороший урод, сказали они ему.

И урода пощадили. Дали полгода тюрьмы. О Любви же Эй больше никогда и ничего не слышал.

В тюрьме жизнь оказалась проще и легче, чем на воле. По крайней мере, уродам здесь было хорошо. Ненавистный налог не взимался, кормили несколько раз в день, и, главное, здесь не имела значения твоя внешность. Уроды и полноценные, имея одинаковые тюремные права, мылись вместе, размещались в одних камерах, ели за одним столом, трудились в полях бок о бок, и никто никому не говорил и слова о кривых зубах, горбах или еще о каких-либо недостатках, которые от человека попросту не зависят. Здесь отношения были чище. Здесь могли убить за длинный язык. И Эйю это нравилось.

Когда ему оставалось полтора месяца до освобождения, его позвали «на дело». Группа заключенных из двенадцати человек собралась выступить во время обеда с речью об отмене налога на уродство, который к тому времени уже был больше шестидесяти процентов. Точнее, выступать должен был один человек, а остальным предстояло сдерживать тюремную охрану так долго, как только возможно. Что было удивительно, так это почти полное отсутствие среди заговорщиков уродов – их было всего четыре. Главный тоже был полноценным, чего Эй никак не мог взять в толк.

Строка прозы

Видя его замешательство, он сказал Эйю, что в мире существует огромная масса заблуждений, основная часть из которых человеком буквально впитывается телом и разумом с первых дней после рождения. Если с детства говорить, что камни способны исцелять, то в это поверят. Если говорить, что на небе сидит наш главный судья, то и это будет нормой. Если говорить, что урод – по статусу ниже неурода, то и это превратится в правду. А если донести до всех, что урод – это тот же самый человек, то рано или поздно и это станет истиной.

- Правды и справедливости в природе не существует, мой одноглазый друг, - говорил Эйю этот странный и слишком умный для заключенного человек с вполне обычной для полноценных внешностью и соответствующим его рассуждениям прозвищем Философ. – Все дело лишь в том, что есть законы созидательные и законы разрушительные. И мне кажется, что куда приятнее жить там, где максимум людей чувствуют минимум напряжения, в первую очередь душевного. Ты ведь понимаешь, о чем я, парень? Тебе еще повезло, что ты урод второй степени, а не первой, иначе бы не родился вовсе. Хотя, сейчас новый президент вообще запретил новорожденным уродам существовать, так что никаких степеней уже нет. Как тебе, а? Хотя, может оно и к лучшему – умереть младенцем от укола, чем затем всю жизнь стирать с лица чужую слюну, что летит в тебя изо рта очередного знатока порядка вещей. И что это за мир такой, в котором самых лучших и правдивых, и искренних, и, главное, нормальных людей я встретил в тюрьме...

План был таков: во время приема пищи в полдень Философ встает на стол и начинает свою речь. Остальные двенадцать, включая Эйя, берут стол в кольцо и как могут сдерживают охранников, если это вообще удастся. Впрочем, Философ говорил, что попробовать стоит.

- Не важно, что здесь, в неволе, мы все друг к другу относимся более-менее, - сказал он в ночь перед осуществлением задуманного. – Важно, чтобы те, кто выйдет отсюда, не забыли того, что мы сделаем с вами завтра. И я уверен, завтра держать охрану вам помогут и другие.

И вот час истины. Философ вскакивает на стол, двенадцать встают вокруг него, остальные в недоумении смотрят то на них, то на Философа... Что до Эйя, то он вообще не понимал, что происходит. Он не слышал речи Философа, не видел невозмутимых лиц своих товарищей, готовых стоять насмерть за своего вдохновителя. Эй лишь поймал себя на мысли, что он, урод, не хочет неприятностей. И никогда не хотел. А что в этом плохого? Почему всегда нужно с кем-то сражаться? Почему нельзя перетерпеть и в итоге, пускай и не сразу, дожить до лучших времен?

И поэтому, когда на помощь растерявшимся охранникам в столовую вбежали тридцать бойцов в бронежилетах, касках и с автоматами, Эй тут же упал лицом ниц, широко расставив ноги и заложив руки за голову. То же самое сделали и все остальные заключенные, которые, вопреки надеждам Философа, не встали на его сторону и не помогли сдержать напор жандармов. Верными своему слову остались лишь одиннадцать стоявших вокруг стола. На Эйя из них никто даже не взглянул.

Впоследствии никто из охраны колонии так и не узнал, что Эй был с задержанными заговорщиками заодно. Обычное везение, не иначе, ведь все произошло так быстро, что никто ничего и разобрать толком не успел. Что же стало с Философом и одиннадцатую, так и осталось тайной. Впрочем, власти подобной дерзости не прощали, Эй в этом был уверен.

В тюрьме уродам жилось определенно лучше, и поэтому Эй даже задумывался о совершении какого-нибудь мелкого преступления, чтобы вернуться в комфортную среду, но в какой-то момент осознал, что за решеткой все будет напоминать ему о том дне, когда он окончательно сдался и признал себя трусом, рабом под клеймом 305/12, где 305 – порядковый номер родившегося в том или ином населенном пункте урода за год, а 12 – цифровое обозначение самого населенного объекта.

Когда Эй вышел на свободу, то моментально почувствовал тиски системы на

своей шее. Все началось в автобусе. Теперь уродам не разрешалось занимать в них сидячие места, да и стоять можно было только в хвосте салона. К счастью для Эйя, водитель тут же сообразил, что перед ним только что освободившийся урод, поэтому при входе в автобус спокойно сказал:

- Тебе придется зайти через самую последнюю дверь, парень. Там и стой, и не вздумай никуда садиться. Люди сейчас совсем вас за зверей считать стали.

Эй ехал, смотря на мир через неудобную маску, от которой он уже успел отвыкнуть. На улицах не было ни одного урода. Только красивые, а иногда даже прекрасные люди в ослепительных одеждах, ослепительными улыбками, выразительными глазами. Такие стройные, притягательные и, наверное, очень умные. Одним словом, недосыгаемые. А ему, уроду, надо знать свое место и не портить им жизнь.

Впрочем, власти позаботились о решении и этого вопроса. Теперь уроды больше не жили бок о бок с полноценными. Всех их выселили на окраины в новые, но отвратительно построенные двухэтажные деревянные бараки, без отопления и канализации. Дело близилось к зиме, и поэтому, если не было дров, то по ночам тонкие фанерные стены начинали покрываться инеем.

Вместе с Эйем в комнате площадью не более десяти квадратных метров ютились еще три урода – старик, старуха и девочка лет восемнадцати, только что вышедшая из детдома.

У старика с рождения не было ног, и жутко свисала нижняя губа, оголяя желтые кривые зубы. Инвалидной коляски не было, поэтому Эйю приходилось таскать его на своей спине до уборной на улицу и обратно. А еще старик почти никогда ничего не говорил. Мог, но не говорил. Видимо, не хотел.

У старухи не было ушей, а волосы покрывали голову только наполовину. В остальной она была обычная женщина, разве что левый глаз немного косился. Вот она-то любила поговорить, как никто другой, что не могло не раздражать Эйя. Но зато старуха отлично готовила, и могла буквально из пары картофеля, луковицы и небольшой свиной кости приготовить вкуснейший суп.

Как-то за ужином она сказала, что вскоре всех уродов в возрасте от десяти до шестидесяти лет будут подвергать «половому выжиганию». По ее словам, процедура длилась не более десяти минут и была абсолютно безболезненной – на урода направляли какие-то лучи, после чего он становился неспособным иметь детей.

- Но я хочу детей, - робко перебила говорливую пожилую женщину девочка, отложив ложку в сторону и почему-то посмотрев на рядом сидящего Эйя.

Ее большие, как у рыбы, глаза, над которыми совсем не было бровей, смотрели в разные стороны. Нос ее был непропорционально маленьким и слегка искривленным. Волосы же были прекрасными – черные и вьющиеся. Руки и ноги же были целы, если не считать отсутствия трех пальцев на ногах.

- Думаю, что лучше выбрать выжигание, - продолжила безухая старуха. – Как мне сказала одна женщина из дальних домов, после процедуры ты освобождаешься от налога на уродство и задолженностей по нему, если таковые имеются. Как предложение?

Старуха подмигнула девочке и ушла на улицу мыть свою тарелку. Старик молча доел суп и устался в окно, периодически глубоко вздыхая и вытирая платком слюну с отвисшей губы. Девочка взяла его пустую миску с ложкой и уже хотела выйти следом за старухой, как вдруг подошла к Эйю, который задумчиво разглядывал плавающий в его тарелке прозрачный кусочек лука.

- А разве можно жить без детей? – спросила она. – Вернее, имеем ли мы право вот так взять и лишиться себя возможности дарить жизнь?

- Без детей жить можно, - спокойно ответил Эй, и тут же увидел перед собой Любовь в красном пальто.

- Вы пойдете на эту процедуру?

- Пойду, - кивнул Эй. – За неуплату налога на уродства в течение трех меся-

Строка прозы

цев – каторга. А это не тюрьма, это уже гарантированная медленная смерть. Из нас никто не работает вот уже месяц. У деда нет инструментов, чтобы продолжать чинить обувь. Старуха больше не может печь хлеб, потому что теперь уродам запрещено готовить для полноценных. Ты тоже не работаешь.

- Но ведь ты же работаешь, - перебила она его.

- Я не за деньги работаю, - улыбнувшись, ответил Эй. – Колю дрова с утра до ночи, чтобы выдавали больше продуктов, чем остальным. Зато у нас даже мясо иногда бывает, не то что у соседей. Да и всегда есть, чем топить. Вот и весь заработок. Деньги уродам больше не нужны, по сути...

- Значит, думаете, надо идти...

- Надо идти.

Через неделю действительно вступил в силу закон, освобождающий уродов от налога в случае прохождения «внутренней ликвидации репродуктивных функций организма». Затем в их район приехало несколько санитарных автобусов, в которые по одному заходили уроды, выходя оттуда с улыбками на лицах.

Было совсем не больно. Только немного горячо, но лишь на протяжении первых двух-трех минут, после чего Эйю прямо на первой странице в паспорте поставили красную прямоугольную печать: «От налога освобожден».

Сразу после Эйя из автобуса выбежала заплаканная соседка, которую пришлось вести до дома под руку.

- Все будет хорошо, - повторял он ей.

- Не у меня, - уже возле подъезда сказала она. – Теперь нам осталось согласиться на то, чтобы этим лучом нам на головы светили. Раз, и нет мозгов.

Таких слов от нее Эй явно не ожидал. Обычно тихая и робкая, сейчас эта девочка казалась ему надменнее и грубее любого жандарма.

- Мы же с вами теперь пустые, - успокоившись, продолжила она. – Из нас все выкачали, от денег до половых желез. И теперь мы – призраки, которые обречены на вечные скитания по этим тущобам. А туда, - девочка показала на город, - туда нам нельзя, потому что нечего уродливым теням делать в раю.

- Тебе надо поспать, - ответил ей Эй.

Перед ужином молчаливый безногий дед достал из своей тумбочки бутылку ягодной настойки.

- С праздником, - медленно сказал он, протягивая бутылку Эйю.

Выпив, девочка немного успокоилась и даже повеселела. Эй сразу вспомнил себя в ее возрасте, хотя и был всего на несколько лет старше. Ничего, думал он, скоро все позабудется. Теперь они никому и ничего не должны.

После трапезы Эй подкинул пару дров в маленькую чугунную печку и лег спать. Настойка подействовала – его наконец-то сморил настоящий глубокий сон.

Проснулся Эй от женских криков и плача. Уже рассвело, в комнате было зябко из-за того, что ночью никто не подкидывал дров. Крики раздавались со двора. Оглядев комнату, Эй увидел, что кровать девочки пуста. Старухи тоже не было. Дед продолжал спать мертвым сном.

Эй выглянул в окно и тут же отвернулся, закрыв лицо руками. На одном из деревьев висела она. А вокруг бегал народ, в том числе и безухая старуха.

- Умерла? – вдруг спросил старик, а после кивка Эйя отвернулся к стенке и тихо заплакал.

Деда не стало через две недели. Эй взял его на руки и отнес на новое кладбище уродов, на котором с каждым днем прибавлялось по несколько холмиков. Он похоронил его рядом с девочкой, отметив для себя странную мысль, что раньше они со стариком были соседями по койкам, а теперь соседи по могилам.

Спустя еще два месяца арестовали старуху. Ей было за шестьдесят, и поэтому процедуру выжигания она не проходила. Стало быть, от налога на уродство ее никто не освобождал. Вместе с ней из их барачного поселка увели еще несколько десятков

стариков, и теперь получалось, что пожилых уродов в их трущобах не осталось вообще.

Так Эй начал жить один. Колот дрова могучей левой рукой, получал дополнительный паек, по вечерам читал книги среди пустых кроватей своих замечательных бывших соседей. Таких разных, но полюбившихся. Раздавленных машиной власти, боготворящей все внешне прекрасное и уничтожавшей все внешне отвратительное.

Весной Эйю снова улыбнулась удача. Человек, привозивший к ним бревна, которые Эй в числе остальных физически сильных уродов превращал в дрова, предложил ему работу, да не где-нибудь, а в гостинице.

- Я смотрю, ты толковый, не тугоумишь. Поэтому предлагаю тебе неплохой вариант, - говорил этот полноценный, раскуривая сигарету во время обеденного перерыва и протягивая Эйю листок бумаги с написанным там телефоном. - Хотя, позвонить тут у вас неоткуда, так что давай мы завтра прокатимся в город. Сейчас уродам туда только по пропускам можно, но я его для тебя раздобуду.

Так Эй попал в один из лучших городских отелей. Просто взял и попал. Просто повезло. Да, такое случается. Даже с уродами.

В обязанности Эйя входила работа в мужском туалете на первом этаже. Туалет располагался сразу же рядом с регистратурой. Эйю выдали красивую белую форму, дали белую маску, полностью закрывавшую лицо вплоть до ушей, и сказали примерно следующее: подаешь полотенца умывающим руки, следишь за чистотой, благоуханиями и никуда не уходишь со смены, которая длится двенадцать часов.

И началась работа. Скучная, иногда унижительная, но весьма достойно оплачиваемая. На эти деньги можно было купить неплохую одежду и неплохие продукты. Тяжелее всего было в пьяными, которые то и дело просили Эйя то показать лицо, чтобы затем вдоволь насмеяться, а то и вовсе могли справить малую нужду на пол и смотреть, как урод все это убирает. В такие моменты Эй вспоминал замученного армейского офицера, и вся злоба куда-то улетучивалась.

Еще в тюрьме Философ говорил, что к по-настоящему роковым событиям подготовиться невозможно. Ты просто живешь, и вдруг оно происходит. Не всегда приятное и не всегда заканчивающееся для тебя хорошо, но чего еще ожидать от мира, в котором не существует ни добра, ни зла, ни справедливости?

Философ объяснял, что главное в такие моменты – это выключить эмоции и делать то, что велит голова, а не сердце. Впрочем, он же и отмечал, что в подобные минуты контролировать себя крайне сложно. Именно поэтому Эй боялся даже мысли об этих самых роковых событиях.

Но такой момент наступил. И кто знает, что вообще могло быть более роковым.

Был вечер. Смена подходила к концу. Эй повесил новые полотенца, еще раз окинул взглядом каждый угол – все сверкало. Осталось совсем чуть-чуть, и он запрыгнет в автобус, который довезет его до края города, а там – еще три километра пешком и в родную кровать.

Стояла убийственная тишина. Огромный, главный туалет гостиницы соседствовал не только с регистратурой, но и с рестораном. Десять кабинок, семь писсуаров, столько же умывальников. В дни особых торжеств работать было просто невыносимо, но сегодня все тихо, и скоро его сменит другой урод.

Входная дверь распахнулась и в туалет вошли два здоровых мужчины в черных костюмах, а вслед за ними, словно торпеда, влетел президент...

- Кто здесь есть? – спросил один из телохранителей.

- Никого кроме меня, - ответил Эй.

Услышав это, президент побежал к ближайшей кабинке. Маленький, тощий, с бегающими глазками и длинным острым носом, он все равно вызывал в Эйе чувство оцепенения. Почему он именно здесь? Да, была информация, что президент приле-

Строка прозы

тит к ним в город сегодня вечером, но остановиться собирался совсем в другом отеле. Эй это точно знал, их предупредили на утреннем инструктаже.

- Вот ведь прихватило, - процедил сквозь зубы президент, поравнявшись с Эйем.

Дверь в кабинку захлопнулась. Оба телохранителя остались стоять возле входной двери.

- Подойди сюда, - приказал один из них.

Пытаясь не выдавать своего волнения, Эй осторожно подошел к ним.

- Сними маску, - велел все тот же. – Ему не нравится, когда вы прячете лица рядом с ним.

Эй снял маску и отдал ее охраннику.

- Ну и рожа, - тихо хмыкнул он.

Эй стоял неподвижно и пытался не смотреть телохранителям в глаза. А те буквально сверлили его взглядами, в которых читалось столько презрения к уродам, что Эй это почувствовал даже физически.

- Без глупостей. За дверью еще двое. Только дернешься, и здесь же ляжешь. Ты понял, урод? – слегка приглушенно сказал охранник президента.

И в эту же секунду Эй словно осознал, что сейчас ему обязательно предстоит сделать, словно услышал подсказку от этого амбала.

Два мощных удара, оба – в подбородки телохранителей. Грузные тела, будто мешки с песком, грохнулись на пол. В тот же миг Эй повернул защелку на массивной дубовой входной двери, в которую тут же забарабанили с другой стороны.

- Всем отойти, - прокричал Эй. – Если не послушаетесь, президент умрет.

Возня мгновенно прекратилась. После этого Эй вытащил у лежавших без сознания телохранителей два пистолета и рванул к кабинке. Дверца была закрыта, поэтому Эй со всего размаху саданул по ней ногой, у видевав перед собой перепуганного главу государства, сидящего на унитазе со спущенными штанами.

- Что тебе надо? – пролепетал он.

-Одевайтесь. Прокатимся.

Держа заложника прямо перед собой и приставив к его затылку оружие, Эй медленно вышел из туалета. Приказав всем лечь на пол, он миновал фойе, а после вышел с президентом на улицу, где их уже ждали гвардейцы и жандармы, не менее двадцати человек.

- У меня граната, - спокойно сказал им Эй. – В рукаве пиджака, так что без глупостей.

Как ему пришла мысль пойти на такой блеф, он и сам не знал. Все происходило на подсознательном уровне, как будто он специально был рожден для этого момента. Усадив президента за руль черного внедорожника с синей мигалкой и наглухо тонированными стеклами, Эй сел на заднее сидение и скомандовал:

- На окраину. К баракам. Живо.

Президент испуганно оглянулся, однако, увидев перед собой дуло пистолета, тут же нажал на педаль газа.

Ехали молча по абсолютно пустой дороге, освобожденной от других машин жандармами. Позади – несколько десятков автомобилей с ревущими сиренами. В воздухе – вертолет.

- Слушай, если сейчас меня отпустишь, то тебе ничего не будет, - нарушил тишину президент.

- Мне все равно, - ответил Эй. – Не передо мной тебе говорить. Прибавь скорость.

Когда они подъехали к баракам, то увидели, как жандармы пытаются загнать уродов по домам, лишая возможности увидеть заложника-президента как можно ближе.

- Не хотят твои псы, чтобы народ тебя лицезрел, - протянул Эй. – Выйдем, и

ты прикажешь сделать все наоборот.

Дверцы медленно открылись, и оба вышли. Эй моментально притянул президента к себе, приставив ствол к его виску.

- Пусть все выйдут из барakov! – закричал заложник. – И не мешайте телевидению снимать!

Услышав приказ, силовики оставили в покое и уродов, и журналистов, которым ранее запретили вести всякую съемку происходящего и отогнали на несколько сотен метров, окружив после этого живым щитом из гвардейцев.

Эй и президент встали к стене одного из домов, чтобы никто не мог обойти их сзади. Через несколько минут перед ними, образовалась внушительная толпа. Океан уродливых, лиц и тел.

Было тихо. Вертолет улетел прочь, жандармы находились за толпой, журналисты кое-как пробивались к эпицентру событий через плотный слой уродов, а сама толпа молча и растерянно наблюдала за Эйем, держащим на прицеле самого руководителя страны.

- Он ваш, - вдруг заговорил Эй. – Делайте с ним то, что посчитаете нужным.

Сказав это, он толкнул своего заложника в толпу. Президент, взыв, закрыл руками лицо и упал на колени. Но ничего не происходило. Все та же тишина.

Открыв глаза, президент увидел перед собой своеобразный коридор, который образовался из-за расступившихся уродов. Там, вдалеке, замелькали военные каски, навстречу которым президент и двинулся.

Идя по коридору, ступая дорогими ботинками по холодной грязи, президент поймал себя на мысли, что не может поднять головы и взглянуть уродам в глаза. Поначалу ему показалось, что они все-таки набросятся на него, но через пару десятков шагов опасение куда-то исчезли. Осталось только напряжение, буквально заполнившее все и вся. Президент не мог понять, что сейчас чувствуют те, мимо кого он шел. Страх или ненависть? А что чувствует он сам?

Вдруг справа перед ним выкатилось нечто. Президент не сразу понял, что это было живое существо в уродском обликии. Деформации на его теле были настолько ужасными, а лицо... Можно ли было назвать это лицом вообще...

- Пыасти-и-и-те нас, - промычал он, опираясь на грязную землю тощей кривой рукой.

- За что? – сам того не ожидая, спросил его президент, продолжая медленно идти.

- За нас, ответила какая-то женщина.

- За то, что портим мир, - раздался уже другой голос.

- Нам очень стыдно! – подхватил третий...

- Всегда!

- Только позвольте жить!

- Не убивайте нас!

- Мы знаем свое место!

- Счастья вам!

- А вдруг бога нет? – спросил его совсем тоненький голосок.

Президент остановился. Возле самого выхода из коридора стояла совсем юная девочка-урод. Он подошел к ней, жестом приказав кинувшимся к нему гвардейцам оставаться на своих местах.

- Если бога нет, то и рая нет. А если нет рая, то эта жизнь совсем единственная. И когда мы умрем, то наступит конец всему, даже темноты не будет. И это немало грустно. Потому что перед пустотой хочется повеселиться. А нам не весело. Мы не моемся и нам холодно.

Взгляд девочки был рассеянным, а пальцы постоянно теребили грязный шарф.

- Мне говорят, что я дура, - улыбнулась она.

- Ты не дура, - немного помолчав, ответил ей президент и пошел к машине, где его уже ждали люди в одинаковых костюмах, корреспонденты, медики, солдаты, еще кто-то...

Он сел в машину.

- Господин президент, куда ехать? – робко спросил его водитель.

- Пусть позовут того, кто меня сюда привез, - задумчиво проговорил президент. – Есть, что обсудить. Иди, передай. И чтобы ни единого волоса ни с кого из них не упало.

- С кого именно? – растерялся водитель.

- С них, - кивнул президент в сторону уродов. – С людей.

Лишние люди

Ольга Шипилова

Лера шла по улице, наполняющейся мягким утренним солнцем. Оно заискивающе подмигивало, озорничало, шаловливо нежилось в буйной зелени раскидистых кленов. Голова кружилась от удовольствия, молодости и лета. Крепкие ноги легко шагали по тротуарной плитке, выбивая каблучками виртуозные ритмы. Жарко дышала иглица на растрескавшейся земле. Лера на ходу полезла в сумочку, быстро пошарив в ней, отыскала зеркальце, поднесла к глазам, залюбовалась. Ровная кожа, тронутая матовым загаром, светилась; горели огромные глаза, цвета крепкого чая; манили густые пряди каштановых волос. Лера улыбнулась: «Чудо, а не девушка!» Вернув зеркальце в распахнутый зев сумочки, быстро дернув замочком, Лера взглянула на часы: «Время еще есть. Можно не спешить. Славный день, славная работа!» Сегодня снова она будет петлять по городу, тянуть за собой шлейф экскурсионных групп. Под прицелом восхищенных глаз, она в который раз расскажет историю города, своего любимого города. Украсит ее легендами, мифами, немного красок добавит от себя, так интереснее. И в который раз будет ликовать, торжествовать от своего острого ума, правильной речи, мягкого голоса, красоты, сообразительности. В который раз ей скажут об этом, и Лера без смущения, привычно примет очередную порцию комплиментов, которые давно не удивляют, но всегда растекаются по телу сладким бальзамом.

Проходя мимо оживающего рынка, Лера сначала замедлила шаг, потом и вовсе остановилась. Запахи влажной кинзы, укропа, петрушки, сухих пряностей, горячего хлеба смешивались с ароматами фруктов, вспотевших, сочных. Захотелось ощутить утреннюю прохладу у себя во рту, наполниться ею на весь жаркий день. Лера не успела и головы повернуть, как молодой кавказец уже протягивал ей стаканчик с гранатовым соком. Жадно припав к пластиковому ободочку пухлыми губами, Лера пила так, чтобы парень потерял рассудок от того, что именно у него, а не у кого-то другого Лера согласилась вкушать эфиры гранатовых плодов; и благодарил небеса, как если бы ее жажда была для него даром богов.

– Красавица! Пэрсик! Ах-ах! – услышала Лера, когда продолжила путь, ничем не нарушив покой своего кошелька.

Поигрывая бедрами, Лера улыбалась: очередной воздыхатель, приятный флирт, и новая порция хорошего настроения! Ах, как хорошо, так было и будет всегда! Щедрая природа наградила ее потрясающей внешностью, а жизнь позволила появиться на свет в самом лучшем городе на земле! Как же Лера его любила, особенно вот эту тенистую улицу, по которой уже второй месяц она спешит на работу. Отшлифованные ногами прохожих, глянцевые плиточки; ровные ряды подстриженного самшита; нарядные витрины дорогих магазинов; старые двухэтажные здания с причудливыми балконами, выглядывающие из-за ветвей гладких кленов, на которых,

сколько помнила себя Лера, никогда не было коры. Все просто идеально, если бы не они. У Леры от негодования, при одном только воспоминании, зло дернулось сердце. Они все портят. Еще несколько метров – и появится уродливое пятно, которое искажает внешний вид этой красивой улицы, влекущей к морю. Да и если бы пятно было только одно, а то же их много! Много этих пятен! Уродливых, смердящих, что-то требующих от туристов и порядочных жителей города. «Ненавижу! – подумала Лера. – Взять бы всех в охапку и вывезти куда-нибудь в горы, чтобы они не мешали жить!»

Рассердившись, Лера ускорила шаг. Гордо, как породистая лошадь, она фыркнула, дернула головой, повернула ее в ту сторону, где ежедневно наблюдала ненавистную картину. Под смоковницей, опершись безжалостной рукой на куст самшита, пристроив под себя трухлявый низкий стул, сидело оно. Черное, безобразное существо, видом своим походившее на приведение, или даже на саму смерть. А вокруг этого жуткого существа толпились красивые, важные голуби. Птицы были совершенны, и на фоне привидения казались ангелами, спустившимися в город. Голуби были единственными, кто вообще мог подойти к этому безобразию, они же и смягчали неприятную картину, словно их сизые и белые крылья закрывали собою полотно, на котором ничего нет кроме мрачных жирных мазков, сделанных бездарной кистью.

Лера зажмурилась. Всякий раз, проходя мимо существа, она старалась проскочить как можно быстрее, чтобы глаза его не впивались в безупречную кожу. А они, поистине, делали это. Первое время существо казалось Лере обезличенным. Немного погодя Лера узрела пол и придирчивый взгляд, который теперь каждое утро щиплет ее за кожу. Существо оказалось женщиной. Возраст сразу не разобрать, но по всему видно, что она старуха – вековая, корявая, сморщенная. Ее землянистое лицо изъедено сотней бороздок, словно на нем поселились короеды, и день ото дня старательно вытачивают из лица старухи отвратительный лабиринт. А глаза совсем не старческие, цвета спелых вишен, и смотрят внимательно, любопытно. Во взгляде читается острый ум, и оттого делается невыносимо страшно. Будто это уродливое приведение, облаченное в темные лохмотья, все про тебя знает, видело, помнит каждую шалость, всякий промах и любую грешную мысль. А их у Леры – хоть отбавляй! Еще страшнее Лере становилось от того, что существо всегда молчало, но губы его при виде Леры напрягались, готовые в любую секунду заговорить. И если такое случится, Лере думалось, что старуха или проклянет ее или напроорочит горе, а может, что еще ужаснее, определит дату смерти. А пальцы! Пальцы старухи всегда опущены в грязный мешок. Он стоит у ее ног, наполовину пуст, наполовину полон. В нем – семечки. Сначала Лера полагала, что старуха ими торгует, и очень удивлялась, как она вообще этими узловатыми, кривыми отростками на руках может кому-то что-то предлагать. Как оказалось, старуха ничего не продает, а кормит семенами подсолнухов голубей. Каждое утро безмолвным часовым она сидит на страже со своим мешком лишь для того, чтобы кормить птиц, но Лере упорно чудилось, что старуха сторожит ее, только ее одну. Часто Лера видела, как прохожие здороваются со старухой. Услышав слова приветствия, она резко вскидывает голову, внимательно изучает человека, и по ее губам, сначала еле заметно, а потом внезапно озорно, расползается счастье. Старуха кивает, почти кланяется до земли, и возникает на этом уродливом лице совершенно удивительная улыбка, какая-то девичья, наивная. Старуха выжидает несколько минут, бормочет что-то себе под нос и крестит спину уходящего человека, не переставая улыбаться. Леру это нервирует, потому она никогда со старухой не здоровается, не хочет видеть нелепой молодости старого лица.

Часто ночами Лера плохо спит и все думает о безобразном пятне. Зачем оно вообще существует? Ну, неудобно же ходить каждое утро мимо и всякий раз стараться проскользнуть, оставаясь незамеченной этими глазами-вишнями! Лера могла бы давно выбрать другой маршрут, но существо все равно останется сидеть под смо-

Строка прозы

ковницей, никуда не денется! Выходит, оно заставит Леру что-то изменить в привычном движении вещей, а менять ничего не хочется. Особенно по чьей-то безмолвной указке. Да и одна из самых красивых улиц города от того, что Лера пойдет по другой, вовсе не лишится искусственно созданного неудобства, в котором виновно всего лишь одно существо. Не проще ли прогнать его вовсе, чтобы оно не мешало жить, не мешало спать, думать, наконец! Чтобы оно не нарушало жизнь и молодость, не напоминало о старости и смерти. Разве смог бы жить счастливо человек, если бы на его плече при жизни лежала холодная рука, напоминающая ежедневно, ежечасно о неизбежном уходе? Почему тогда Лера должна изо дня в день терпеть этого призрака у себя на пути, испытывая тяготения и страх?!

«Ох», – простонала Лера и побежала, оставляя призрака позади. Стараясь отвлечься, Лера подумала о работе. Сегодня она должна вести группу в музей. Лера сотню раз в нем бывала и могла бы пойти сто первый, но у нее свои дела. Пока туристами займутся всезнающие музейные сотрудники, возникнет целый час, чтобы пробежаться по магазинам, а магазины Лера любит. При мысли о магазинах, Лера вспомнила о своем кошельке, и еще о чем-то. Это что-то напрягло ее, заставило крепко зажать сумочку локтем. Лера согнулась, точно на ее спине оказался грязный мешок с семечками, по лицу поползли мрачные тени, ничего не оставляя от былой красоты.

Вдалеке, отделяемый пустой автостоянкой, показался подземный пешеходный переход, спустившись в который, Лера должна преодолеть его прохладную темноту и выскочить на залитую солнцем набережную, а там раскинулось бескрайнее море: тихое, теплое, нежное. Опустив голову к земле, став похожей на рассерженную, всегда чем-то недовольную пожилую женщину, Лера неуклюже сбегала вниз по ступеням. Сдвинутыми к переносице бровями, выпяченной вперед нижней губой она старательно показывала, что занята, торопится и все ее внимание приковано к движению ног, готовых споткнуться на выщерблинах старых плит. Но, как ни пыталась Лера вынырнуть из темного перехода со спокойным сердцем, без грубостей, которые ей приходится ежедневно произносить или совершать в попытках защитить свой кошелек, снова ничего не вышло. Едва Лера подняла глаза к свету, зовущему впереди, как на пути возникла сухая рука, а в ней – бумажный стаканчик. «Звяк-шук», – раздался знакомый, и потому такой неприятный, звук монет и шорох пожелтевшего картона. «Звяк-шук, звяк-шук!» – стаканчик маячил у самых глаз. «Тук-тук», – свирепело в груди сердце.

– Нет! – отпихнула Лера руку. – Дайте пройти!

«Звяк-шук, – продолжала настаивать рука и трясти скудным содержимым стаканчика, – звяк-шук, звяк-шук!»

В маневрах руки, в дрожании стаканчика Лере чудились неприкрытая наглость, мерзость, пошлая грязная правда попрошайничества.

«Тук-тук», – в негодовании отвечало горячее сердце и несло опаляющие потоки крови по вибрирующему враждебно-напряженному телу.

– Отстаньте вы от меня, в конце концов! – скривились пухлые губы, и Лера выбралась на свет, толкнув еще раз с силой руку.

Рука отступила, попятилась, перестала упорствовать. Она принадлежала старушке, которая в утренних красноватых лучах являла собой саму святость. Тоненькая, премиленькая, вся в белом, старушка была похожа на увядающий цветок. Но, невзирая на природное увядание, оставляла в себе ту печальную красоту, которую хранят засушенные между книжными страницами гербарии. Глаза ее светло-голубые, стеклянные, смотрели вперед, не останавливаясь на предметах, точно их обладательница живет в другом мире, а в этом оказалась совершенно нечаянно, случайно. И по какой-то странной, удивительной ошибке, тоже нечаянно, просит подаяние: «звяк-шук, звяк-шук...»

Эту старушку Лера знает давно. Много, очень много раз она давала ей день-

ги. Сначала бумажные, потом монеты. Было время, когда Лера специально откладывала рубль, чтобы опустить в пожелтевший стаканчик. А потом все наскучило, надоело, и старушка перестала казаться миленькой, трогательной, обездоленной. Ее настойчивость начала сердить. Но более всего возмущало, как равнодушно, неблагодарно старушка принимает деньги, не делая разницы между крупными купюрами и мелочевкой. Она не улыбается, не склоняет голову перед дающими, не имеет перед ними покорного вида, который непременно должна иметь, а только усердно колотит своим стаканчиком и смотрит сквозь людей: «звяк-шук, звяк-шук».

В последние дни от всякого проявления иждивенчества Лера начала терзаться муками морали. Проведя несколько бессонных ночей в раздумьях, Лера лишилась внутреннего покоя, и теперь искренне презирала старушку, видя в ней бездельницу, преступницу, а может, что еще хуже, скрытую богачку. «Ага, – думала Лера, когда ей приходилось оттолкнуть руку или нагрубить старушке, – знаем мы таких! Пенсию получают, жилье сдают – и все им мало! Работать нужно, если жить хочется лучше других!» Но всякий раз, вспоминая о преклонном возрасте старушки, Лера совершала паузу, мысль натыкалась на незримый острый камень, останавливалась. Потом, найдя новое оправдание своим убеждениям, Лера делала заключение, с которым ни ее совесть, ни разум поспорить не брались. «Да, – говорила себе Лера, – да, пусть работает, если хватает сил днями простаивать здесь на солнцепеке! Вот!» И все внутри сворачивалось жгутом от несправедливости, от того, что простофили-прохожие снисходительно терпят, не гонят старушку от перехода, молчаливо соглашались с пятном на теле города. А ему только то и надо, оно увеличивается в согласии с безропотным молчанием окружающих, разрастается до гигантских размеров, застилая собой даже море!

«Звяк-шук», – продолжал напоминать о себе стаканчик. «Тут-тук», – металось в груди Лерино сердце, сгорая в огне праведной досады. И день не казался таким славным, каким воображался в начале, и море не радовало щедростью своей, и город был унылым вместилищем грязных пятен, в которые Лера опасалась влезть по неосторожности и потом остаться запятнанной ими на всю свою жизнь.

Шло время, сменялись сезоны, сорили клены листвой на тротуарную плитку, замирали в ожидании весны, засыпали и вновь просыпались. Выравнивались в ряды кусты самшита с приближением лета, жарко дышала иглица на растрескавшейся земле, выплывало по утрам из моря солнце, шалило в зеленых листьях деревьев, грелись горы в лучах его. Шагала по тенистой улице Лера, и ее скованное угрюмой маской лицо было ко всему равнодушно, ко всему привычно. Работа перестала приносить то приятное трепетное удовольствие, которое так волновало прежде, казалась совершенно однообразной. На рынке больше никто не предлагал гранатовый сок, впрочем, Лера его никогда не любила, а принимала из рук воздыхателей только из жалости к ним. Все меньше слов восхищения получала она в свой адрес, и временами ей казалось, что то был всего лишь сон, счастливый сон. Но, как и в былые времена, помня свое очарование, Лера продолжала преданно служить магазинам, когда группу уводили за собой музейные сотрудники и у нее образовывался час свободного времени. Поиски справедливости давно были забыты, моральные ценности перестали интересовать, осталось напоминанием о них только твердое убеждение в своей собственной правоте. А еще, не желая менять привычный ход вещей, Лера сохранила для себя маршрут на работу и злое подергивание сердца в двух его точках: возле смоковницы и у подземного перехода. Лера проходила эти места, потупившись в землю, стараясь не смотреть. Когда же краем глаза она замечала темное существо с птицами, или тонкую руку, внутри все взрывалось от негодования: «Работать надо!» – ворчала Лера, и спешила утешить себя тем, что старухи не вечны, рано или поздно они исчезнут и тогда, наконец, она сможет освободить свое сердце от тугого жгута ненависти и презрения к ним. Порой Лера и сама себя не понимала, зачем и для чего привязалась к этим убогим, за что она их так ненавидит? Но всякий раз Лера отыски-

вала новую причину и ненавидела старух с большей силой, и ненависть ее могла бы быть вечной, если бы одним пасмурным утром Лера не замерла пред птицами, толпящимися на ее пути. Голуби здесь были всегда. Пробиралась через них Лера старательно легко, аккуратно, чтобы не навредить птицам. Со временем они ее начали раздражать и, если выпадала возможность, Лера с диким упоением пихала голубей носиками тувель, от чего птицы пугались, взлетали, громко хлопая крыльями. Но только сейчас в это пасмурное утро Лера заметила, что в птицах произошла перемена. Какие-то жалкие они стали, облезлые, тощие. Медленная догадка заставила Леру повернуть голову туда, где развесила свои ветви смоковница. Не дыша, она перевела взгляд и вскрикнула, испугавшись. Ни существа в темных лохмотьях, ни стула, ни мешка с семечками – ничего не было. Должно быть, уже много дней, а может месяцев. «Как же так! – шептала Лера, – как же это так!?» Под смоковницей находился только грязный, разбитый мусорный бак, такой уродливый, что Лера едва не лишилась чувств. Она даже не догадывалась о его существовании, а теперь он омерзительным пятном портил внешний вид улицы, как и эти полуголые голуби. «Лишнее здесь это, – подумала Лера, – нехорошо, нужно убрать бак и от птиц тоже нужно избавиться, они все портят своим дурным видом!» Сделав несколько шагов вперед Лера, снова посмотрела на бак: «Ай, ай, нехорошо!» – досадно покивала она головой и продолжила путь.

В круговороте человеческих лиц, легенд, магазинов Лера быстро забыла о призраке, караулившем ее в последние годы. Вспоминались только голуби да уродливый мусорный бак, и жгут на сердце затягивался с новой силой. Когда же в один из дней подходя к подземному переходу, Лера услышала гитарные аккорды, жгут и вовсе едва не разорвал ее сердце пополам. Молодые неопрятные ребята, бросив под ноги шапку что-то клянчили у прохожих. «Так не годится, – рассерженно думала Лера – совсем нехорошо!»

– Работать надо! – остановившись, крикнула она музыкантам.

– Проходите, дамочка, – улыбнулся один, – не задерживайтесь!

«Вывезти бы их в горы, чтобы жизнь людям не портили!» – подумала Лера и быстро пошла к свету, в котором больше не маячила рука, не подрагивал бумажный стаканчик, ничего не застилало море. «Звяк-шук», – вспомнила Лера, и тут же забыла. «Тук-тук», – сердито отозвалось перехваченное злобой сердце.

Вера Повелителя

Мехти Али

Повелитель доверенных Ее Величества Молодой Госпожи удобно вытянулся на ложе. Все тело зудело и ныло — ночную часть суток приходилось стремительно нестись по узким коридорам улья; карабкаться по уступам, высматривая наималейшие признаки непорядка; угрожающе раскинув широкие крылья, прыгать с площадок на сомлевших от усталости солдат; подбадривать рабочих; осматривать Апартаменты, придирчиво проверять доверенных на каждом, несчетном количестве поколений, выверенном месте... Он не чувствовал ни гордости, ни обидчивой утомленности, знакомой каждому доброму служаке — лишь некий покой, приятно разливающейся по всем членам огромного тела, украшенного на груди родовым гербом Черных фюльгий — двойным укусом мощных челюстей Старой Госпожи, чей невообразимых размеров череп стоял на Алтаре Памяти гнездовой кладки улья.

Наступало Время Покоя, краткий час, когда желтое светило захваченного фюльгиями мира поднимаясь над горизонтом, освещало развалины жилищ мягкотелых у синего моря. Слегка напрягшись, Повелитель почувствовал еле слышное слабое жужжание — то пугливо бились сердца раздавленных пятой Улья живых су-

ществ: бегающих, прыгающих, ползающих, плавающих — все едино. Он не чувствовал к ним ни презрения, ни злобы, ни даже снисходительной жалости — лишь холод. В это же мгновение под панцирем, помеченным родовым гербом, вспыхнуло, словно жаркое пламя, безграничное чувство любви — любви к Ее Величеству Молодой Госпоже, бравым доверенным, предмету его законной гордости, ротозеям-солдатам, искусным рабочим, даже ничтожнейшим трутням.

Откинувшись назад, Повелитель протянул когтистую лапу к мягкотелому, которого солдаты выловили из скальной норы шесть солнечных циклов тому назад. Солдаты — воплощенная воля повелителей... Мягкотелый был развлечением, ценным развлечением. Повелитель никогда не разграничивал долг и досуг, предпочитая полезное приятному. Немало ценного он узнал об ульях старой расы, разгромленных армией Ее Величества Старой Госпожи в незапамятные времена. Никогда нельзя знать, как обернется дело. В любом случае следует быть предусмотрительным.

Так мыслил Повелитель, полный административной мудрости.

— Рассказывай. Что нового? — Речь фюльгии напоминала обморочное скрипение металла по стеклу. Мягкотелый почтительно приложился лбом к лапе, и резко, сжавшись от ужаса, отпрянул, что-то забавно вереща — ибо Повелитель неожиданно выбросил из хвоста гладкое острое жало. Зверек припал к ребристому полу, дрожа всем телом. Фюльгия усмехнулась, широко раздвинув мощные губы, с которых капала едкая пеннистая слюна. Это было шутка, которую он повторял раз за разом, и с неизменным успехом. Мягкотелый не должен знать, когда Повелителю придет мысль сожрать его, либо кинуть в гнездовую кладку Ее Величества. Каждый раз он расслабленно думал, что надо бы уничтожить зверька, разбить его хрупкую голову, как он поглотил многих до него. Но практичность каждый раз пересиливала. Не каждый мягкотелый мог выучить хотя бы азы языка. Все, которые были до этого, попадались тупыми и непонятливыми. Вообще, местная раса была примитивна — слышали только часть речи. Приходилось постоянно упрощать, прилагая усилия для того, чтобы донести свою мысль — но доверенные умели делать и это. Такие сложности огорчали Повелителя, несмотря на легендарное терпение и кротость. Он был вынужден их всех съесть, предварительно откусив по частям конечности — разумеется, только в порядке дисциплинарного взыскания. А этот оказался на редкость понятлив. И к тому же, знал каракули мягкотелых. Редкое знание. Нет, это была всего лишь шутка, отличная шутка. Надо заняться досугом, то есть делом.

Зверек стал медленно приходить в себя. И заскрипел, почтительно касаясь слабыми лапками могучей длани Повелителя, не дотрагиваясь до края ложа-трона — неслыханное кощунство, за которое можно было бы в два счета поплатиться прогулкой к гнездовой кладке:

— Рабочими в одной из пещер найден старый манускрипт мягкотелых. Судя по описанию, речь в нем идет о разграничении разных племен и каст, позволявшее им отграничивать себя от чужаков, которые они считали, — тут он замялся, — мне сложно это объяснить...

— Так объясни. Мне спешить некуда. — Повелитель устало закинул свою тяжелую голову, украшенную венцом из серебристого металла.

Мягкотелый растерянно заскрипел:

— Видите ли, Повелитель... у нашего племени существовало странное понятие... зло... боюсь, не поймете...

— Слышал. — Повелитель задумчиво застучал когтями по ложу. — Но не понял. Странное слово, странное. Зло. Что это такое?

— Видите ли, зло... Могу пояснить только на примере. Это когда звереныш нападает на семью зверя из другого клана и убивает его самку и детенышей, раздвывая на части...

— Отличная шутка для мягкотелого, — подтвердил Повелитель.

— Или же обманывает, завлекая в денежные сети своего же соплеменника. Я

Строка прозы

вам уже немного рассказывал про деньги. Деньги — это кружочки из разных металлов, или обрезки жеваной древесины, на которые в улье мягкотелых можно сделать все. Иногда это просто цифры в наших машинах.

— Негодное изобретение. Вы прямо-таки им молились. — Повелитель вновь возвеселился. — Что, спасли ваши железяки от нас? Одна машина может подчинить и сломать любого мягкотелого. Но любая фюльгия может раздавить в лепешку, уничтожить тьму машин, за которые вы пытаетесь спрятать ваши изнеженные тела и души.

— Да-да... Так вот, мягкотелые часто дают денег, и требуют вернуть сверх того через некоторое время. Называется — процент. А если его же соплеменник вернуть их не может, то давший денег может обратить его в рабство, даже отнять угол в улье, и выбросить из общества, так что обманутый погибнет с голоду.

— А вот это уже никуда не годится. — Повелитель философски согнул длинный коготь. Мы, фюльгии, друг другом за проценты не торгуем. Впрочем, что с вас взять, низшая раса.

— Совершенно согласен, низшая раса, — Мягкотелый покорно закивал своим маленьким лысым черепом, — и только один из примеров зла. Хоть и ничтожное, но общество мягкотелых считает, что это неправильно.

— Опять ничего не ясно. — Благодушное настроение стало испаряться. Повелитель почувствовал легкое раздражение. — Твой первый пример мне понятен. Мы разрываем на части рабочих, солдат, и личинок чужих ульев, убиваем их правительниц, если они попадутся нам в лапы. Миры слишком тесные, места в них всем не хватает, пищи недостаточно. Но мы никогда не шутим с фюльгиями. Это не значит, что у нас нет понимания забавного. Мы можем шутить. Например, с мягкотелыми. Но с Черными, даже с Белыми — никогда. Ведь они такие же, как и мы. Шутки с себе подобными — против правил хорошего тона нашей расы. Это связано со вторым примером. Ты уверяешь, что у вас было принято изгонять и уничтожать членов улья, причем, судя по всему, вполне безнаказанно, хоть это и порицается вашим обществом. Так что же такое зло?

— В этом манускрипте утверждается, что зло было связано с неким мягкотелым, которого называли, — Мягкотелый издал забавный свист, — так вот, будучи личинкой, он происходил из не очень-то уважаемой семьи, но позже достиг поразительного успеха

— Аадльхх-гилльл, — Начальник резко заскрипел, — что такое имя? Много раз я обсуждал с тобой это, но не понимаю вполне — какой смысл в имени, если есть титул? Может быть лишь один Повелитель, и будущие поколения доверенных будут помнить не имя, а славные деяния, совершенные ульем. Ладно, оставим это. Так в чем состояла природа этого мягкотелого, что его посчитали злым?

— Тут вот в начале отмечено — он был столь ужасен, что все мягкотелые будут отрицать свое духовное родство с ним...

— Дальше.

— Но это важно для понимания. Далее, автор манускрипта утверждает: все мягкотелые, занимающиеся умственным трудом, чрезвычайно склонны к обману в отношении себе подобных. Они назывались, — тут мягкотелый вновь забавно свистнул, — так вот, они назывались «интеллигенция». Автор считает, что ум, соединенных с обманом в отношении к себе подобным — зло.

— И правильно считает. Смотри-ка, у низшей расы тоже могут быть зачатки благоразумия. Не дело, если имеющий власть и мудрость начнет вводить в обман своих подчиненных. Посмотри на меня. Нет — посмотри на меня! — Повелитель угрожающе поднял свою гигантскую голову с огромными сетчатыми глазами янтарного цвета, лоснящуюся при неверном свете блуждающих огоньков в улье. — Разве я способен на обман в отношении к себе подобным? Мои слова никогда не расходятся с делами, когда я обращаюсь к своим подчиненным. Ведь это неразумно. Если

власть предержавшие начнут вводить в заблуждение, высший порядок нарушится в улье, и настанет хаос. Я знаю, что в интересах Улья солдаты должны погибнуть, я прямо говорю им — «умрите». И они беспрекословно подчиняются. Управляющий рабочими никогда не будет вводить их в заблуждение, утверждая, что длина туннеля в три раза меньше, чем должна быть. Рабочие все равно приложат все усилия, чтобы пробить проход нужной длины. Если же они потеряют силы, и окажутся неспособны это сделать — вина на Управляющем. Он должен был учесть все сложности. Мы никогда не ставим перед собой заведомо невыполнимых задач. Поэтому черные — Высшая раса. Власть имеющий недаром обладает мудростью и знаниями.

— У нас знающий чаще всего не обладает властью. — Мягкотелый глухо вздохнул. — Наверное, из-за этого сословие ученых и презирали.

— Все правильно. Недаром вы проиграли и стали нашей законной добычей. Знание и власть неотделимы друг от друга. Чем больше знания, тем больше и власти. Солдат ограничен только вверенным ему, маленьким участком битвы. Большого от него и не требуется. Доверенный уже знает куда больше, потому что он руководит многими солдатами. Лишь Повелитель видит все поле сражения. Насколько я понял из твоего бессвязного бормотания, вашими ульями руководили глупые и безрассудные управляющие, а обладающие знаниями были и того тупее. Рабочий руководит доверенным! — Повелитель оскалился. — Как это ты сказал в прошлый раз? Абсурд! — Он с натугой проскрипел затверженное слово, оно ему тогда понравилось.

— Да, конечно... — Мягкотелый сидел, понурившись. — Видите ли, мы не отличаемся друг от друга так резко. Поэтому немудрено и перепутать... — Потом он встрепенулся. — Но я продолжу, если вы разрешите.

— Продолжай.

— В этом манускрипте предложен целый ряд вопросов, по ответам на которые можно определить принадлежность к мягкотелому, которого автор считал средоточием зла. Они довольно любопытны.

— Действительно, любопытно. Возможно, я сумею больше понять мышление вашей расы. Не будем терять времени. Задавай вопросы.

— Итак, вопрос первый. — Мягкотелый откашлялся. Тут спрашивается, каково отношение опрашиваемого к обычаям некоторых ульев — их у нас называли народами. Обычаи эти называются «капитализмом» и «социализмом».

— Разъясни, что это такое?

— При «капитализме» все важные вещи в улье принадлежат отдельным особям мягкотелых, которые используют их для того, чтобы заставлять всех прочих выполнять работу. Взамен выполненной работы измученным мягкотелым даются деньги, на которые они могут взять себе пищи, машин — в общем, всего, что нужно для проживания. Но денег всегда дается меньше, чем стоит на самом деле работа, поэтому у мягкотелых, обладающих вещами их оказывается все больше. А чем больше денег, тем больше власти. Знания и физическая сила при этом не имеют особого значения. Даже более того, часто эти мягкотелые — бездельники, предающиеся лени и удовольствиям. Главное во всех этих обычаях — золотые кружочки и обрезки бумаги...

— Абсурд! — Повелитель даже приподнялся на месте от возмущения. — Отвратительный обычай! Как можно этими бессмысленными деньгами оценивать то, что такой оценке не подлежит — работа, которая должна выполняться в интересах всего улья, а не какой-то бездельной стаи трутней? Низшая раса! Проценты, изгнание. Хорошо, а второй обычай?

— Второй именуется «социализмом». При этом все принадлежит не каким-то отдельным мягкотелым, а всему улью. Присмотр за вещами и работой осуществляется самыми достойными, сильными, умными, которые направляют рабочих и солдат, раздавая им пищу и все необходимое. Но насколько я понял из летописей мягкоте-

Строка прозы

лых, эти обычаи к моменту вашего блистательного завоевания уже находились в небрежении...

— Не лъсти, бесполезно, — Повелитель вдруг холодно проскрипел бесстрастно начальствующим голосом. Говори внятно, ясно.

— К нашествию улья Черных фюльгий в наших городах все сражались со всеми за место под денежным солнцем, без которого мы не могли прожить и дня.

— Понятно. Очевидно, мелкий разбой больше по нраву пушистым грызунам. Что же касается второго обычая, столь печально погибшего — он мне уже нравится куда больше. Конечно, до нашей великолепной организации, когда все доверенные улья дарят Ее Величеству свое семя, внося свой посильный вклад в жизнь новых поколений управляющих, вам никогда не дойти. И пищу, наверное, эти ваши самые «достойные, сильные, умные» наверняка большей частью присваивали себе — знаю я вас, жадное ходячее мясо. Но одобряю, одобряю эти обычаи. Они схожи с нашими. Говоришь, они были в небрежении? Вот потому-то вы нам так легко и проиграли. Ценное наблюдение, — Повелитель напрягся, впечатывая новые знания в мозг, — продолжай.

— Второй вопрос касается одного из племен. Их называли алеманами. Судя по летописям, они очень часто нападали на другие племена, занимались разбоем и грабежом. Средоточие зла был из их племени. Он предлагал все прочие племена нашего мира превратить в рабов, часть — уничтожить.

— В те времена этому племени было нечего есть? Они голодали и находились в отчаянном положении?

— Нет, ничего подобного. У них были затруднения, связанные с тем, что они проиграли одну из войн, которую затеяли, намереваясь покорить новые земли исключительно ради удовлетворения своего тщеславия. Это их озлобило, Средоточие зла тоже. Особенно он ненавидел одно племя, именовавшееся сабрами. И к тому же...

— Довольно, — Повелитель брезгливо поджал губы, — какая шваль. Нападать на себе подобных, не будучи голодными, имея достаточно угодий. Отвратительное племя. Судя по твоим словам, этот мягкотелый был вырожденец. Дальше!

— Следующий вопрос касается племени антов. Они были очень простые, любили начальников, и охотно подчинялись им. Правда, иногда бунтовали — но только если начальники были равнодушные, глупые и любили деньги больше своего улья. Если за ними плохо следили, они начинали отлынивать от работы, угрожать повелителям, высмеивать их. Но при строгом и справедливом начальнике они творили чудеса храбрости на поле битвы и делали вещи, о которых другие племена и помыслить не могли.

— Одобряю, одобряю. Симпатичное племя, лучше всех прочих. Кстати, — Повелитель свел челюсти, — припоминаю, кажется, они сопротивлялись нам больше всего. Что там у тебя еще?

— Следующий вопрос касается еще одного племени, сабров. Они были очень мудрые и знающие. Многие из них возглавили сопротивление вашему завоеванию, пытаясь сбросить вас обратно в глубины Вселенной, откуда вы и пришли. Но так как их образ жизни всегда казался прочим племенам загадочным и непонятным, они их всегда ненавидели и стремились уничтожить. Впрочем, в их древних обычаях, я считаю, вообще много бесчеловечного. Чтобы как-то выжить, сабры копили у себя деньги, и давали процент. Этот обычай тоже очень не нравился племенам... Но среди них были и такие, которые проповедовали социализм. Вообще, сабры были очень разные...

— Что же, они на самом деле, были разные. Но мудрый всегда внушает уважение, потому что ему можно объяснить задачу, непосильную для неповоротливого ума. Считай, что к ним относился бы с уважением, если был бы зверем.

— Следующий вопрос несколько неожиданный. — Мягкотелый близоруко

склонился над пожелтевшими бумагами. — Можно ли сказать, что твой улей всегда прав, и во всех войнах надо быть на его стороне?

— Очередной абсурд, — Повелитель недовольно заскрипел когтями по ложу, — что за странное утверждение? Улей не может быть правым, или неправым. Вообще, что это за понятие — правота? Мы разбирали этот вопрос в прошлый раз. Насколько я понял, для вашей расы дело обстоит таким образом: если одно племя мягкотелых нападет на другое, лишает его всего, превращает его обитателей в рабов, или просто разбивает им голову, то оно право. А если другое племя нападает на него, выгоняет из улья, уничтожает личинок и самок — то неправо. У тебя было еще одно хорошее слово, — Повелитель вновь приподнялся, — как оно звучало? Подожди-ка, — он напрягся, старательно припоминая это забавное словечко, — тав-то-логия. Абсурд! Я вообще не понимаю, что за мерзкое лицемерие у вашей низшей расы. Нет и не может быть понятия правоты во Вселенной, где есть только два великих чувства — Любви и Ненависти. Я люблю Улей, мою блистательную и нежную Молодую Госпожу, доверенных-хватов и смелых солдат, трудолюбивых рабочих... даже трутней. Даже трутней! Разумеется, ульи, которые захотят уничтожить тех, кого так глубоко люблю, буду неистово ненавидеть. Глупое и безнравственное утверждение о «правоте» и прочих подлых принципах мягкотелых, вот что это такое.

— Наверное, — Мягкотелый вдруг стал странно раскачиваться, — наверное, я неправильно объяснил. Если некое племя нарушает правила, которые мы считаем священными и естественными, — например, убивает личинок и самок, — мы считаем его неправым. Ведь это нарушение всего, и...

— И что? Значит, ваша раса может поступать то так, то эдак? Что за бред о естественности ты несешь, если вы сами же нарушаете свои же законы, которые у вас, видите ли, священные и неприкосновенные? Мы никогда не шутим с подобными себе. Даже если мы разрываем чужих правительниц, к останкам той, кто давала жизнь, относимся с почтением. У тебя еще будет возможность увидеть их черепа в Апартаментах, — Повелитель показал острейшие зубья на челюстях, с любопытством наблюдая гримасу ужаса, исказившую сморщенную мордочку зверька, — конечно, если ты будешь вести себя неподобающим образом. И мы не торгуем за проценты! Мы вообще не торгуем и не торгуемся, мы это не можем. Вот это я и назову естественными обычаями. А то, что можно выворачивать так, да эдак — никакой не естественный закон, а самообман, на который так падка ваша порода.

— Повелитель, но...

— Этот вопрос мы рассмотрели. Продолжай.

— А это вопрос о войне... мы говорили о ней. Есть ли в войне красота, доблесть, романтика?

— Это еще что такое? — Повелитель подозрительно приподнялся, — романы-ка?

— Не знаю. — Мягкотелый выглядел растерянным. — Я сам до сих пор не понимаю. Кажется, это когда каким-нибудь делом занимаются не просто так, а увлеченно, с большой охотой.

— Очередной бред. Битва за Выживание не может быть красивой, некрасивой, доблестной, и прочее. Битва за Выживание — это Битва за Выживание. Впрочем, этот вопрос мы много раз рассматривали. Напасть на другого, чтобы уволочь его самку, стать вырожденцем, скрещивая свое черное крыло с ее белой, уносить вещи из чужого улья, только потому, что хочешь еще и еще? Процент! Скверна, низшая раса. Дальше!

— Так, дальше... Мягкотелый стал читать, старательно выговаривая: «Рабочие, крестьяне, служащие, интеллигенты, военные, купцы, священнослужители, дворяне... — что в этом списке вызывает ваши симпатии?».

— Это еще кто? А, интеллигенты, слышал. Их можешь заранее исключить из списка моих симпатий.

Строка прозы

— Крестьяне работали на земле, и выращивают плоды растений, и животных — пищу, которую мы употребляли в пищу.

— А больше они ничего не умели?

— Они могли при определенных условиях стать рабочими. Только работали они плохо.

— И верно — каждый да займется своим делом. А кто такие твои «служащие»?

— Они служили улью, и направляли действия всех каст за деньги. Например, учили, лечили, руководили...

— За деньги?

— Да, за деньги. И еще...

— Абсурд, абсурд! Безнравственный абсурд! Я — и деньги! Дальше! — Повелитель внезапно начал раздуваться от бешенства.

— Военные...

— Тоже за деньги?

— В общем-то, да.

— Какая испорченность! Солдаты — и деньги... Ну, а эти?

— Купцы? Они и есть деньги.

— Дальше!

— Священники — это те, которые служат Верховному Разуму...

— За деньги?

— А... Повелитель, смилуйся!

Чудовище вскочило, нависая над высоким потолком. Невообразимых размеров голова угрожающе покачивалась на мощной шее, из тонких шипов на спине со свистом вырывался горячий воздух. Повелитель впечатал шаг одним из своих трех пар мощнейших ног по направлению к тельцу мягкотелого, который пронзительно визжа, отползал по послушно заалевшему полу. Пространство вдруг сузилось, сжалось, словно бы охваченное тем же цепенящим ужасом перед адским величием Повелителя, яростно распространявшего вокруг себя волны властной мощи.

Вдруг все снова затихло. Повелитель коротко передохнул, и неожиданно ласково провел своей когтистой дланью по спинке зверька. Потом он вернулся к трону и снова возлег на ложе. И заговорил, спокойно и рассудительно:

— Нет, так нельзя. Я доверенный свиты Ее Величества Молодой Госпожи, и верховный жрец Хастура, Создателя Миров. Безнравственно и против правил хорошего тона Высшей расы приходить в ярость при словах никчемного мягкотелого. Как я могу сравнивать свое высокое положение, блестящий ум, горячую страсть возлюбленной Молодой Госпожи — и положение жрецов варварской расы, к тому же, служащее пищей нам, и нашим личинкам? И в чем виновен этот комок плоти? Он пока не проявил непослушания и непонятливости. Ну что, очнулся? Продолжай.

Зверек слабо зашевелился на потемневшем полу. Шло время, Повелитель терпеливо ждал, пока мягкотелый не придет в себя. Наконец, зверек неуверенно присел на полу, и слабо двигая шеей, стал снова всматриваться в манускрипт. И заговорил слабым голосом, переходящим в шепот:

— Дворяне... эти получали в дар от повелителей человеческих ульев некоторое количество крестьян, а взамен обязывались участвовать в войнах в качестве солдат. Но через некоторое время они смогли освободиться от этой обязанности, и лишь вели праздное существование.

— Понятно, — Повелитель неподвижно возлежал на троне, — трутни. Я знаю рабочих — я больше всего узнаю и люблю рабочих из твоего списка. Как бы не были испорчены представители вашей расы, в рабочих должна тлеть малая искра нравственного начала по сравнению с этими... этими вырожденцами, служащими улью за деньги. Думаю, рабочие тоже служат за деньги, но если они этого не будут делать, то умрут с голоду, изгнанные из улья безнравственными управляющими. Все?

— Еще нет.

— Тогда продолжай. Я спокоен.

— Вопрос еще об одном племени, паризиев. Насколько я помню, они ничем не отличались от алеманов, разве что были лицемернее и коварней. Но они изобрели лозунг «свобода, равенство, братство»...

Повелитель с отвращением махнул своей дланью.

— Мне все едино. Очередной бред. Свобода — для кого? Равенство и братство — между кем? Как может быть свободен рабочий? Может ли Ее Величество Молодая Госпожа быть равной солдату? Брат ли трутень, родившийся от неразумной скотины доверенному, вобравшему в себя всю силу расы благородных звездных всадников?

— Вы не одобряете паризиев.

— Нет, они мне безразличны. Что теперь?

— Перечисляются различные страны части большого материка этого мира. Мягкотелье северных стран считали, что Верховный Разум возлюбил имевшего много денег. Южане же полагали, что божество благосклонно любящего правду. И они не полагали, что тот, кто не имеет денег, проклят.

— Последние не так безумны.

— Как вы относитесь к бракам между представителями различных племен?

— С похвалой, потому что свежее семя укрепляет силы новых поколений солдат и рабочих. Для этого — только лишь для этого мы похищаем из чужих ульев личинок. А браки доверенных с правительницами и принцессами мы заключаем пристойно, по правилам хорошего тона Высшей расы.

— А вот это? «Некоторые руководители стран могут общаться с богом, небесными силами, и потому стоять выше любых законов, быть живым олицетворением закона.»

— Тоже — абсурд. Как можно стать выше законов, которые у нас только одни — естественные? Они — наша узда, наложенная на нас самим Хастуром. Никакой управляющий, ни один доверенный, благородные принцессы, даже правительница улья не может стать выше этой узды. И что это за выражение — «общаться с небесными силами, и потому стоять выше любых законов»? Суть нашего общения с богами не в выпрашивании милостей, которые даются достойным и безо всякого нытья. Мы лишь показываем ярким звездам блеск нашей веры, укрепляя свои тела и души перед каждодневными испытаниями. И да, молиться Хастуру рабочим и солдатам незачем. Они должны работать, а солдаты — воевать.

— Снова вопрос о племенах. Тут речь идет о странном племени — ром. Они не жили нигде постоянно, выживая, воровали и обманывали, не имели ни убеждений, ни знаний порядочных...

— Скажи, что речь ведешь о трутнях, испорченных вашей породой. Мне животные безразличны, пока не посягают на улей, или я не проголодаюсь. Но даже тогда надо быть разборчивым по возможности, потому что есть давлению для доверенного — против правил хорошего тона Высшей расы.

— Так... «Ваш взгляд на оккультные науки, мистический опыт, на экстрасенсов и предсказателей.» Одни из них считали, что можно общаться с богами и Верховным Разумом, двигая по доске камешки и дуя на зеркальце, прочие объявляли себя планетами и даже звездами; кружились и прыгали, пытались соединиться с иными сущностями. Были и те, кто предсказывал будущее...

— Тоже — деньги?

— Да, за деньги...

— Нет, это прелестно. — Повелитель устало улыбнулся, слегка раздвинув губы — впервые со вспышки гнева, обратившего в пепел причудливые фигуры на стенах. Будущее невозможно предсказать в точности. Предсказывать его за деньги — наглость даже для вашей расы.

Строка прозы

— Ваше отношение к манускриптам и чтению?

— Весьма нужное, даже необходимое занятие для управляющих. Что же касается низших рас Улья, то читать им незачем, ибо читать они не способны отроду.

— Пара вопросов о племенах напоследок. Тевкры и акайваша. Первые любил разбой на манер алеманов — а вторые имели один из самых больших флотов в мире. Впрочем, это не уберегло их от процентного обмана северных племен, в результате которого они лишились всего. Так плачевно закончилась их долгая история, подарившая мягкотелым самые светлые мысли их расы. Правда, в древние времена акайваша тоже весьма любила разбой...

— Мое отношение к алеманам ты уже знаешь. Что же касается акайваша, то простим их слабость на пороге смерти ради мыслей о высоком в юности. Все?

— Все.

— И каков результат? — Повелитель осведомился, подымаясь с ложа. Пожалуй, пора уже лететь на дневной осмотр верхних владений Ее Величества Молодой Госпожи.

— Так... сейчас закончу... Мягкотелый вздохнул. Согласно этому манускрипту, ваши взгляды полностью противоположны убеждениям Средоточия Зла, вы противник его учения — притом противник активный. Вам при таких правителях было бы нечего терять, и вы не знали бы ничего хуже его обычаев.

— Ну вот, я и знал. Ничего общего с вырожденцем. — Повелитель поднялся во весь свой громадный рост, готовясь проскользнуть в центральный тоннель Улья. Потом он небрежно осведомился:

— Кстати, каков был титул этого мягкотелого? Скажи ясно, я хочу запомнить. Имена меня не интересуют.

— Сказать ясно... да. Фюрер.

Приближалось время обхода доверенных на страже апартаментов Ее Величества Молодой Госпожи. Мягкотелый уже испарился из памяти, которую все сильнее заливали лучи любви к его Вселенной — миру вечной тьмы черных тоннелей Улья, лишь местами прореживаемых блуждающими огоньками на выеденных трупах мягкотелых, из которых давно выбрались личинки новых поколений рабочих. А для солдат и доверенных должны быть более благородные расы, да. Все в этом мире взаимосвязано. Он не съест этого мягкотелого, не сейчас — хотя все эти вопросы уже носят в себе семена возмущения. Несчастный думает, что он обманул его, понял хоть что-то в черной душе фюльгии. Этим утром он постарается проскользнуть к своей норе и нацарапать послание миру грядущих людей — предостережение и поучение для тех, кто когда-нибудь посмеет бросить вызов черным.

Разве можно выйти за пределы своего естества? Зверь уже мертв, как и все его соплеменники. Он мог бы разорвать его в любое мгновение, но законы не нарушены. Пока.

Значит, надо придерживаться правил хорошего тона Высшей расы.

Бабочка

Руслан Паул

Приятный сон резко сменился вялой бодростью. Солнечные лучи запачкали стены без обоев, а живность за окном начала подавать признаки своего успешного существования. Это было раннее сентябрьское утро, одно из тридцати возможных. Но это утро было чуть более отличимым, чем прошлые двадцать девять.

Проснувшись, неизвестный, такой же как все, но ярко отличимый от остальных, бесконечно молодой парень увидел потолок. Белый, с множеством сосочков, будто над головой огромный язык, потолок. На белом потолке ярко сияло черное

пятно, которое трудно разглядеть из-за слепоты утреннего пробуждения. Но, если немного постараться, станет понятно, что это бабочка.

Средних размеров, темная бабочка держалась за сосочек языка, который прячет парня от пугающей и всепоглощающей свободы синего неба, от ветров природы и от редких осадков, которые стучат к каждому через тонкую крышу, ограждающую нас от непрошенных гостей. Немного подумав, парень ничего не придумал, ведь все окна были закрыты, а бабочка здесь, на потолке.

Солнечные лучи начали пачкать хитрый, цветастый ковер, а парень так и продолжал сидеть на кровати, а бабочка продолжала висеть на языке, не сдвигаясь с места.

"Наверное, как-то так люди и встречаются, - подумал парень. - Бабочки посещают квартиры, так же как надежда посещает смертельно больных, или так же, как художника посещает идея. Она тут ненадолго, и нужно успеть её поймать, пока не поздно".

С этими мыслями, парень резко подпрыгнул на кровати, и словил черную бабочку. Раскрыв ладони, насекомое вылетело, сделало маленький пирует, и села мальчику на нос.

Солнечные лучи запачкали всю квартиру. Наступил новый день.

Ноябрь

Маргарита Курникова

Подруге своей - Ирине Антоновой посвящаю.

Вот и явился Ноябрь «груднем.. полужимком.. студнем...» Так называют его в народе.

А я величаю его Мудриком осенним.

Собрали последний урожай, и осиротела земля -матушка наша, обиженно укрывшись дырявым ковром из пожухлых помертвелых листьев.

Утонув в глубокой бездонной тишине, тихо бреду по осеннему раздолью, разрывая паутинки- тенеты, облюбовавшие голые почерневшие ветки.

В этом году много тенетников. Крутятся они, образуя хороводы паучиные. Говорят, это к теплой зиме.

На поникших, от слез дождя, деревьях, горюют одинокие листья, не в силах расстаться с материнским кровом. В сумерках года трепетно хранят они память о тепле и свете летнего солнышка.

Кое-где, на пригорке, белеют снежные заплатки - остатки прежней роскоши ночного мокрого снега. Но, «осенний снежок – не лежок» .В испарине осенней покрасуется мимолетным миражом, и растает, как Снегуркины фантазии.

Знакомый ежик, вечно спешащий и суетливый в летнюю пору, теперь тихо притаился под кустом смородины. С недоумением озирается. Укрыться то негде!.

А тут ворона неожиданно оглушительно каркнула, разорвав величие тишины. Ежик пугливо спрятал свой нос в листву, полагая, что его никто не заметит.

Эх! Дурашка. Клубком надо сворачиваться. Аль позабыл, растерявшись в осенней грусти?

Какие в этом году пышные воробьи! Молодцы! Основательно подготовились к зиме. Жирок нарастили.

Осень щедра. Только ленивый не пользовался ее дарами.

Щекотно в носу от пряного запаха, который витает в воздухе и будоражит воспоминания о веселом озорном лете с неугомонным пением птиц.

Многие из них улетели в дальние страны в поисках своего пернатого счастья.

Остались только самые выносливые и преданные птахи. Да и те затихли и приуныли, принимая неизбежность расставания.

А Зима уже смазывает петли своих величественных резных ворот, чтобы открыть их настежь.

За год проржавели они. Все надо в порядок привести. Подготовиться к вступлению в свои права в полной красе. Порадовать всех живущих своим приходом.

Мудра Природа, даруя нам время раздумий. Ах! Как мудра!

Рыцарь-Дракон

Рыцарь-Дракон

«Ах, с каким обожанием смотрела мне вслед прекрасная леди Джейн!» – Самодовольно улыбался сэр Питер, вновь и вновь переживая свой торжественный выезд из ворот замка сэра Генри Локсли на битву с драконом. Кричали слуги и оруженосцы, махали платочками дамы, салютовала стража.

Рыцарь в очередной раз поднёс к губам изрядно опустевший бурдючок. «А у этого Локсли довольно неплохое вино! – Вынужден был признать сэр Питер. – Где, интересно, он его достаёт в этой глуши? Впрочем, эти земли уже не так дики и пустынные, как ранее», – с удивлением вдруг понял рыцарь, вспоминая выросшие вдоль дороги, как грибы после дождя, таверны и постоялые дворы, в которых он ночевал по пути из Лондона к замку сэра Локсли. Дорога была просто забита обозами купцов и караванами путешественников, но для сэра Питера всегда находилась отдельная комната и обильный ужин, где бы он ни остановился на ночлег. Ещё бы! Ведь он ехал на битву с драконом!

Рыцарь ещё раз изрядно хлебнул из бурдюка, довольно крякнул, заткнул его пробкой и вновь, привычно покачиваясь в седле, погрузился в воспоминания.

Да, у этого захудалого рыцаря, сэра Генри Локсли, не только прекрасное вино, но и отличный повар. Ах, какой обед задал вчера в честь сэра Питера хозяин полуразрушенного замка! Какие блюда подали на стол! Ничего подобного сэру Питеру не приходилось вкушать даже на пирушках в королевском замке.

«И чего это сэр Генри так старался отговорить меня от битвы с драконом? – Капля дёгтя упала в бочку мёда воспоминаний отважного рыцаря. – Зачем хозяин замка громко перечислил более десятка имён знатнейших рыцарей Англии, бесследно сгинувших на Драконьей горе? Почему, наконец, сам сэр Генри Локсли даже не попытался очистить свои владения от кровожадного чудовища? Неужели этот крестоносец, по слухам бывший когда-то одним из оруженосцев короля Ричарда, – просто трус, недостойный звания рыцаря?»

– Мы прибыли на место, сэр! – прервал размышления рыцаря мальчишка-проводник. – Дальше придётся идти пешком: склон горы слишком крут для наших коней.

Сэр Питер громко рыгнул и грузно вылез из седла. Совершенно пустынная тропа тут кончалась, упираясь в густо заросшее деревьями и колючим кустарником подножие довольно высокой горы. Солнце уже почти достигло зенита, было жарко и душно.

– Поторопись, мальчик! – крикнул рыцарь проводнику, облегчаясь от выпитого вина прямо на дорогу. – Нам надо успеть разделаться со зверюгой и вернуться в замок до начала дождя. Мои старые раны с утра пророчат грозу.

Юноша быстро снял с коня доспехи и оружие рыцаря. Глядя, как он ловко и без ошибок обряжает его и крепко затягивает все кожаные ремешки, сэр Питер с удовлетворением подумал, что хозяин замка его не обманул. Собственный оруженосец рыцаря, страх которого перед драконом так и не смогло ослабить выпитое за вче-

рашним обедом вино, с утра сказался больным. Сэр Генри, узнав о возникшем затруднении, немедленно успокоил сыпящего ругательствами рыцаря, заявив, что проводник к логову дракона прекрасно разбирается в рыцарских доспехах и поможет сэру Питеру облачиться в них ничуть не хуже настоящего оруженосца.

- Между нами, сэр Питер, - тихо сказал хозяин замка, отводя рыцаря подальше от толпы провожающих. - Моему слуге Энди пришлось помогать в этом и всем прочим Вашим предшественникам. Зато их трусливым оруженосцам выпал нелёгкий жребий вестников гибели своих господ.

Улыбка хозяина замка не понравилась сэру Питеру, но тут к ним подошла восхитительная леди Джейн...

- Готово, сэр, - вновь вернул рыцаря к действительности голос мальчишки-проводника. - Можно идти.

Рыцарь был уверен, что они ломятся через лес наугад. Он не видел даже малейших признаков какой-либо тропы.

- Стой, малый! - запалённо прохрипел, наконец, сэр Питер, плюхаясь задом на кочку под ближайшем деревом и смахивая со лба жгучий пот, последние минуты совершенно заливший его глаза. - Как ты находишь путь в этой чащобе?

- Ручей, сэр. Он течёт вниз от самой пещеры дракона. Мы идём вдоль его берега.

Энди раздвинул кусты, и рыцарь действительно увидел небольшой, но бурный ручей. Собственное пыхтение и шум в ушах от выпитого по дороге к горе вина, видимо, не давали сэру Питеру услышать журчание текущей рядом воды.

- Смею заметить, сэр, Вы напрасно сели на муравейник, - флегматично жуя травинку, сказал Энди.

Рыцарь с проклятием вскочил на ноги и поспешно вошёл в ручей, чтобы избавиться от облепивших его ноги муравьёв, а заодно и смыть с лица пот.

- Далеко ещё? - спросил он через несколько минут, вылезая на берег.

- Нет, сэр, - ответил Энди, помогая рыцарю снять сапоги и вылить из них воду.

- А как ты умудрился выжить? Почему доблестные рыцари пали в битвах с чудовищем, а ты жив и здоров?

- Очень просто, сэр. Я не участвую в битвах, - ответил Энди, развязывая свой тюк и вываливая на траву его содержимое. - Вот Ваши шлем, щит, меч и рукавицы. Идите вверх по течению ручья и через полсотни шагов выйдете на поляну перед пещерой дракона. А я вернусь к лошадям и буду ждать Вашего возвращения.

- Ах ты, маленький негодяй! - вскипел рыцарь. - Я сам убью тебя, когда вернусь.

- Все так говорят, сэр! - нагло ухмыльнулся Энди ему в лицо и исчез в кустах.

- Вот мерзавец! - яростно хрипел рыцарь, с трудом нагибаясь и поднимая брошенное подлым мальчишкой оружие. - погоди, я доберусь и до тебя, и до твоего двуличного хозяина. Хорошего же помощничка он мне дал!

«Может, вернуться и вызвать сэра Генри на поединок? - подумал сэр Питер. Но тут он вспомнил, как смотрела на него, уходящего на битву с ужасным драконом, леди Джейн, и скрипнул зубами. - Ладно, сначала разберусь с одним чудовищем, а потом, когда вернусь, с другим».

Мальчишка не обманул, и пыхтящий от усталости и злобы рыцарь неожиданно скоро вывалился из кустов на небольшую, не более десяти ярдов в поперечнике, поляну. На другой её стороне сэр Питер увидел уходящую в высь отвесную стену, в которой темнел полукруг пещеры. Блестящим на солнце языком ручей изливался из неё, огибал поляну и исчезал в кустах. А на пне у входа в пещеру сидел сэр Генри Локсли и кидал камешки в ручей.

Строка прозы

- Вот, наконец, и Вы, сэр Питер, - радушно улыбнулся он. – Добро пожаловать в гости к Дракону.

- Сэр Генри? – в недоумении промышчал ошеломлённый рыцарь. – Как Вы здесь очутились?

- Приехал, конечно, - указал на пасущуюся между деревьев лошадь хозяин замка. – Путь через кусты и чащобу – только для драконоборцев!

- Что за дурацкие шутки?! – взревел сэр Питер и рванулся вперёд. Неожиданно земля ушла у него из-под ног, и рыцарь с грохотом рухнул в глубокую яму...

Сэр Питер очнулся от ощущения, что ему на лицо льётся тёплая струя воды. Но на вкус это была вовсе не вода. И не вино. Рыцарь открыл глаза и зарычал от унижения и бессильной ярости.

- Как себя чувствуете, сэр Питер? – возвышаясь на краю ямы-ловушки, спросил сэр Генри, невозмутимо заканчивая справлять нужду.

- Вы – бесчестный негодяй! – отплёвываясь, просипел несчастный рыцарь. – Я Вас вызываю!

- Вы станете семнадцатым рыцарем, убитым непобедимым и ужасным драконом, – спокойно ответил сэр Генри. – Ваш оруженосец вернётся домой и расскажет, как весь вечер я неустанно отговаривал его бесстрашного господина от битвы с чудовищем. Нет, сэр Питер, я не приму Ваш вызов. Какой смысл биться с мертвецом? Ведь Вы умерли в тот момент, как только решили убить дракона. Окончательно же Вы станете трупом здесь, в этой яме, как и все Ваши предшественники.

- Зачем Вам всё это, сэр Генри? – тихо спросил несчастный рыцарь.

- Мечь и деньги, – прозвучал неожиданный ответ.

- Деньги! – презрительно процедил рыцарь. – Вы хотите потребовать за меня выкуп?

- Мне надо восстанавливать мой замок, – вздохнул сэр Генри. – Вы же сами видели, в каком он состоянии. А строительство – весьма дорогое дело, сэр Питер. Весьма! Разрушать гораздо легче и прибыльней – ведь можно пожить за счёт бывшего хозяина! Вам ли этого не знать, сэр.

- Я не понимаю, о чём Вы, - надменно ответил рыцарь. – Какую сумму Вы намерены потребовать с моих близких, сэр?

- О, на сей счёт можете не волноваться, сэр Питер. Они не пойдут по миру с протянутой рукой. Вы помните еврея Ротшильда?

- Вы говорите о лондонском ростовщике Исааке?

- Разумеется! У меня с ним взаимовыгодное партнёрство. Как только Вы, сэр, объявили всем, что отправляетесь в мои владения на битву с драконом, Исаак немедленно начал наводить справки о вашем состоянии. Уверяю Вас, сэр Питер, в данный момент еврей знает о том, сколько у Вас денег и имущества лучше и полнее, чем Вы сами. Он составит столько Ваших долговых расписок, сколько нужно, чтобы как можно сильнее обобрать вашу семью, но в то же время оставить её на плаву. Мы не хотим, чтобы люди заметили разорение всех героев, погибших в битвах с ужасным драконом. Еврей оставляет себе половину полученного, но и всеми силами борется за то, чтобы выжать из должников, как можно больше, так что я не в претензии на его жадность.

- Я никогда не подпишу ваши фальшивые расписки, сэр мошенник!

- Я сам подпишу их. Вы, ведь, неграмотны, сэр Питер, – засмеялся Локсли. – Как и большинство рыцарей. И используете вместо подписи перстень-печатку. Вот этот. Мой слуга Энди выкрал его, когда обряжал Вас в доспехи.

- Вы, сэр Дракон, не только подлый убийца и грязный мошенник, но и вор! – затрясся в бессильной злобе рыцарь. - Моя жена не даст вам ни фартинга!

- Уверяю, Вас, сэр Питер, когда придёт весть о Вашей гибели, она отдаст всё, лишь бы не запятнать светлую память мужа-героя денежным скандалом с евреем.

Менестрели будут слагать о Вас песни, прекрасные дамы, слушая их, одним своим восхищением Вашим подвигом подвигнут своих кавалеров на приезд в мои владения, чтобы сразиться с драконом во славу своих любимых. И я встречу их. У меня большие расходы, сэр. Кроме восстановления замка, мне нужно платить своим людям. Я постепенно пристраиваю их к делу: надеюсь, Вам понравились те таверны и постоянные дворы, в которых Вы останавливались по пути сюда? Все они куплены или построены на деньги Ваших предшественников и принадлежат мне. А как Вам понравилась оружейная лавка Грина, та, что не далеко от Тауэра? Видимо, в ней Вы, сэр Питер, если глаза меня не подводят, приобрели этот панцирь, что сейчас на Вас. Лавка оружейника тоже моя, а панцирь ранее принадлежал одному из драконоборцев. Вскоре он вновь вернётся в лавку Грина и будет ожидать нового покупателя. А Вашему прекрасному боевому коню уже со вчерашнего вечера приготовлено место в одной из конюшен моего замка.

Локсли несколько мгновений помолчал, задумчиво глядя сверху на угрюмого рыцаря, сидящего в углу ямы в вонючей луже.

- Меня печалит, сэр Питер, что Вы не обратили никакого внимания на основную причину нахождения Вас в этой яме. Деньги мне, конечно, очень нужны, но в первую очередь, сэр, я назвал не их, а месть.

- Месть? – удивился пленник. – Разве я Вас чем-то оскорбил?

- Вы, сэр Питер, состоите в свите принца Джона?

- Да. Ну и что?

- А я десять лет назад ушёл с королём Ричардом Львиное Сердце в Палестину освобождать от неверных гроб Господень. Высокая цель! Вы не находите, сэр Питер?

- Да, высокая. Но причём здесь я?

- Два года назад я вернулся на родину. И какая, как Вы думаете, награда меня ждала? Я узнал, что рыцари, входящие в свиту принца Джона, разрушили и разграбили мой замок! Мои мать и отец убиты, а малолетнюю сестру захватчики насильно несколько суток, пока она не умерла. Вы не могли этого не знать, сэр Питер, ведь при дворе принца Джона принято хвастать подобными «подвигами». И после этого Вы имеете наглость спрашивать, за что я мщу!

- Я не был в числе разграбивших Ваш замок, сэр Генри, - торопливо зачастил сэр Питер. – Я не враг Вам!

- Я тоже не был врагом тем негодьям. Я даже не был с ними знаком. Вся моя вина состоит в том, что я служу королю Ричарду, а не принцу Джону. Это вы, сэр, рыцари принца Джона, объявили мне войну, и я воюю с вами, как умею и могу. Радуйтесь тому, сэр Питер, что в отличие от моих родителей и сестры, вы в глазах близких и окружающих погибаете героями, бросившими вызов ужасному дракону. По крайней мере, так будут считать до тех пор, пока не вернётся на трон король Ричард. Я расскажу ему всё, а уж он решит, надо ли открыть людям правду о драконе и его жертвах.

Неожиданно страшный рёв раздался над горой и поднял в воздух тучи птиц.

- Что это? – содрогнулся в яме сэр Питер.

- Это ревёт дракон, – ухмыльнулся сэр Генри. – Его рев возвестил всей округе и гостям моего замка, что Вы, сэр Питер, вступили в бой с чудовищем.

- Каккой дракон? – заикаясь, выдавил рыцарь.

- Не могу же я ограничиваться одними слухами, сэр! Чудовище должно регулярно подавать явные признаки своего нахождения на этой горе. К тому же, рев дракона отваживает от горы любопытных бездельников и случайных прохожих. А на самом деле, так уж и быть, открою Вам секрет, это просто звук огромной волынки, искажённый и усиленный пещерой. Но хватит досужих разговоров. Бой начался. Приготовьтесь к смерти, сэр рыцарь.

- Меня не так-то легко убить, сэр Дракон! – закричал вновь обрётший мужество сэр Питер, сжимая обеими руками свой меч.

Строка прозы

- Вы, сэры рыцарь, не умрёте как честный воин, - спокойно ответил сэры Генри. – Тот ручей, что привёл Вас сюда, отгорожен от этой ямы специальной заслонкой. Мой слуга Ахмед, пожелавший оставить свою родную Палестину и остаться со мной до конца дней своих, сейчас поднимет заслонку и пустит воды ручья в яму. Вы утонете, как крыса в ведре, точно так же, как и все Ваши предшественники из свиты принца Джона.

- Вы будете гореть в аду, Локсли! – прорыдал сэры Питер, роняя меч.

- Возможно, - печально ответил сэры Генри. – Но не из-за вас. На моих руках не будет вашей крови, подлые прихлебатели принца- негодяя, хоть это и не имеет особого значения. Перед отправкой в крестовый поход наш святейший Папа заранее отпустил всем его участникам, и мне в том числе, все прошлые и даже будущие грехи. И всё же Вы умрёте не от моей руки. Я спас Ахмеду жизнь в Палестине. Потом он дважды спас меня от смерти. И поэтому, когда Ахмед попросил у меня привилегию на поднятие заслонки, я не смог ему отказать. Убийство христиан приближает его к мусульманскому раю. Ахмед живёт в пещере и убивает всех, кто осмелится подняться на Драконью гору. Это тоже способствует всеобщему убеждению, что дракон действительно живёт на этой горе, и сейчас уже никто из окрестных жителей не рискует приближаться к ней. Что ж, сэры Питер, приятно было побеседовать с Вами, но меня ждут в замке более насущные дела...

- Подождите, сэры Генри! – закричал рыцарь, лихорадочно пытаясь избавиться от тяжёлых доспехов, но его голос заглушил победный «рёв дракона», и поток ледяной воды обрушился на голову сэра Питера...

Посмертный раб

Сергей Калабухин

— День зарплаты — радостный день! — напевал штатный критик журнала «ФАСТ» Ричард Кайманов на мотив некогда популярного советского шлягера, сунув кредитную карточку в приёмную щель банкомата. — В миг исчезнет забот моих тень. Эй! Эй! Эй, гони деньги скорей!

Спрятав купюры и карточку в портмоне, довольный Кайманов обернулся и застыл. Перед ним стоял, держа в дрожащей руке пистолет, известный писатель-фантаст Роман Щербатый. Глаза этого немолодого пузатенького мужичка, одетого в старенький джинсовый костюм, испугали Кайманова смесью горящего в них безумия и страха.

— Это тебе за моего «Изгнанника»! — вдруг громко взвизгнул Щербатый и выстрелил в стоящего перед ним в растерянности Кайманова.

Первая пуля насквозь прошила левую руку критика, и портмоне, пухлое от банкнот, плюхнулось в грязную лужу, оставшуюся на асфальте тротуара после недавнего дождя. Вторая пуля застряла в бедре правой ноги. Третья пронзила острой болью живот. Кайманов согнулся и упал. Вокруг в ужасе вопили и разбежались прохожие. Роман Щербатый продолжал стрелять в корчащегося у его ног Ричарда Кайманова. Из дверей банка выбежали, что-то крича, вооружённые короткоствольными автоматами охранники, и последнее, что увидел умирающий критик, это фонтанчики крови, вдруг забившие из груди спятившего графомана, и всполохи проблескового маячка невесты откуда взявшейся машины «Скорой помощи». Потом убийца тяжело рухнул на тело своей жертвы. Дюжие санитары быстро погрузили трупы в машину, и «Скорая помощь», завывая сиреной, скрылась в потоке машин...

Откровение первое

Ослепительно яркий свет больно ударил по глазам. Кайманов рефлекторно

попытался поплотнее зажмурить веки и отвернуться, но у него ничего не получилось. Тогда он вскинул руку, чтобы прикрыть глаза ладонью, но свет продолжал резать зрачки с прежней силой.

— Уберите свет! — крикнул Ричард, и чей-то чужой голос оглушительно повторил его просьбу.

— Спокойно, Кайманов, — проревел в ответ другой голос. — Сейчас всё будет в норме.

Свет исчез, а потом стал плавно нарастать. Перед взором Ричарда постепенно, как фотография в ванночке проявителя, обретало краски и резкость лицо незнакомого мужчины.

— Ну вот, — блеснули в улыбке отменно белые и ровные зубы. — Теперь ты нормально меня видишь?

Незнакомец был лет сорока, с большими залысинами в кудрявой рыжей шевелюре, гитлеровской кляксой усиков под внушительным эйнштейновским носом и девичье голубыми глазами, опущёнными длинными ресницами.

— Да, — ответил Кайманов и вновь услышал вместо собственного голоса чей-то оглушительный рёв. — Почему вы все так орёте?

— Секундочку, — незнакомец что-то сделал за пределами поля зрения Кайманова. Тот попытался повернуть голову или скосить глаза, чтобы немного осмотреться, но вновь ничего не получилось. Он мог смотреть только прямо.

— Раз, два, три, четыре... — начал считать незнакомец, и с каждой новой произнесённой цифрой его голос становился тише, пока не достиг нормальной громкости. — Ну вот, кажется, теперь и со слухом у тебя всё в порядке. Попробуй, скажи что-нибудь сам.

— Почему вы мне тычете? Где я? — услышал Кайманов свой вопрос, произнесённый чужим голосом. — Что происходит? Кто вы такой? Что у меня с голосом?

— Ну, вот и ладушки, — вновь улыбнулся незнакомец. — Теперь мы можем нормально общаться. Как ты себя чувствуешь?

— У меня ничего не болит, если вы об этом, — раздражённо ответил Кайманов. — Но я совершенно не контролирую своё тело. Не могу не то что рукой пошевелить, но даже просто моргнуть! Меня что, парализовало? Пуля того маньяка попала в позвоночник? Я теперь — калека?

— Нет, господин критик, — почему-то злорадно, как показалось Кайманову, усмехнулся рыжий. — Ты не калека, а уже неделю как мертвец, и твой труп в закрытом гробу вчера был предан кремации, а урна с прахом передана безутешной вдове.

— Что за бред вы несёте? — заорал Ричард. — Какой труп? Какая кремация? Да кто вы такой, наконец? Позовите главного врача!

— Спокойно, Кайманов, не надо так кричать, — продолжал усмехаться рыжий. — Главный для тебя здесь я. Можешь называть меня Эйнштейном. Настоящее моё имя тебе знать ни к чему. Хочешь, я введу успокоительное или снотворное? Спешить нам с тобой некуда, успеем ещё наговориться.

— Нет, — процедил Кайманов в ярости. — Не надо меня успокаивать. Почему вы упорно не отвечаете на мои вопросы?

— Потому что не успеваю, — развёл руками рыжий. — Больно много их. Но на основные я уже ответил: ты официально умер и похоронен. Что ещё ты хотел знать? Ах, да: это — не больница, а частный научно-производственный центр. Медицинский персонал здесь есть, но я не из его числа. Я вовсе не медик, а, как бы сказать, чтоб ты лучше понял... Ближе всего к истине будет слово «бионик». Знаешь, что это такое?

— Нет.

— Проще говоря, бионика — это попытки человека перенести достижения природы-матушки в технические устройства. В качестве примера могу привести всем известную замену пуговиц на одежде сначала «молниями», а сейчас так называемы-

Строка прозы

ми «липучками».

— И что же изобретаете вы, господин Эйнштейн?

— Ничего. Я — учёный, а не изобретатель, и занимаюсь нейробионикой. А если более конкретно и доступно для таких гуманитариев, как ты — пытаюсь создать электронную копию личности человека с помощью компьютера. Завтра вот начнём копировать тебя.

— Да вы не Эйнштейн, а скорее Франкенштейн! — язвительно хмыкнул Кайманов. — Что же вы тут будете копировать, если я, по вашим словам, уже давно труп, сожжён и похоронен? Или вы каким-то образом успели сделать свою работу, и с вами сейчас говорю не я, а искусственный интеллект? И каким же будет следующий ваш шаг? Превратите меня в послушного робота?

— Искусственный интеллект — это миф, — в свою очередь ухмыльнулся рыжий. — Любая программа всегда останется только программой, то есть — набором стандартных команд и логических функций. А человек, да что там человек — простая кошка может в одной и той же ситуации поступать по-разному. Это у нас, живых существ, интеллект, а в роботе — всего лишь программа. Робот не думает: он действует, у него отсутствует свобода воли. Ты, Кайманов, мыслишь литературными штампами. Работа у тебя такая, критик ты наш!

Рыжий гнусно захихикал.

— Хитроумные роботы-убийцы, — продолжил он. — Всевозможные человекоподобные терминаторы, роботы-полицейские, киборги, детективы и даже няньки наводнили фантастические романы и фильмы. В жизни человекоподобный робот никому не нужен. Очень неудобная форма. Скорее уж, это будет нечто, похожее на луноход, с набором сменных манипуляторов.

— Вы не ответили, — резко прервал снисходительные разглагольствования рыжего незнакомца Кайманов. — И перестаньте мне тыкать! Я с вами на брудершafft не пил. Чтò со мной, и кого вы похоронили вместо меня, если это правда?

— Вместо тебя? — неподдельно удивился рыжий. — Ах, да, понимаю. Что ж, не будем больше отодвигать момент истины. Надеюсь, профессиональный критик в области отечественной фантастики читал роман Александра Беляева «Голова профессора Доуэля»? Ну, или хотя бы смотрел снятый по нему ещё в советские времена фильм?

— Что вы хотите сказать? — в ужасе прохрипел Кайманов. — Вы отрезали мне голову и проводите на ней свои дурацкие эксперименты?

— Мы могли бы это сделать, — вздохнул рыжий, — но к чему лишние заботы? Мозг — вот всё, что нам нужно.

Он протянул руку, и перед взором Кайманова промелькнула размытая картина разноцветных полос. Когда он смог вновь сфокусировать свой взгляд, то увидел стеклянный куб, стоящий на широком пластиковом столе. Внутри этого куба, заполненного прозрачной жидкостью, лежал человеческий мозг, покрытый золотой сеткой электродов и датчиков. Рядом со столом мерцали мониторы каких-то медицинских приборов, на экранах которых бежали гребёнки сигналов. Аппарат искусственного кровообращения гнал по прозрачным трубкам в мозг алую жидкость.

— Вот всё, что от тебя осталось, — услышал Кайманов голос рыжего. — Глаза тебе заменяет видекамера, вместо ушей — микрофон, говорит за тебя компьютерная программа. Сам компьютер находится в соседнем помещении, он занимает несколько больших шкафов. Там специальная система охлаждения, поддерживающая определённую температуру воздуха. Мы называем его «Суперкомп». Но это для тебя уже совершенно лишние и неинтересные подробности. Ну вот, теперь ты знаешь правду и понимаешь, что обращаться на «вы» к тому, что лежит в той ячейке, просто глупо.

Перед взором потрясённого Кайманова вновь возникла разноцветная пелена, сменившаяся самодовольным лицом рыжего Франкенштейна.

— Ну что, продолжим разговор, или дать тебе время пораскинуть мозгами? —

хихикнул тот над своей шуткой. — Может, отключить тебя пока?

— Нет, не надо, — Кайманов был в ужасе от увиденного, но перспектива «отключения» страшила его ещё больше. Он хотел знать, что его ждёт в дальнейшем. — Так чего же вы здесь изобретаете? Киборгов, что ли? Для этого вам нужен мой мозг?

— Киборги — это тоже из области фантастики, — вздохнул рыжий. — Если, конечно, имеется в виду металлический болван с человеческим мозгом внутри. Живой мозг нужно питать, беречь от холода, жары и сильных вибраций. А ещё нужна довольно сложная система поддержания равновесия и управления конечностями. Словом, возникает куча никому не нужных проблем. И ради чего?

Это в кино от робота-полицейского отскакивают пули. Нынешнее оружие легко разнесёт его железную башку вместе с мозгами. Если же говорить о киборгах в широком смысле этого слова, то они давно существуют. Мы без особых проблем могли бы запихнуть твой мозг в какой-нибудь полностью автоматизированный танк, самолёт или космический корабль. Если бы, конечно, ты умел всем этим управлять. Я вполне допускаю и даже уверен, что в каком-нибудь из отделов нашего Центра делают нечто подобное. Например, наше здание нашпиговано видеокамерами, однако я точно знаю, что с недавних пор в помещении, где установлены мониторы охраны, никто не дежурит. Понимаешь, о чём я? Ведь включить сигнал тревоги можно, и не имея рук. Ты же вот видишь без глаз и слышишь без ушей.

— Не может быть! — возмутился Кайманов. — Кто же пойдёт на такое? Зачем?

— Пойдут хозяева всевозможных охраняемых объектов, — невозмутимо ответил рыжий. — Зарплату таким киборгам-сторожам платить не надо, форма не нужна, никаких забастовок и прочей фигни. И никаких пенсий по инвалидности или старости. К тому же исчезает человеческий фактор. Люди устают, теряют бдительность, болтают между собой, ходят в туалет, едят, словом — постоянно отвлекаются от работы. Они ненадёжны. А вот такие, как ты, Кайманов, могут смотреть только туда, куда направлена видеокамера. Лучших охранников и искать не надо!

— Какой же дурак согласится на подобное рабство? — фыркнул Кайманов. — Как вы, например, меня можете заставить работать на вас? Перекроете кислород? Или посадите на голодную диету?

— Я мог бы тебя немного попытать, — задумчиво ответил рыжий. — И мне для этого вовсе не нужно ломать тебе кости или гладить раскалённым утюгом. Мне прекрасно известно, где в человеческом мозгу расположены соответствующие центры. Я могу легко погрузить тебя в пучину невыносимой боли. Но зачем? Я вовсе не садист. Уже давно существуют препараты, подавляющие волю, и соответствующие методы гипноза. Ты что же, Кайманов, всерьёз думаешь, что Роман Щербатый, тихоня и трус, пописывающий в тиши кабинета романы о крутых попаданцах в прошлое, вдруг люто на тебя озлобился за критику его последнего «шедевра», неведомо где раздобыл пистолет и пошёл убивать среди бела дня на глазах у прохожих и вооружённых охранников банка?

— Что вы хотите сказать?

— Да, именно то, что ты подумал, — довольно осклабился рыжий. — Его просто зомбировали, вложили в руку оружие и отправили к тебе. Мне понадобились ваши головы. Вернее, мозги. Расходный материал всегда в дефиците, требуется пополнение запасов. Методика переноса человеческого сознания в память компьютера пока не отработана, приходится часто заменять биологический образец. А ты думал, машина «Скорой помощи» случайно проезжала мимо банка именно тогда, когда в тебя стрелял «спятивший писатель»?

— Он же мог меня убить!

— Он и убил, — кивнул рыжий. — Но стрелять в голову ему было категорически запрещено. Твой мозг не должен был пострадать, впрочем, как и его. Банк-то

принадлежит нашему Центру, и охранники накануне прошли соответствующий инструктаж.

— Но почему вам понадобился именно я? — с тоской вымолвил потрясённый Кайманов. — Неужели мало бомжей, алкоголиков и наркоманов?

— Мне для опытов нужен здоровый образец, — спокойно ответил рыжий. — К тому же, я тоже пишу на досуге фантастические романы. Недавно, после одной из твоих критических статей в журнале, издательство отказалось печатать мой последний роман и заключило контракт с Романом Щербатым. Так что я решил одним выстрелом убить двух зайцев.

— Месть! — понимающе прорычал Кайманов. — Значит, всё это из-за того, что я раскритиковал ваши тексты?

— Вряд ли это можно назвать критикой, — злобно встрепенулся рыжий. — У нас в России сейчас вообще отсутствует критика как таковая. Издательствам нужно, чтобы вы хвалили их продукцию и ругали конкурентов. Они платят за это вашему журналу, и вы старательно отрабатываете их деньги. Вы, Кайманов, так называемые профессиональные критики, теперь ничем не отличаетесь от обычных рекламных агентов.

— Утешайтесь этой стандартной отмазкой графоманов и неудачников, — язвительно прошипел Кайманов. — Под каким именем вы публикуете свои книги?

— Я же сказал: моё имя тебе знать ни к чему.

— Понятно, — удовлетворённо хихикнул Кайманов. — Все вы — герои, но только тогда, когда спрячетесь под маской анонима или псевдонимом. А в реале и под собственным именем быстро сдувается.

— А вы — просто литературные проститутки! — раздражённо взмахнул рукой рыжий. — Не будем спорить: сейчас всё это совершенно не важно. Главное то, что отныне ты будешь работать только на меня. Для опытов по основному проекту у нас пока есть мозг Щербатого. Романы я и сам писать умею, так что этот графоман пусть послужит науке. А вот у тебя начинается новая жизнь после смерти. Рабская, как ты правильно недавно заметил. Будешь вкалывать без перекуров и перерывов на обед.

— Каким это образом? — поразился Кайманов. — Я — филолог, управлять самолётом не умею, и охранник из меня никакой.

— Не волнуйся, ты и в дальнейшем будешь писать критические статьи, а деньги за них буду теперь получать я. Зарплата у меня по нынешним временам хорошая, но денег, как известно, никогда не бывает достаточно. К тому же, ты должен возместить мне потерянный по твоей вине гонорар за отвергнутый издательством роман. Я буду снабжать тебя текстами и указывать, какие из них нужно хвалить, а какие необходимо разнести в пух и прах.

— Не смешите меня! — взвизгнул Кайманов. — Вы сами сказали, что для всех я мёртв и похоронен.

— Не ожидал, что ты столь наивен, — удивился рыжий. — Тебе ли не знать, что мы живём в эпоху так называемых «литературных проектов», в которых под одним раскрученным именем публикуются тексты совершенно разных авторов, а то и вообще никому не известных «литературных негров»? Объявлений о твоей смерти ни в прессе, ни в Интернете не было. Ты ж не какой-нибудь знаменитый артист или поп-звезда! Хозяину журнала «ФАСТ» совершенно наплевать, кто в действительности пишет от твоего имени критические статьи, если они соответствуют определённому уровню и заданной направленности. Я уже провёл с ним на эту тему переговоры. Контракт находится в стадии подписания.

— А на кой чёрт мне горбатиться на вас? — спросил Кайманов. — Убивать или мучить меня вам невыгодно. Под воздействием препаратов или гипноза я вряд ли напишу статью: для творчества требуется ясный ум и свобода мысли. Это вам не на курок жать.

— Жмут, Кайманов, не на курок, а на спусковой крючок, — презрительно процедил рыжий. — Убивать тебя я, конечно, не буду. Тут ты прав. Да это и не потребуются. Ты сам скоро, как наркоман, будешь готов на всё ради дозы.

— Какой ещё дозы? — испугался Кайманов.

— Когда только начинали изучать мозг, то проводили опыты на мышках, крысах, кроликах и прочих животных. Так вот, однажды крысе вживили электроды в центр удовольствия и посадили в клетку с двумя кнопками. Когда крыса нажимала на одну кнопку, то тут же получала пищу, а когда на другую — электроимпульс на вживлённые в её мозг электроды. Вскоре эта крыса умерла от голода, так как всё время нажимала на вторую кнопку, предпочтя пище непрерывный экстаз. В твоём случае, Кайманов, кнопками управляю я и могу без особого труда причинить тебе невыносимую боль или подарить небывалое наслаждение. Выбор за тобой. Так что, добровольно или нет, но ты будешь на меня работать. И потом, Кайманов, подумай: неужели тебе самому не хочется продолжить занятие любимой работой? Ты действительно предпочтёшь целыми днями бессмысленно пялиться в одну точку? Или я могу вообще отключить видеокамеру с микрофоном. Хочешь побыть слепоглухонемым?

— Я подумаю, — с горечью прошептал Кайманов.

— Уверен, мы с тобой поладим, — победно усмехнулся рыжий. — Думай, у тебя целая ночь впереди. Ох, и заболтался же я с тобой. Рабочий день давно закончился, и все ушли по домам. Я отключу тебя пока от периферийных устройств — у нас тут, знаешь ли, не принято общаться с подопытным материалом. Это я только для тебя сделал исключение. Вон, на соседнем столе стоит ячейка с мозгом Щербатого. У того нет и не будет ни видеокамер, ни микрофонов, ни собеседников. Так что цени, Кайманов, мою доброту! Утром тобой займутся мои сотрудники, не пугайся. Они просто подключат тебя к Суперкомпью и начнут копировать в него твою память. Судя по приборам, это не больно. А после работы, когда все разойдутся по домам, я к тебе приду, вновь подключу периферию, и ты мне скажешь своё решение.

Пальцы Франкенштейна забегали по клавиатуре, и внешний мир для Кайманова исчез.

Откровение второе

Со следующего утра жизнь Кайманова превратилась в беспросветную каторгу, в которой его мозг циклически ввергался в три состояния. Когда в Центре начинался рабочий день, Кайманова после обязательной проверки медицинских показаний состояния мозга подключали к суперкомпьютеру, и начинался тошнотворный процесс копирования его памяти. Почти девять часов Кайманов находился в состоянии непреодолимого похмелья: его просто выворачивало наизнанку. Будь у него тело, он наверняка как следует проблевался бы или принял какое-нибудь средство от тошноты. В конце концов, хлебнул бы рассолу или выпил баночку пивка. Но тела не было, а химические препараты в данном случае, по словам рыжего эскулапа, были бесполезны, и бедному Кайманову оставалось только покорно ждать окончания процесса.

Когда рабочий день заканчивался и сотрудники лаборатории уходили домой, у Кайманова начиналась вторая смена. Он работал на рыжего Франкенштейна: писал критические статьи для журналов. Причём, судя по их количеству и номенклатуре разбираемых романов, рыжий заключил контракты не только с журналом «ФАСТ», но и с несколькими другими изданиями. Сосал, как говорится, сразу несколько маток.

Шесть предутренних часов Кайманов спал — Франкенштейн прекрасно знал, что живому организму требуется отдых. Специальная программа отключала от мозга Кайманова периферийные устройства, с помощью которых тот читал чужие книги и писал свои статьи, и вводила в кровь лёгкое снотворное.

Суперкомпьютер не входил в местную локальную сеть Центра во избежание утечек информации и хакерских атак. Поэтому для своего личного бизнеса рыжему

Строка прозы

пришлось использовать медицинский компьютер, к которому были подключены приборы и устройства, обеспечивающие жизнедеятельность мозга Кайманова. Этот компьютер имел стандартный usb-вход, через который рыжий и производил обмен текстов с помощью обычной флэшки. Кайманов довольно быстро научился работать в текстовом редакторе при помощи виртуальной клавиатуры.

Франкенштейн любил поболтать с Каймановым после рабочего дня, когда их никто не видел и не слышал. Однажды он пришёл позже обычного. Кайманов не мог чувствовать запахи, но по внешнему виду рыжего сразу понял, что тот явно навеселе.

— Что отмечали? — осторожно спросил он.

— Покорение Марса! — весело рявкнул Франкенштейн. — Что это ещё за вопросы?

— Ну, мне же интересно, какие у вас тут успехи, — примирительно ответил Кайманов. — Всё-таки, от них зависит и моя судьба. А я так и не понял, чем же на самом деле занимается ваш Центр? Зачем копировать память людей в компьютер?

— Ты, Кайманов, действительно такой тупой или притворяешься? — хмыкнул рыжий. — Где твоя фантазия? Ты ж всю жизнь фантастикой занимаешься!

— Я хочу знать реальное положение вещей, а не фантазировать на тему киборгов, — обиженно огрызнулся Кайманов.

— Какие, к чёрту, киборги! — захохотал Франкенштейн. — Ты думаешь, наш Центр единственный? Да таких центров по всему миру разбросано, знаешь, сколько?

— Сколько? — недоверчиво спросил Кайманов.

— Никто точно не знает, — понизил голос рыжий. — Наш Центр — только малая частичка огромного международного Консорциума. Тут миллиарды долларов крутятся, а ты всё про каких-то идиотских киборгов думаешь. В Центрах, разбросанных по всему миру, учёные бьются не только над проблемой переноса человеческого разума на электронный носитель — одновременно проводятся и обратные опыты. Знаешь, Кайманов, кто является основным заказчиком и спонсором Консорциума? Миллиардеры!

— Не понимаю, — искренне признался Кайманов. — Им-то это зачем?

— Всё очень просто, — насмешливо посмотрел на него рыжий. — Никто не хочет умирать. Денежные мешки мечтают жить вечно, меняя отягощённые старостью и болезнями тела на новые, молодые и здоровые. Лежать в глубокой заморозке и ждать, когда медицина научится лечить их болезни и омолаживать организмы, миллиардерам не хочется. Никто же не может гарантировать, что они благополучно оживут при разморозке: эта задача возлагается на плечи науки и медицины неопределённого будущего. То есть, денежные мешки, согласившиеся когда-то на заморозку, уплатили огромные деньги за химеру, пустые, ничем не подкреплённые обещания. Поэтому нынешним миллиардерам копирование личности в память компьютера представляется более практичной и достижимой задачей. К тому же, оно не требует выпадения из жизни на неопределённый срок.

Миллиардеры, Кайманов, хотят жить, а не «спать» в анабиозе, и Консорциум смог воспользоваться мечтами и чаяниями денежных мешков. Он переманивает в свой штат лучших специалистов со всего мира. Успехи уже впечатляют. Ты знаешь, Кайманов, что на одном из островов в Тихом океане, принадлежащем Консорциуму, живут и руководят своими империями более десятка миллиардеров? Вернее, живут их мозги, ожидая переноса сознания в новые тела. Точно так же, как ты сейчас живёшь. Только тебе новое тело не светит.

— Это-то я понимаю, — ответил Кайманов, с трудом переваривая откровения Франкенштейна. — Новое тело мне никто не даст. И что же вы сегодня празднуете? Неужели у вас получилось?

— Корпоратив у нас был, — кисло ответил Франкенштейн. — У директора сегодня юбилей.

— А я думал...

— А ты не думай! — пьяно взревел рыжий. — Хватит болтать: работать пора. Я принёс тебе ещё парочку романов. Оба нужно похвалить. Читай и готовь статьи. А про всё, о чём мы тут с тобой говорили, забудь. Это не для твоих мозгов. Сам не забудешь — с помощью Суперкомпа сотру.

Откровение третье

На следующее утро ни Кайманов, ни Франкенштейн не вспоминали о беседе накануне. Кайманова, как обычно, подключили к Суперкомпю, после работы рыжий скопировал на флэшку готовые статьи и ушёл, не сказав ни слова. В заданное время Кайманов уснул.

И так сутки за сутками. Привыкнуть к тошноте Кайманов не мог, но его мозг сам искал выход из неприятного состояния, и вскоре Кайманов заметил, что ему становится легче, если он как бы «перетекает» вместе с информацией в ячейки памяти суперкомпьютера. Тошнота ослабевала, так как мозг «отключал» живую память, используя соответствующую информацию, уже записанную в электронную память Суперкомпа. Чем больше памяти Кайманова копировалось, тем легче ему становилось убежать от тошноты.

И вскоре настал момент, когда Кайманову стало банально скучно бездельничать почти девять дневных часов, и он «огляделся» вокруг. Каким-то странным «зрением» увидел, что «парит» в чёрной бездне, а вокруг него мерцают всеми оттенками жёлтого огромные бесформенные «массивы». Его память мгновенно привлекла на помощь аналогию бесконечного космоса и сверкающих звёздных скоплений. Кайманов «потянулся» к ближайшей «галактике» и «погрузился» в неё.

Массив оказался памятью Романа Щербатого! Оставаясь собой, Кайманов отчётливо «вспомнил», как он пишет «свой» последний роман о бравом капитане спецназа ВДВ России, сознание которого во время ранения в голову каким-то чудом перенеслось в тело матёрого зэка, добровольно сменившего лагерь на штрафную роту, которую вот-вот должны были кинуть на штурм какой-то безымянной высотки, чтобы отбить её у засевших там немцев.

Поражённый, Кайманов немедленно «вынырнул» из массива. Чутьочку «отдышавшись» и придя в себя от удивления, он вновь осторожно «окунулся» в память Романа Щербатого. Кайманов не знал, сколько «блуждал» по ней, но контакт внезапно прервался — рабочий день в Центре закончился, и мозг Кайманова отключили от суперкомпьютера. А вскоре появился и Франкенштейн.

То, что рыжий опять пришёл «под мухой», Кайманов понял сразу, хотя тот, в отличие от прошлого раза, был хмур и зол.

— У вас опять корпоратив? — осторожно спросил Кайманов. — Эксперимент, наконец, удался?

— Если бы! — рыжий вынул из кармана халата плоскую бутылочку, отвинтил крышку и хлебнул прямо из горлышка. — Мы научились копировать память человека в компьютер, но вот личность вместе с памятью почему-то перенести не удаётся. Умеем записывать чужую память из компьютера в живой мозг. Однако личность первоначального владельца при этом не меняется: она просто получает новые знания, что-то сразу усваивая, а что-то блокируя и отсеивая как опасное или ненужное. Бьёмся, бьёмся, а воз и ныне там! Радует только то, что и на эти работы нашлись заказчики, да ещё какие! Мы теперь любые мозги можем на опыты брать, никто нам не мешает.

— Это кто ж такие? — любопытствовал Кайманов, стараясь выудить у подвыпившего Франкенштейна как можно больше информации.

— Что, и тут тебе фантазии не хватает? — пьяно ухмыльнулся рыжий. — Конечно же, армия и некие анонимные организации. Первым нужны опытные и исполнительные солдаты, которых не надо обучать несколько месяцев, а то и лет, вторым — лишённые инстинкта самосохранения живые роботы, готовые выполнить любой

Строка прозы

приказ. Всего несколько часов в контакте с Суперкомпом — и готов любой нужный заказчику специалист.

Теперь Кайманов понял, что имел в виду рыжий Франкенштейн, когда говорил, что может усадить его в кресло охранника или за пульт управления самолётом. Его привела в ужас судьба многих и многих несчастных, чей мозг использовали и используют для жутких экспериментов по стиранию «ненужных» знаний и навыков и замене их «нужными».

— Но ведь это — ужасно! — воскликнул он. — Просто бесчеловечно! Куда же смотрят правозащитные организации?

— Не пойму, Кайманов: ты действительно так наивен или просто дурак? — Франкенштейн завинтил крышку и спрятал бутылочку в карман. — А на чьи деньги, по-твоему, существуют все эти организации? К тому же, эти опыты преподносятся хозяевами Консорциума как благо для человечества: как возможность превращения маньяков и преступников в добропорядочных и полезных членов общества, прилежных и добросовестных работников. Улавливаешь?

— Но... — растерянно проблеял Кайманов.

— Кстати, ты и Роман Щербатый в этом деле хорошо нам помогли! — вдруг злобно засмеялся Франкенштейн. — Особенно этот бездарный графоман.

— Каким образом? — не поверил Кайманов. — Вы ж говорили о гипнозе...

— Кому теперь нужен гипноз? — отмахнулся рыжий. — Он не надёжен, сложен в исполнении, требует подготовленного специалиста, да и не каждый человек ему поддаётся. А у нас всё просто, быстро и со стопроцентной гарантией.

— А при чём здесь я?

— Заказчик потребовал продемонстрировать наши возможности на совершенно случайных людях, далёких по жизни от какого-либо насилия, без опыта службы в армии или правоохранительных органах, не умеющих обращаться с оружием и тому подобное. И я подсунил ему ваши кандидатуры. Романа Щербатого в своё время военкомат забраковал из-за слабого зрения. Ты же, Кайманов, откосил от армии с помощью липовой справки о якобы имеющемся у тебя плоскостопии, подкреплённой соответствующей суммой нужным людям. Что молчишь? Эх, в первый раз жалею, что передо мной только мозг! Уж очень хочется посмотреть сейчас на твою рожу. Небось, знай ты тогда, что тебя ждёт в будущем встреча со мной — сам бы рванул в военкомат с просьбой забрить тебя в солдаты нашей несокрушимой и легендарной? А? Что молчишь?

Ладно, слушай дальше, раз уж хочешь знать всю правду. Мы взяли Щербатого прямо на улице, когда он вышел из своего дома, чтобы сходить в магазин за продуктами. Привезли сюда, подключили на несколько минут к Суперкомпю, потом дали пистолет и отпустили, сказав, где тебя искать. Он пошёл и без тени сомнения убил. Всё это происходило на глазах восхищённого представителя заказчика. Так-то вот, Кайманов!

И нечего мне тут про права человека вкручивать! Ты сначала долг свой исполни, послужи Родине, а уж потом пасть разевай, если захочешь. Теперь мы легко можем помочь родной армии и государству в том, чтобы ни у одной сволочи, вроде тебя и прочих так называемых правозащитников, даже мысли не возникло бы плевать в их сторону.

А теперь, раб, принимайся за работу!

Откровение четвёртое

Кое-как выдав очередную статейку, Кайманов стал обдумывать всё услышанное от Франкенштейна и своё невероятное проникновение в чужую память в недрах Суперкомпа. Он, наконец, в полной мере понял трудности Консорциума: массив Щербатого был просто электронной копией его памяти, а не личности. Он не обладал сознанием и собственной волей, не мог самостоятельно мыслить. Очевидно, что и массив самого Кайманова был таким же и обретал разум только во время контакта с живым

мозгом.

«Просто мой мозг использует компьютерную память, — понял Кайманов. — Скопировать разум, личность живого человека Франкенштейн пока не может или не умеет. Что ж, это даёт мне какое-то время. Пока я ему нужен, мой мозг будет жить».

С этого дня каторга превратилась для Кайманова в увлекательное путешествие по чужим мирам. Не зря говорят, что каждый человек живёт в своём собственном мире. Самое удивительное было в том, что чужая память мгновенно становилась для Кайманова собственной, как только он проникал в очередной массив. Какая-то её часть успевала «записаться» в мозг, и Кайманов даже после отключения от Суперкомпа продолжал вспоминать чужую жизнь, как свою.

«А не начать ли мне писать романы? — как-то подумал он. — У меня есть для этого масса материала: надо просто записать куски чужой жизни».

Но Кайманов тут же отверг эту безумную идею. Во-первых, он не писатель. Как-то однажды пытался им стать, но не получилось. Пошёл в критики — не пропадать же филологическому образованию! А во-вторых, и вернее, в главных — Франкенштейн далеко не дурак и сразу же всё поймёт, а уж какие он примет меры, даже гадать не хочется. Одно ясно: каторжный труд Кайманова многократно увеличится или мгновенно прекратится.

«Хватит с рыжего ублюдка критических статей, — решил Кайманов. — Романы пусть сам пишет», — и он продолжил свои тайные проникновения в чужую память.

Кого здесь только не было! Бомжи, преступники, солдаты, жертвы несчастных случаев, бывшие работники Консорциума, чем-либо провинившиеся перед начальством, и даже дети разных возрастов. Один из очередных массивов содержал память хакера, неосмотрительно попытавшегося взломать защиту локальной сети Центра. Беднягу быстро вычислили, и того сбила на улице «неизвестная машина». Кайманов узнавал не только жизни и судьбы, но и мгновенно усваивал родные языки, так как люди эти были похищены и убиты в тех странах и городах, где имеется местный филиал Консорциума.

Словом, множество людей погибло в ходе бесчеловечных опытов по поиску бессмертия для умирающих миллиардеров. Кайманов благодарил судьбу за то, что рыжий Франкенштейн решил использовать его мозг для улучшения своего личного благосостояния и потому уберёт от экспериментов. Но он хорошо понимал, что долго это продолжаться не будет. В любой момент может произойти что-то, что разрушит сложившееся положение вещей. Например, рыжий может заболеть, и его заместитель, обнаружив «бесхозный» мозг Кайманова, тут же пустит его в дело, то есть в какой-нибудь очередной эксперимент. Нет, спастись Кайманов не надеялся, но хоть как-то отомстить вивисекторам в белых халатах хотел. Только вот как?

— А вы не боитесь, что правда о Консорциуме станет известна всем? — спросил он как-то Франкенштейна. — Ведь кто-нибудь из ваших может проговориться о том, что вы тут делаете.

— Это невозможно, — спокойно ответил тот. — Все наши люди регулярно, два раза в год, проходят медосмотр. Один — всеобщий, плановый, другой — индивидуальный, перед уходом в очередной отпуск. Во время этих медосмотров сотрудников подключают к Суперкомпю и, используя соответствующие технологии, «закачивают» в их мозг новые должностные правила и инструкции, стирают «лишнюю» информацию, зомбируют на неразглашение любых сведений о Консорциуме вообще и о Центре, в котором они работают, в частности. Разумеется, в конце процедуры всем стирают память о ней, и сотрудники уверены, что прошли обычный медосмотр, такой же, как в государственной поликлинике. Уволиться из Консорциума можно только одним способом: тело — в морг, мозг — в экспериментальную лабораторию Центра.

— А вы откуда это знаете? — не поверил Каманов. — Разве вы не проходите эти медосмотры?

— Прохожу, — криво усмехнулся рыжий. — Но я их и провожу. Так что у ме-

Строка прозы

ня несколько иная программа зомбирования, чем у прочих. Мне не стирают память о процедуре, так как я должен знать и понимать суть того, что делаю с другими.

— А запрет на разглашение?

— Как у всех.

— Не понимаю, — искренне удивился Каманов. — А как же я? Вы же мне всё рассказали!

— А кто ты такой? — спросил Франкенштейн. — Разве ты человек? Разве ты можешь кому-нибудь что-нибудь рассказать? Ты — просто кусок мяса! Беседовать с тобой — то же самое, что разговаривать со стулом или вон с тем полузасохшим цветком в горшке на подоконнике.

Откровение пятое

Последний разговор с рыжим не выходил у Кайманова из головы.

«Смешно, — думал он. — Головы нет, а разговор из неё не выходит. Что-то меня в нём зацепило и не отпускает. Обида? На что? На сравнение с куском мяса? Засохший цветок? Цветок. Запрет на разглашение. Тростник. Причём тут тростник? Вот оно! В детстве мне мама читала сказку про какого-то царя, у которого вдруг почему-то выросли ослиные уши. Царь пригласил к себе лекаря и предупредил, что если тот кому-нибудь расскажет о том, что узнал, то лишится головы. И лекарь молчал. Но его так и подмывало раскрыть секрет царя хоть кому-нибудь. В конце концов, он выбежал из города в поле, упал лицом в траву и прошептал страшную тайну земле. А потом, довольный и успокоившийся, лекарь вернулся домой и обо всём забыл.

Но на том месте, в поле, со временем вырос тростник. Мальчик, пасший за городом овец, срезал тростинку и сделал из неё дудочку. А когда подул в неё, вместо музыки из дудочки послышались слова о том, что у царя выросли ослиные уши. Помню, меня здорово повеселила эта сказочка. А она, оказывается, не просто забавная, но и со смыслом. Ты прав, Франкенштейн, я — полузасохший цветок, тростник. Вот только где бы мне найти пастушка?»

И Кайманов перестал произвольно блуждать по массивам в поисках очередных приключений. Он стал искать нестандартную «галактику», место, где зомбируют отпускников. И вскоре нашёл-таки небольшое, интенсивно пульсирующее «облачко». Полный надежд, Кайманов тут же «сунул туда свой нос». Облачко не было полноценной копией мозга конкретного человека. В нём действительно проходил процесс зомбирования сразу трёх людей, через несколько дней уходящих в отпуск. Один из них был специалистом, обслуживающим компьютеры Центра. Не желая упускать благоприятный момент, Кайманов немедленно внушил ему задание: подключить медицинские компьютеры к локальной сети.

С тех пор он получил доступ не только к зомбированию сотрудников, но и к локалке Центра. Кайманов незаметно подправил некоторые инструкции, исполняя которые, охрана могла бы обнаружить его вмешательство, и даже стёр саму память о категорическом запрете объединения имеющей выход в Интернет локальной сети с полностью автономной медицинской.

Кайманов понимал, что охранные программы Консорциума не дадут ему вбросить в Интернет большой объём информации, даже если он воспользуется логином и паролем директора Центра. Он мог бы соответствующим образом зомбировать некоторых охранников, но справиться с программой ему было не по зубам. Её сделали люди более квалифицированные и опытные в этой сфере, чем несчастный хакер, чьи знания теперь принадлежали Кайманову. Эти люди понимали, что любой обмен информацией по сети Интернет могут перехватить. Поэтому связь между суперкомпаниями Центров Консорциума осуществлялась с помощью курьеров, перевозивших данные на съёмных носителях под надёжной охраной. Это занимало много времени, зато исключало утечку информации. Даже если бы кто-то нейтрализовал охрану и

захватил курьера, несанкционированное вскрытие его кейса привело бы к самоуничтожению носителя информации. Консорциум умел хранить свои тайны.

«Дудочка»

Отныне Кайманов был в курсе всего происходящего. Он узнал настоящее имя Франкенштейна, но запретил себе употреблять его даже в мыслях, дабы не спалиться раньше времени. Оказалось, что родной брат рыжего работает в Центре начальником службы безопасности, одновременно являющейся поставщиком «живого сырья», то есть мозгов, что и дало возможность братьям организовать свой тайный бизнес на Кайманове.

Специфические знания хакера подали Кайманову идею, и он записал на флэшку Франкенштейна вместе с очередной критической статьёй некий скрытый файл. Конечно, рыжий использовал для своего бизнеса не рабочий, а личный, домашний, компьютер, и это позволило Кайманову начать выполнение своего плана.

Мощная защитная программа Консорциума мгновенно обнаружила бы и нейтрализовала файл Кайманова, но обычный антивирус домашнего компьютера его пропустил. И когда рыжий Франкенштейн вышел в Интернет, чтобы отправить статью в редакцию журнала, скрытый файл на его флэшке сделал своё дело, закачав и установив на компьютер Франкенштейна нужные Кайманову программы.

Так Кайманов получил регулярный доступ к персональному компьютеру Франкенштейна и начал потихоньку, маленькими кусками закачивать в него информацию о Консорциуме: адреса Центров, фамилии сотрудников и заказчиков, планы и результаты работ, банковские счета, имена жертв экспериментов, словом — всё, что удавалось выудить из массивов суперкомпьютера и локальной сети Центра.

И вот настал день, когда Кайманов был готов нанести ответный удар. Он собрал достаточно информации о Консорциуме — большего извлечь из локалки Центра он не мог. Кайманов прекрасно понимал, что, скорее всего, подписывает себе окончательный смертный приговор — Центр наверняка постарается уничтожить все улики, как только информация о нём выйдет наружу. А жить хотелось! Ох, как хотелось жить! Пусть даже «питаюсь» чужой памятью.

Но Кайманов точно знал, что его конец в любом случае близок: через десять дней Франкенштейн уходил в отпуск, и потому он уже начал официально оформлять мозг Кайманова в качестве нового материала для экспериментов. После возвращения из отпуска рыжий планировал продолжить свой бизнес, но уже с другим рабом. Жертва была давно намечена — ещё один критик всё того же журнала «ФАСТ». Кайманов знал об этом, так как сотрудники брата Франкенштейна собрали полную информацию об этом человеке и готовили ему стандартный «несчастный случай».

В Суперкомпе не было массивов с памятью сотрудников Центра. Зачем тратить на них время и ресурсы? Для зомбирования достаточно кратковременного подключения. Поэтому, узнав точную дату предотпускного медосмотра Франкенштейна, Кайманов с самого утра дежурил в пульсирующем облачке. И вот, наконец, он получил доступ к мозгу своего врага и моментально дал тому нужную установку.

Впервые после своей смерти Кайманов почувствовал себя свободным и счастливым. Он знал, что его установка сработает уже на следующее утро. Прежде чем пойти на работу, Франкенштейн включит свой домашний компьютер и бездумно запустит программу, о существовании которой он до этого даже не подозревал. Та автоматически начнёт рассылку материалов о Консорциуме, собранных в скрытой директории, во все инстанции: мировые средства массовой информации, Интерпол, правоохранительные органы России, США, Китая и Европы, пиратские библиотеки и пиринговые сети. Запустив эту программу, Франкенштейн оставит работающий компьютер подключенным к сети Интернет и спокойно поедет на работу, мгновенно забыв всё, что сделал. До своего отпуска он теперь вряд ли доживёт...

Экзаменационный проект

Elena_K

Милдред Хаббл, ученица пятого класса школы Кэкл, сидела за столом в своей комнате и напряженно размышляла. Близилась выпускные экзамены, и этот фактставлял девочку изрядно понервничать. И волновал ее отнюдь не экзамен по так нелюбимому ей зельеварению. Неделю назад на уроке заклинаний директриса школы мисс Кэкл сообщила им, что на ее экзамене они должны будут представить проект, который наглядно продемонстрирует, чего они добились за все эти годы обучения в школе.

— Я хочу, чтобы вы отправили свою фантазию в полет, — сказала им мисс Кэкл. — Я надеюсь, что вы действительно сможете удивить как меня, так и экзаменационную комиссию. Я верю в вас! Но попрошу не забывать о том, что ведьма должна использовать магию мудро.

И теперь Милдред усиленно соображала, что же именно ей представить в качестве проекта, одинаково способное удивить экзаменационную комиссию и отвечать представлениям о мудром использовании магии.

Размышления девочки прервал осторожный стук в дверь.

— Войдите! — громко сказала Милли, поворачиваясь в сторону двери.

Дверь открылась, и на пороге показались две ее подруги: Мод Муншайн и Энид Найтшайд.

— Привет, Мил! — поприветствовала подругу Мод. — Чем занимаешься?

— Думаю над тем, что же представить в качестве экзаменационного проекта, — вздохнула Милдред. — Времени осталось мало, а мне, как назло, в голову ничего не приходит!

— Ой, да ладно тебе! — хмыкнула Энид. — У тебя всегда так. Сначала ты не можешь ничего придумать, а потом выдаешь что-то совершенно потрясающее!

— Мне бы твою уверенность, — грустно сказала Милли. — Я вот совершенно не уверена, что смогу придумать что-то стоящее.

— Тебе просто нужно отвлечься, — заметила Мод. — Идем, прогуляемся. Самые хорошие идеи приходят в голову неожиданно.

— Но я... — Милдред хотела возразить, но более бойкая Энид подскочила к ней и буквально сдернула со стула.

— Пошли-пошли! — смеясь и буксируя подругу к двери, сказала она. — Помогите мне собрать в лесу травки для моего проекта, а заодно и развеетесь! Сидя в комнате и глядя в одну точку, ты ничего путного не придумаешь!

XXX

Подруги не спеша прогуливались по лесу, не отходя далеко от замка. Энид то и дело наклонялась, срывая ту или иную травку или цветок. Порой для того, чтобы сорвать нужное растение, ей приходилось сходить с тропинки, а то и залезать в довольно колючие кустарники.

— Что у нее за проект? — поинтересовалась Милдред, когда Энид вновь нырнула в заросли кустарника.

— Она разрабатывает заклинание, которое поможет растениям не вянуть, — пояснила Мод. — Вот теперь составляет целыми днями букеты из цветов и травок. Вроде и мудро и красиво.

— Здорово, — сказала Милдред. — По-моему, отличная идея! А что покажешь ты?

— Я пока не знаю, — призналась Мод. — Сначала я хотела разработать заклинание-напоминалку. К примеру, готовишь какое-либо зелье, а оно говорит тебе, что и когда нужно в котел класть. Ну, чтоб не в книге это смотреть, а сразу слышать. Только я не знаю, понравится ли подобный проект экзаменаторам. Мисс Помело такое точно не одобрит.

Мисс Помело была школьным завучем и по совместительству преподавателем полетов и зельеварения. Она была очень строгой и отличалась на редкость консервативными взглядами.

— А мне кажется, эта идея просто отличная! — сказала Милли. — Такое заклинание, на мой взгляд, будет действительно полезным. Мало ли на свете забывчивых ведьм!

— Ага, например, мы на первом курсе! — фыркнула Мод. — Помнишь, как мы неправильно сварили зелье смеха?

Девочки переглянулись и покатались со смеху.

— Ну вот, у тебя и у Энид уже есть идеи для проектов, — сказала Милли, отсмеявшись. — А я совершенно не представляю, что буду показывать!

— А я не понимаю, чего ты вообще заморачиваешься! — сказала подошедшая Энид. — У тебя есть потрясающий дар — оживлять картинки. Это по-настоящему удивительно. Попробуй использовать в качестве проекта его.

— Да, чем может помочь дар оживлять картинки в экзаменационном проекте? — удивилась Милдред.

— Ну, как это чем? — удивилась Энид. — Вот смотри! Мне для того, чтобы продемонстрировать свой проект, надо вон — по колючим кустам лазить, травки собирать. А тебе? Нарисовал, что надо, оживил и продемонстрировал!

В этот момент из лесу на тропинку выскочила рыжая белка. Усевшись неподалеку от девочек, зверек приподнялся на задние лапки и принялся принюхиваться.

— Смотрите, какая прелесть! — воскликнула Мод, делая попытку подойти поближе.

Громкий звук напугал маленькое животное, и, сорвавшись с места, белка ментально исчезла в чаще леса.

— Ну вот, убежала! — разочаровано сказала Энид. — А я хотела дать ей сухарик!

Милдред, казалось, не обратила на белку никакого внимания. Она стояла посреди тропинки, глядя прямо перед собой, и не замечала ничего вокруг.

— Мил, ты чего? — спросила Мод, заметив странное поведение подруги. — Случилось чего?

— Нет-нет, все в порядке! — заверила ее Милли, возвращаясь к реальности. — Но, кажется, я действительно придумала, что приготовлю в качестве экзаменационного проекта!

— И что же? — заинтересованно спросила Энид.

— Оживающий бестиарий! — воодушевленно воскликнула Милдред. — Вы только представьте, вы открываете книгу, например, про единорогов, и они сходят со страницы и начинают бродить вокруг вас!

— Здорово! — восхитилась Мод. — Только вот... Единороги порой бывают довольно агрессивными. Как думаешь, это будет не опасно?

— Я постараюсь сделать так, чтобы они были не совсем настоящими, — сказала Милли. — Ну, вроде голограммы что-ли. Ох, девочки, спасибо, что вытащили меня на прогулку. Теперь я знаю, что мне делать!

— Ну вот! — улыбнулась Энид. — Я же говорила, что прогулка пойдет тебе на пользу! Идемте обратно в замок!

XXX

С той памятной прогулки прошла неделя. Девочки усиленно занимались подготовкой своих проектов, постоянно пропадая в библиотеке и напряженно работая.

Милдред, воодушевленная идеей создания оживающего бестиария, давно уже сделала очень реалистичные рисунки нескольких волшебных существ и теперь сидела в библиотеке, тщательно переписывая из толстой школьной книги информацию о каждом из них. Рядом с ней на столе лежала самодельная книга, в которой Милли делала свои рисунки и которую собиралась демонстрировать в качестве экзаменационного проекта.

Дверь в библиотеку открылась, и на пороге показалась Энид. Она только что

завершила свой проект и теперь разыскивала подруг, желая поделиться с ними радостной новостью.

— Привет, Мил! — поприветствовала она подругу, присаживаясь рядом. — Можешь меня поздравить, я наконец-то завершила свой проект! — похвасталась она.

— Здорово! — улыбнулась ей Милли, ненадолго отрываясь от работы. — А вот мне до конца еще не скоро. Я хоть и взяла несколько волшебных существ, но к ним еще необходимо сделать описания, а это отнимает уйму времени.

— Ну, время еще есть, — сказала Энид. — Успеешь!

— Ну, у меня проблема не только с описанием, — со вздохом сказала Милдред. — Дело в том, что...

Слушая подругу, Энид заметила самодельную книгу, лежавшую на столе, и взяв ее в руки, открыла на первой попавшейся странице.

Увидев, как подруга открывает ее проектную книжку, Милдред воскликнула:

— Энид, не трогай! — но было уже поздно. Над открытой страницей разлилось бледноватое свечение, а потом со страницы сорвался и взмыл под потолок белоснежный пегас. Правда, размером он был не с настоящую лошадь, а чуть поменьше пони. Испугано заржав, крылатый конь принялся метаться по библиотеке, роняя книги с книжных полок и сея невообразимый хаос.

Сидящие в библиотеке младшеклассницы удивленно раскрыли рты, во все глаза наблюдая за происходящим.

Милдред выхватила книгу из рук подруги и, постучав указательным пальцем по корешку, скомандовала:

— На место!

Подчинившись команде, крылатый конь перестал хаотично носиться под потолком и, снизившись, исчез на странице книги. Милли захлопнула книжку и убрала ее в сумку.

— Вот это и есть вторая и основная проблема моего проекта! — пояснила она. — Мне пока не удастся сделать так, чтоб существа, сходящие с книги, были просто голограммами.

— Прости, — виновато сказала Энид. — Я не думала, что так получится!

— Хорошо, что ты открыла книжку на странице с пегасом! — заметила Милдред. — Когда я выбирала существ для своей книги, я хотела, чтобы они выглядели эффектно. А сейчас жалею об этом. Некоторые из них могут быть довольно опасными. Конечно, животные в моем бестиарии намного меньше своих реальных оригиналов, но тем не менее, будучи вполне материальными, могут причинить немало бед.

Энид виновато улыбнулась.

— Прости еще раз. Я должна была спросить, прежде чем открывать книгу, — сказала она. — Давай-ка соберем упавшие книги, пока не пришел кто-нибудь из учителей.

XXX

Незаметно пролетело еще два дня. Жизнь в школе Кэкл шла своим чередом. Ученицы посещали занятия, выполняли домашние задания, готовились к предстоящим экзаменам.

Этот день начался как обычно. Точно так же, как начинались и многие другие дни до него, и ничего не предвещало произошедших в этот день событий.

Выпускной класс с самого утра собрался во дворе школы. Сегодня они должны были отправиться вместе с мисс Помело и мисс Кэкл на ознакомительную экскурсию в колледж Трех сестер. Это было довольно престижное учебное заведение для волшебников и ведьм, окончивших школу, и попасть в него мечтали многие. Пятиклассницы стояли во дворе, ожидая, когда мисс Кэкл и мисс Помело дадут команду к отлету, и возбужденно переговаривались. А в окно за их сборами наблюдали две четверокурсницы. Это были Сибил Хэллоу и ее лучшая подруга — Кларисс Кроу.

— Ну вот, опять пятиклассникам предстоит что-то интересное! — сказала Сибил плаксивым тоном. — Вот почему они летят в колледж трех сестер, а мы нет? Торчать в этой школе ужасно скучно!

— Так ведь это экскурсия для выпускных классов, — резонно заметила Кларисс. — На следующий год полетим и мы.

— До следующего года еще уйма времени! — пробурчала Сибил, отходя от окна и падая на кровать. — А моя сестра летит уже сейчас! Только представь, как она будет задира́ть нос, когда они вернутся!

Старшая сестра Сибил — Этель Хэллоу — училась на класс старше, и на протяжении всей учебы в школе отношения между сестрами не складывались.

— Да, не обращай ты на нее внимания! — сказала Кларисс, тоже отходя от окна. — Лучше подумай о том, что в следующем году Этель тут уже не будет!

— Только это и радует! — проворчала Сибил в подушку. — Но это не отменяет того, что в школе сегодня будет ужасная скучища!

XXX

За школьными делами прошло пол дня. Старшеклассницы давно уже отбыли в колледж трех сестер, а все остальные отправились на уроки. Но после каждого урока Сибил становилась все мрачнее и мрачнее. В конце концов она просто ушла в свою комнату и закрылась там ото всех, сделав исключение только для Кларисс.

— Сибил, да что с тобой? — спросила Кларисс, обеспокоено заглядывая в лицо подруги.

— Мне скучно! — пробурчала Сибил, хмуро глядя перед собой. — У пятиклассниц сейчас экскурсия, и наверняка какие-нибудь интересные приключения. Так ведь всегда бывает! А мы вынуждены торчать в этой жутко скучной школе, где ровным счетом нет ничего нового!

Кларисс тяжело вздохнула. Плохое настроение Сибил в последнее время стало нормой, и сейчас девочка лихорадочно соображала, как же поднять его своей хмурой подруге.

— Ну, почему ты думаешь, что в школе не происходит ничего интересного? — спросила она, присаживаясь рядом с подругой. — Вот буквально вчера третьеклассницы рассказывали, как в библиотеке появился пегас!

— Ну и что? — мрачно спросила Сибил. — Лично я этого не видела! И вообще! Ты уверена, что они не врут?

— Я не знаю, — призналась Кларисс. — Но третьеклашки говорили, что он появился из книги Милдред. Вроде как это ее экзаменационный проект.

Сибил вздохнула.

— Как было бы здорово посмотреть на настоящего пегаса! — мечтательно сказала она. — И опять-таки! Если в этой школе и происходит что-то интересное, то не с нами!

— Ну, мы же вполне можем дожждаться, когда Милдред и остальные вернуться со своей экскурсии, и попросить Милли показать нам эту ее книжку с оживающим пегасом, — предложила Кларисс. — Я думаю, она нам не откажет.

Сибил задумчиво посмотрела на подругу.

— А зачем нам, собственно говоря, ждать их возвращения? — спросила она. — Почему бы не пойти и не посмотреть прямо сейчас?

— Сейчас? — удивилась Кларисс. — Но ведь Милдред сейчас нет. Не можем же мы вломиться к ней в комнату без спросу!

— Но мы же не хотим ничего плохого! — возразила Сибил. — Просто посмотрим, и все. Ну, хоть одним глазком! А то тут так ску-учно! — Она умоляюще посмотрела на Кларисс, ожидая решения подруги.

Кларисс колебалась. С одной стороны она считала, что врываться в комнату Милдред не хорошо, даже несмотря на то, что они не замышляли ничего дурного, а с другой... Третьеклассницы с таким восторгом описывали появление белоснежного пегаса, что девочке очень хотелось увидеть это чудо своими глазами. В конце концов любопытство пересилило, и она сказала:

— Ну, хорошо! Пойдем посмотрим. Думаю, от одного раза вреда не будет. Но только быстро! Одним глазком посмотрим, и все!

Сибил радостно вскочила с места.

— Конечно, зачем нам там задерживаться? — сказала она. — Мы просто поглядим, и сразу же обратно!

XXX

Десятью минутами позже две четвероклассницы уже стояли под дверями комнаты Милдред. Кларисс нервно оглядывалась, боясь, что их могут увидеть, но коридор был абсолютно пуст. Убедившись, что увидеть их некому, девочки повернули ручку и друг за другом проскользнули в комнату, плотно прикрыв за собой дверь.

— Ну, и что теперь? — спросила Кларисс, оглядываясь по сторонам.

— Нужно найти ту книгу, про которую ты слышала от третьеклашек, — сказала Сибил.

— И как же нам ее найти? — нахмурилась Кларисс. — Как-то мне не очень хочется копаться в чужих вещах!

— Мы уже здесь! — сердито фыркнула Сибил. — Так что отступить теперь поздно. Лучше прикинь, куда бы дела книжку на месте Милдред?

Кларисс в который раз тяжело вздохнула. Она уже жалела о том, что рассказала Сибил о проекте Милдред. Ее подруга была крайне упряма, и если уж что-то вбивала себе в голову, переубедить ее было невозможно.

— Ну, если бы это был мой проект, над которым я работала, то я бы держала его на столе! — ответила Кларисс первое, что пришло ей в голову.

Девочки бросили взгляд на письменный стол. На нем и правда лежала самодельная книжка, плотно скрепленная завязками, сделанными из старого школьного пояса Милдред.

— Это, наверное, оно! — радостно воскликнула Сибил, подбегая к столу.

— Тише ты! — шикнула на нее Кларисс. — Не хватало еще, чтобы нас кто-то застал здесь!

Не обращая на подругу внимания, Сибил взялась за завязки, стараясь развязать крепкий узел.

— Сибил, а может не надо? — спросила Кларисс. — Не зря же книга так плотно связана!

— Да брось ты! — отмахнулась Сибил. — Завязки — это просто элемент декора, и не более того.

Узел наконец поддался, и Сибил распахнула книгу на первой попавшейся странице. От страницы разлилось молочно-белое свечение, и в комнате возникло странного вида существо. Но это был отнюдь не пегас. Больше всего это существо напоминало кошку. Только кошка эта была размером с небольшого пони. Уставившись на девочек, она грозно заворчала, и подняла хвост, на конце которого красовалось настоящее скорпионье жало.

Сибил первая опознала существо, и испугано отскочив в сторону взвизгнула.

— Мантикора! Это же мантикора! Сибил, бежим!

Дернув за руку подругу, которая при виде мантикоры, казалось, впала в транс, девочка рванула к выходу, больше не заботясь о том, сколько шума они производят.

Выйдя из оцепенения, Сибил, как ошпаренная, вылетела из комнаты, а мантикора, издав боевой клич, кинулась следом за ними.

Забывая девочками книга осталась лежать на столе, а ветер, дующий из открытого окна, одну за другой перелистывал страницы, выпуская из книги все новых существ...

XXX

Ближе к вечеру пятиклассницы с мисс Кэкл и мисс Помело вернулись в школу. Вместе с ними по каким-то своим делам прибыла и директриса колледжа трех сестер Алисия Гроза. Группа еще только приближалась к школе, но всем уже было ясно, что в школе явно что-то случилось. Вокруг башен замка носились друг за другом небольшой зеленый дракон и такого же размера грифон. Дракон в полете пытался ухватить грифона за львиный хвост, а грифон, уворачиваясь от драконьих когтей, пытался атаковать дракона крепким орлиным клювом. Она скребла своими когтями черепицу и периодически издавала отвратительные звуки.

— Что это такое? — удивленно спросила мисс Кэкл, приземляясь посреди школьного двора. — Откуда взялись все эти существа?

— Мне бы тоже очень хотелось это знать! — сказала мисс Помело, опускаясь на землю рядом с директрисой.

Девочки тоже опустились на школьный двор и теперь с любопытством поглядывали то на резвящихся в небе дракона и грифона, то на сидящую на крыше гарпию.

— Эй, идите все сюда! — послышалось откуда-то сбоку. Все обернулись и увидели мисс Дрилл, которая выглядывала из сарая для метел. — Быстрее! Пока эти монстры вас не заметили!

В этот момент гарпия, сидящая на крыше, издала особенно отвратительный звук и, сорвавшись с места, резко спикировала на группу ведьм, стоящих посреди школьного двора. Девочки испуганно вскрикнули и, побросав свои метлы, что есть силы рванули к сараю для метел. Учителя поспешили следом. Только Милдред слегка замешкалась, стараясь разглядеть летящую гарпию получше, но мисс Помело резко дернула девочку за руку, увлекая ту в укрытие.

Как оказалось, в сарае помимо них был еще и весь второй класс.

— Ради всего святого, Имоджен, объясните, что здесь произошло? — едва отдышавшись от быстрого бега, спросила мисс Кэкл учительницу физкультуры. — Откуда здесь взялись все эти монстры?

— Если честно, я не знаю, — ответила мисс Дрилл. — У нас был урок физкультуры со вторым классом, и тут они вдруг налетели сверху! Нам ничего не оставалось, как спрятаться здесь!

— А почему здесь, а не в школе? — скептически спросила мисс Помело. — Вы полагаете, что деревянная крыша сарая прочнее каменной кладки замка?

— А в замке, между прочим, ненамного безопаснее, чем здесь! — обиженно ответила мисс Дрилл. — Сперва мы хотели спрятаться именно в замке, но, войдя в холл, наткнулись на самую настоящую мантикору! А под потолком летает какой-то мелкий синий не то эльф, не то еще кто, и швыряется в любого, кто ему попадется, чем попало! Правда сама мантикора небольшая. Может быть, размером с пони, но ведет она себя довольно агрессивно.

— Синий непонятно кто? — спросила директриса. — Это как же? Откуда?

— Это пикси, — раздался голос из толпы девочек. — И взялся он из моей книжки. Так же, как и все остальные.

Все разом обернулись к говорившей, которой оказалась Милдред Хаббл.

— Милдред? — брови мисс Помело удивленно поползли вверх. — Потрудись объяснить, какое отношение ты имеешь ко всему происходящему?

Девочка тяжело вздохнула. Голос наставницы не предвещал ничего хорошего, как и ее взгляд, которым она сверлила свою самую нелюбимую ученицу.

— Это мой экзаменационный проект, — пояснила Милдред. — Я хотела сделать оживающий бестиарий. Ну, такую книжку, открыв которую, можно не просто рассматривать существо на картинке, а увидеть его в живую. Правда, мой проект пока что находится на стадии разработки, и я не понимаю, как все эти существа умудрились покинуть страницы книги!

— Ты что же, умеешь создавать волшебных существ? — удивленно спросила у девочки молчавшая до этого Алисия Гроза. — Но это же просто удивительно! Невероятно!

Мисс Помело бросила на директрису колледжа трех сестер недовольный взгляд.

— Талант Милдред безусловно удивителен, но сейчас нужно подумать о том, как вернуть всех этих монстров туда, откуда они появились!

— На самом деле, это очень просто! — сказала Милдред. — Я сейчас! — И распахнув дверь сарая, девочка выскочила наружу.

— Милдред, стой! — крикнула мисс Помело, пытаясь остановить ученицу, но та, не обращая ни на кого внимания, уже стремглав бежала к дверям школы.

XXX

Ловко увернувшись от спикировавшей на нее гарпии, Милдред подбежала к

главному входу, и не без труда приоткрыв тяжелую дверь, протиснулась внутрь. Не считая порхающего под потолком пикси, в холле было тихо, и девочка позволила себе остановиться, чтобы отдышаться.

— Милдред, что ты вытворяешь? — раздался сзади строгий голос. Резко обернувшись, Милли увидела мисс Помело, которая только что появилась в холле замка.

«Да, вот умела бы я вот так мгновенно переноситься из одного места в другое, не пришлось бы сейчас бежать сломя голову», — невольно подумала Милдред, глядя на сердитую наставницу.

— Милдред, ты хоть понимаешь, на сколько твои действия могут быть опасны? — продолжала сердится мисс Помело. — Разве ты не слышала, что сказала мисс Дрилл? Здесь где-то бродит мантикора! А ее яд смертельно опасен! Я уж не говорю о других монстрах, которые тут могут оказаться!

— Мисс Помело, поверьте, никакой опасности нет! — сказала Милдред, наконец-то восстановив дыхание. — Эта мантикора, которая тут бродит — она не ядовитая. Немного страшная — да. Но не ядовитая. И остальные тоже.

— Не опасные, говоришь? — сверкнула наставница глазами. — Допустим. Но все эти монстры вполне материальны! И если бы та же гарпия подхватила тебя и сбросила вниз с большой высоты, то что ее когти не ядовиты — послужило бы довольно слабым утешением!

— П-простите, я не подумала, — Милдред низко опустила голову. — Но ведь эти существа появились тут из-за меня. И я должна все исправить!

Пока стоящие у входа ведьмы разговаривали, летающий под потолком пикси обратил на них внимание, и сняв с висящей люстры одно из украшений, метко швырнул его вниз, попав Милдред точно в лоб.

— Ай! — воскликнула девочка, потирая ушибленное место, — ну погоди у меня!

Мисс Помело взглянула вверх, прикидывая, сколько времени потребуется пикси, чтобы открутить от люстры очередное украшение, и потянула Милдред вверх по лестнице, спеша уйти с открытого пространства.

— И как же ты собираешься исправлять положение? — спросила она, вталкивая девочку в ученический коридор.

— Это довольно просто, — ответила Милли. — Мне просто нужна моя книга. Когда мы улетали на экскурсию, книга оставалась на моем столе. Если она там, то я легко верну всех существ на место.

В это время из бокового коридора вылетел симуран, преследуемый здоровенной адской гончей. Периодически крылатый пес зависал в воздухе и тявкал на большого черного пса, который подпрыгивая, делал попытку схватить собачьего летуна, а когда у него не получалось (в самый последний момент симуран просто взмывал повыше, оставляя адскую гончую ни с чем) скалил желтоватые клыки, сверля симурана грозным взглядом ярко красных глаз.

Мисс Помело и Милдред замерли на месте, боясь того, что будет, если адская гончая их заметит, но оба пса были полностью поглощены друг другом и промчались мимо, не обратив на людей никакого внимания.

— И какие же еще твари бродят по школе? — спросила мисс Помело, проводив собак взглядом.

Милдред тяжело вздохнула, и решила что сейчас лучше всего промолчать. Убедившись, что в коридоре больше никого нет, она быстро побежала к своей комнате, дверь в которую была настежь открыта, и войдя внутрь, взяла со стола свою самодельную книжку.

— Я так и думала! — воскликнула она, демонстрируя вошедшей следом учительнице развязанные крепления. — Когда я уходила, я их завязывала!

Мисс Помело бросила хмурый взгляд на книгу в руках девочки.

— И что ты планируешь делать теперь? — спросила она.

— Сейчас нужно просто найти всех, и вернуть в книгу. Судя по всему сбежали только семь существ с последних страниц. Мантикора, адская гончая, симуран, пикси,

горгулья, грифон и дракон.

— Хорошо, Милдред, идем. Но не забывай об осторожности!

XXX

Учительница и ученица, коридор за коридором, медленно обходили школу. Легче всего было отыскать пикси, которому судя по всему очень понравилась люстра. Когда Милдред и мисс Помело вошли в холл он все еще кружил вокруг нее, отвинчивая украшения. Постучав указательным пальцем по корешку книги, Милдред скомандовала ему вернуться, и пикси, обратившись в струйку белесого дымка, вновь стал обычной картинкой. Затем в одном из коридоров они отыскивали адскую гончую и симурана, который казался, получал удовольствие дразня здорового пса.

Вернув собак на их страницы в книге, они отправились на поиски мантикоры, которая обнаружилась под дверями большого зала. Здоровенная кошка вальяжно разлеглась на полу, карауля тех, кто заперся в большом зале.

Увидев приближающихся людей, мантикора вскочила на лапы и высоко задрала хвост, приготовив скорпионье жало для атаки.

— Милдред, ты абсолютно уверена, что она не ядовита? — спросила мисс Помело, с опаской глядя на агрессивно настроенное животное.

— Да, я уверена, — ответила девочка, загоня матникору на страницу книги. — Когда я рисовала ядовитых существ, я представляла, что яда у них не будет. Оно так и получилось.

— А почему ты тогда не представила их более миролюбивыми? — спросила учительница, стуча в двери актового зала.

— Но тогда они бы не были похожи сами на себя, — объяснила Милли. — Я хотела, чтобы они были как голограмма. Никакого яда, никаких когтей, укусов и прочее. Но вести себя должны были как настоящие, чтоб давать читателям наиболее полное представление.

Дверь актового зала открылась, и из него выглянула бледная испуганная мисс Кротчет.

— Мисс Помело, слава богу, это вы! — воскликнула она. — Пока вас не было, здесь творилось черте-что! Школу наводнили настоящие чудовища! Злобные монстры! Слава богу, никто не пострадал! Мы успели укрыться здесь... — мисс Кротчет сделала паузу, испугано заглядывая за спину мисс Помело.

— Но где же все эти монстры сейчас? — спросила она.

— Все в порядке, — успокоила учительницу музыки мисс Помело. — Монстров больше нет. По крайней мере в стенах школы. Вы можете выходить.

Дверь актового зала открылась пошире и на пороге показались Сибилл и Кларисс. Вид у обеих был крайне виноватый. А увидев Милдред с книжкой в руках, подруги окончательно стушевались.

— Простите нас! — наконец сказала Кларисс. — Это мы во всем виноваты! Мы открыли эту книгу без разрешения и...

— Но мы не хотели ничего такого! — добавила Сибилл. — Мы просто хотели увидеть пегаса!

— Увидели? — ядовито спросила мисс Помело, сердито глядя на понурившихся девочек. Те молчали, внимательно изучая пол под ногами.

— О вашем проступке мы поговорим позднее в кабинете мисс Кэкл! — прервала учительница повисшую паузу. — Мисс Кротчет, опасности в стенах школы больше нет, а потому можно больше не прятаться. Милдред, идем! Нам еще необходимо очистить от монстров замковый двор.

Милдред послушно последовала за наставницей, бросив на двух подружек милостливый взгляд. В любой другой ситуации она бы непременно пожалела их, но сейчас, когда из-за их глупости ее экзаменационный проект оказался под угрозой, неприятности, свалившиеся на голову Сибилл и Кларисс казались вполне справедливыми.

XXX

Помня о словах мисс Помело, Милдред не сразу выбежала на улицу, а осторожно приоткрыв дверь, сперва оценила обстановку. Дракон с Гриффоном все так же носи-

лись друг за другом возле башен замка. Гарпии видно не было, и девочка сделала вывод, что она вернулась на школьную крышу.

— Ну что там? — спросила мисс Помело застывшую в дверях ученицу. — Возвращай на место оставшихся существ. В школе из-за них творится черте-что!

Милдред посмотрела вверх, прикинула расстояние от замковых дверей до башен и сказала:

— Я... Я не думаю, что с такого расстояния магия сработает. Надо чтобы они спустились пониже или...

— Или нам необходимо подняться к ним, — закончила учительница недосказанную фразу. — Ну что же, ждать, когда они решат спуститься мы не можем, а значит, ничего другого нам не остается.

Заклинанием призвав метлу, мисс Помело села на нее, сделав ученице знак сесть позади себя. Милдред тяжело вздохнула. Подниматься в воздух, зная что над башнями резвятся дракон и грифон, а на крыше притаилась злобная горгулья, девочке крайне не хотелось. Но и отказаться она не могла, так как чувствовала на себе часть вины за все происходящее.

— Я буду управлять метлой, — распорядилась мисс Помело, — а ты, когда мы окажемся достаточно близко, вернешь этих существ обратно в книгу.

Милдред села на метлу и они взмыли вверх, взяв курс на башню замка, вокруг которой летали дракон и грифон. Когда метла приблизилась на достаточное расстояние, Милдред раскрыла книгу, заставляя обоих существ вернуться на свои места.

— С этими двумя все, — сообщила девочка, перекивая порывы ветра. — Только вот неясно где...

— Горгулья! — воскликнула мисс Помело, резко кидая метлу вправо.

Все это время горгулья пряталась на крыше за одной из школьных труб, выжидая удобного момента чтобы атаковать.

От резкого движения Милдред едва не свалилась с метлы, изо всех сил вцепившись в плечи мисс Помело.

Горгулья, издав пронзительный вопль, сделала в воздухе круг и снова нацелилась на метлу.

— Она нас собьет! — испугано воскликнула Милдред.

— Возьми себя в руки! — рявкнула учительница в очередной раз уклоняясь от атаки злобного существа. — Просто убери ее также, как и остальных, ты же можешь, ну!

Сделав над собой усилие, Милдред все-таки заставила себя раскрыть книгу, и когда горгулья в очередной раз приблизилась к ним, постучала указательным пальцем по корешку, и крикнула:

— Вернись на место!

В последний раз пронзительно крикнув, горгулья обратилась в белый дымок и исчезла на страницах книги. Милдред облегченно вздохнула, и захлопнув книгу, вновь скрепила ее завязками.

XXX

Часом позже все участники этого неожиданного переполоха собрались в кабинете мисс Кэкл. Мисс Помело и директриса колледжа трех сестер, Алисия Гроза, были тут же. Последняя с интересом поглядывала то на Милдред, то на ее самодельную книжку. Сама директриса сидела за своим столом, внимательно изучая троих девочек, стоящих напротив. Злополучная книга лежала перед ней на столе.

— Что ж, Милдред, должна признать, что идея твоего проекта великолепна, но вот реализация... Тебе следовало бы подумать о безопасности своей задумки, выбрать не таких опасных существ. Свою идею ты могла продемонстрировать и на обычных животных и птицах или же, скажем, на цветах.

Мисс Помело кивнула, соглашаясь со словами директрисы.

— Было очень безответственно брать для проекта таких опасных существ, как мантикора, горгулья и дракон! — добавила она.

— Я подумала... — попыталась оправдаться Милли. — Проект еще не был закончен, я долго работала над ним, чтобы сделать так, чтобы существа были только внешне похожи и не представляли опасности. Были нематериальными, как голограммы.

— Это всего лишь ученический проект, в котором весьма вероятны ошибки! Ты уверена, что у тебя все получилось? Что хвост мантискоры действительно не ядовит, и что все эти существа не могут причинить вред людям? Насколько я видела они были вполне материальны! — едко заметила мисс Помело. — Если бы Сибил и Кларисс не открыли книгу сегодня, подобное могло случиться на защите экзаменационного проекта! В классе, полном твоих одноклассниц! И кто-нибудь из них мог пострадать, как и ты сама, делая столь опасный проект!

Милдред опустила голову. Что возразить, она не знала. Работая над проектом, она была уверена, что у нее все получится, и не подумала о том, что бы могло быть в противном случае. Также она не думала о том, что сама могла пострадать.

— Ну, полноте, Констанс, — остановила свою помощницу мисс Кэкл. — Думаю, Милдред поняла свою ошибку. Как и Сибил и Кларисс, — директриса посмотрела на двух учениц. — В сложившейся ситуации виноваты, прежде всего, они. Судя по завязкам на книге, Милдред приняла меры безопасности, но этого оказалось недостаточно.

— Мы просто хотели посмотреть на пегаса, — пробормотала Сибил.

— А вы не подумали о том, что из-за вашего неумного любопытства Милдред, вероятнее всего, так и не закончит свой проект? — спросила мисс Помело, сверля подруг сердитым взглядом.

— Простите, пожалуйста, — вмешалась в разговор Алисия Гроза. — А можно мне поговорить с девочкой?

Мисс Помело и мисс Кэкл дружно повернулись к директрисе колледжа.

— Конечно, если вы хотите, то вполне можете побеседовать с Милдред, — сказала наконец мисс Кэкл.

— Большое спасибо! — улыбнулась мисс Гроза. — Тогда мы, пожалуй, пройдемся. И эту книгу, с вашего позволения, мы тоже захватим с собой!

Не дожидаясь возражений, мисс Гроза взяла со стола директрисы самодельный bestiарий и, сделав Милдред приглашающий жест, вышла за дверь. Озадаченная Милдред последовала за ней.

XXX

— Ты не возражаешь, если мы немного пройдемся и поговорим? — сказала мисс Гроза, дождавшись, когда девочка покинула учительскую.

— Нет, конечно, не возражаю, — ответила Милли, лихорадочно соображая, что же могло понадобиться от нее директрисе колледжа.

— Ну, вот и славно! Тогда идем! А по дороге расскажи-ка мне, почему ты была так уверена, что созданные тобою существа не ядовиты?

Милдред не знала, что сказать. Вопрос был довольно щекотливым, и окажись тут сейчас мисс Помело или даже мисс Кэкл, очередной головомойки ей было не избежать. Мисс Грозу же она знала всего несколько часов и совершенно не представляла, к чему она клонит.

— Ты экспериментировала, не так ли? — спросила мисс Гроза, правильно истолковав молчание девочки.

— Ну, в общем-то да, — ответила Милли, решив, что сейчас лучше всего сказать правду. — Мантискора может сильно уколоть своим жалом, это, конечно, неприятно, но не смертельно. Дракон — он летает, и все такое. Но когда пытается дышать огнем — огонь выходит очень ярким, но совершенно безвредным. Я поняла это, когда он дыхнул огнем на мой письменный стол. Там лежали тетрадки, учебники... И ничего не пострадало. И со всеми остальными так же. Только я не понимаю, как добиться того, чтоб они были чуть менее... настоящими.

— А как именно ты создаешь их? — заинтересованно спросила мисс Гроза.

Последний вопрос поставил девочку в тупик. Она и сама не знала, как именно у нее получается оживлять картинки. Она просто делала это, и все. Знала, что у нее получится, и у нее получалось.

— А... ну, я... я представляю себе этих животных, когда рисую, — все же попыталась объяснить Милли. — В мельчайших деталях и... и все.

— Так-так! Значит, в мельчайших деталях? — мисс Гроза ненадолго задумалась. — А что если, создавая их, ты будешь представлять себе как раз таки не животное, а голограмму? Думать о том, что нарисованная тобой картинка не живая, а... Ну, ты меня поняла?

Милдред пораженно уставилась на директрису колледжа.

— А ведь, наверное, это и решит мою проблему! — воскликнула девочка. — Я... Я теперь точно знаю, что мне надо делать! Только вот... — Милли сникла.

— Что вот? — переспросила мисс Гроза.

— Скорее всего, мне запретят заниматься этим проектом.

Мисс Гроза усмехнулась.

— Пожалуй, я смогу решить эту проблему, — сказала она. — Но ты должна пообещать мне две вещи!

— Все, что угодно! — воскликнула Милдред.

— Тогда, во-первых, все дальнейшие эксперименты будут с животными, не представляющими угрозу, а во-вторых, поступив в мой колледж, ты будешь прилежно учиться и заниматься подобными проектами только под присмотром учителей!

— Хорошо, я обеща... — Милли хотела привычно пообещать хорошо учиться, но тут до нее дошел смысл сказанного. — В колледже? Вы что же, возьмете меня туда? — недоверчиво спросила она.

— Милдред, у нас учатся волшебники и ведьмы, обладающие уникальными талантами. А твой талант действительно уникален. И если ты справишься со своим экзаменационным проектом, то можешь автоматически считать себя студенткой колледжа. — Мисс Гроза еще раз улыбнулась девочке и вернула ей книгу. — Надеюсь, ты меня не подведешь?

— Конечно, мисс Гроза! — радостно воскликнула Милдред, крепко прижимая книгу к груди. — Можете на меня положиться!

Мисс Гроза проводила девочку взглядом и, вздохнув, направилась в кабинет к мисс Кэкл. Перед ней теперь стояла непростая задача — объяснить двум рассерженным учителям свои действия и убедить их разрешить Милдред закончить ее проект. В том, что девочка справится, женщина не сомневалась.

XXX

Уже вечером, когда Милдред, сидя у себя в комнате, во всю работала над проектом, раздался стук в дверь.

— Войдите! — крикнула девочка, не отрываясь от работы.

Дверь открылась, и на пороге показались Сибил и Кларисс.

Милдред, наконец оторвавшись от работы, недовольно посмотрела на двух подружек, нервно топчущихся у двери. Конечно, разрешение работать над проектом и перспектива дальнейшего обучения в колледже значительно улучшили настроение Милли, но на этих двоих она все еще была здорово сердита.

— Ну, что еще? — нетерпеливо спросила она, жалея поскорее вернуться к своему проекту.

— Мил, прости нас, пожалуйста! — тихо сказала Сибил, низко опустив голову. — Я правда не хотела, чтобы так вышло!

— Конечно, мы были не правы, когда вломились в твою комнату и влезли в твой проект, — добавила Кларисс. — Мы очень сожалеем об этом. И если ты будешь нас ненавидеть, то это будет вполне справедливо.

Милдред вздохнула.

— Хорошо, я прощаю вас, — сказала она, понимая, что на самом деле больше не сердится. — Но в следующий раз вам все же стоит немножко подождать и спросить

разрешения! И да! Если вы уж так хотите, я могу показать вам пегаса!

— Правда? — спросила Сибил. — Ты правда готова показать его нам, после всего, что мы натворили?

— Ну, а почему бы и нет? — улыбнулась Милдред. — Смотрите!

Она раскрыла свою самодельную книжку на нужной странице. От страницы, как и раньше, разлилось белое свечение, а потом прямо со страницы слетел белоснежный пегас и закружил по комнате, взмахивая крыльями.

— Какой красивый! — восхищенно прошептала Кларисс. — А погладить его можно?

Ответить Милдред не успела. В коридоре раздались шаги, и голос мисс Помело скомандовал:

— Отбой через десять минут!

Затем входная дверь распахнулась, и наставница возникла на пороге, с удивлением разглядывая собравшихся девочек и порхающего под потолком пегаса.

— А вот у меня сложилось впечатление, что на сегодня экспериментов с волшебными существами вам вполне достаточно! — сердито сказала она. — Милдред! Мисс Гроза завершила нас, что опасных экспериментов в школе больше не будет! И что я вижу?

— Мисс Помело! — Милли вскочила со своего стула, умоляюще глядя на учительницу. — Позвольте мне объяснить! Мы сегодня поговорили с мисс Грозой, и она мне кое-что объяснила. Я полностью переделала проект. И теперь это и правда только голограмма. Ну, то есть, он ведет себя как настоящий и может даже издавать звуки, но совершенно нематериален! Вот, убедитесь сами!

Девочка поспешно открыла книжку на другой странице, и посреди комнаты возникла мантикора. Оглядев собравшихся людей, она сердито рывкнула и ударила стоящую к ней ближе всех Милдред лапой, впрочем, не причинив той ровным счетом никакого вреда. Лапа просто прошла сквозь девочку, наглядно продемонстрировав всем присутствующим, что находящаяся в комнате мантикора не настоящая.

Летающий под потолком пегас громко заржал и, спикировав вниз, попытался лягнуть сердитую кошку копытом, но тоже безрезультатно.

— Хорошо-хорошо! — воскликнула мисс Помело, зажимая уши. — Я тебе верю. Но сейчас убери весь этот зоопарк! Они производят ужасный шум! А если вдруг они снова разлетятся по всему замку, нам придется ловить их добрых пол ночи!

— Я это тоже учла, — сказала Милдред, послушно возвращая животных на страницы книги. — Теперь они могут отлетать от книги не дальше, чем на три метра.

— Вот как? — мисс Помело уже более благосклонно посмотрела на девочку и на книгу в ее руках. — Ну что же, вижу, мисс Гроза была права, и с этим проектом ты справилась. А теперь советую вспомнить о том, что ты все еще ученица школы Кэкл, и через пять минут будет отбой!

Затем внимание учительницы переключилось на Сибил и Кларисс.

— Вас двоих сказанное тоже касается! — строго сказала она. — Марш по своим комнатам. И не забывайте о том, что с завтрашнего дня у вас начинается отработка! — и скрестив руки на груди, мисс Помело исчезла.

— Ладно, мы пойдем! — сказала Кларисс. — А то нам ведь и правда назначили нехилую отработку и целую гору строчек. Не будем лишним раз злить мисс Помело.

— И спасибо, что не злишься на нас, — добавила Сибил. — И за то, что показала пегаса!

Девочки ушли, а Милдред, быстро прибрал на столе, приготовилась ко сну. Перед сном она еще раз перелистала свою книжку. Завязки ей больше были не нужны, и девочка убрала их, сделав вместо этого тряпичную закладку.

Засыпая, Милдред предвкушала, как продемонстрирует свой проект всей школе, и, несмотря на все свалившиеся на нее в этот день неприятности, была абсолютно счастлива.

END

Летописи межмирья

Александр Маяков

Тот же день...

Межмирье. Инквизитор Алексей

Дежа вю. Я помню этот портал. Точнее, порталом он был раньше. Сейчас это просто поток энергии, которые отделяет мир гномов, от межмирья. Именно здесь все началось.

- Что с тобой? – Спросил Евгений, пока маги возились с порталом.

- Да так, - произнес я. – Вспомнил кое-что.

- Первый бой? Я тоже впервые столкнулся с войсками Союза у портала. У портала в наш мир. Ты же знаешь про девятнадцатый сектор?

Я молча кивнул. В девятнадцатом секторе находился самый отдаленный портал. Он вел в наш мир и был горячей точкой на карте межмирья. Союз всегда пытался отбить его, но близость наших опорных пунктов не давала им удержать его.

- Вот я и дежурил там. Вместе с Иркусом. Он тогда был новобранцем. Первый бой прошел без потерь, отряд врага был небольшой. Но тогда я впервые убил противника. Клинком воды пронзил оборотня. Он не остановился, и мне пришлось всадить в него еще несколько клинков. Последним я ударил уже в мертвое тело. Помню, перепугался тогда, ужасно.

- Понятно. – С меня как бы спало оцепенение. – Что будем делать? – Я оглядел наше войско. Сотня рыцарей, отряд «Вергилий» и десяток магов. Рыцарями и магами командовал Евгений, я вел только свой отряд.

- Не знаю, - покачал головой Евгений. – Разведданных у нас нет. Поэтому действуем по обстоятельствам. Наша задача выйти на контакт с кем-то из правителей. Пусть даже с самым мелким. А там уже на их короля выйдем.

- Или кто там сейчас у них при власти? Прошлого Союз убил.

- У него могли остаться братья, сестры, дети...

- Понятно. – Печально произнес я.

- Не грусти, Леша! – Подбодрил меня Евгений. – Мы не первый раз идем в неизвестность!

- Не первый... - задумчиво повторил я.

- Магистр, - произнес подошедший маг, - портал открыт.

* * *

Тот же день...

Мир гноллов. Гиём де Грант

Мы отошли буквально на пару километров, деревня с оазисом все еще была в поле нашей видимости. Оттуда доносился крики и грохот. Гноллы дрались за право быть вожаком. Жен и детей Герия, скорее всего, уже убили.

Дарий сидел молча, не произнося не слова. Если бы он пошел защищать их, я бы ему не препятствовал. Но Дарий не дурак, чтобы сломя голову лезть и защищать невиновных. А на мою помощь он надеяться не мог, я свою позицию показал еще на закате.

Спали мы прямо под открытым небом. Дежурных мы не ставили, хватило и пяти големов по периметру лагеря. Завтра тяжелый переход до оазиса Кармы.

Ночь прошла спокойно, нас никто не пробовал атаковать. Оазис, который мы вчера покинули, дымился, но криков уже не было слышно.

- Проверим? – Спросил Дарий.

- Нет, - покачал головой я.

Мы собрались и пошли дальше. Путь до оазиса забрал еще полдня. Оазис Кармы, по сравнению с оазисом Герии, был настоящей крепостью. Деревня была раза в три больше и обнесена частоколом. По периметру ходили патрули, у входа стояли дозорные.

Мы остановились в паре сотен метров.

- Вы чего? - Удивленно спросил Дарий.

- Без обид, Дарий, но у меня нет желания разговаривать с... этими, - кивнул я в сторону стражников.

Он посмотрел на меня, на Элизабет.

- Твое право, - произнес он. – Только пообещай, что не тронешь женщин и детей.

- Ну... - протянул я, посмотрев на Элизабет. Та пожала плечами.

- Хорошо, я постараюсь. – Кивнул я.

- Мы постараемся, - произнесла Элизабет.

- Хорошо, - произнес Дарий и отступил на шаг.

Я посмотрел на Элизабет.

- Ну что? Позовем хозяина или войдем без спроса?

Она улыбнулась и стала читать заклинание:

- «Что это? я падаю! у меня ноги подкашиваются», — подумал он и упал на спину. Он раскрыл глаза, надеясь увидеть, чем кончилась борьба французов с артиллеристами, и желая знать, убит или нет рыжий артиллерист, взяты или спасены пушки. Но он ничего не видал. Над ним не было ничего уже, кроме неба, — высокого неба, не ясного, но все-таки неизмеримо высокого, с тихо ползущими по нем серыми облаками. «Как тихо, спокойно и торжественно, совсем не так, как я бежал, — подумал князь Андрей, — не так, как мы бежали, кричали и дрались; совсем не так, как с озлобленными и испуганными лицами тащили друг у друга банник француз и артиллерист, — совсем не так ползут облака по этому высокому бесконечному небу. Как же я не видал прежде этого высокого неба? И как я счастлив, что узнал его наконец. Да! все пустое, все обман, кроме этого бесконечного неба. Ничего, ничего нет, кроме его. Но и того даже нет, ничего нет, кроме тишины, успокоения. И слава Богу!..» - Читала Элизабет с призрачной книги. За нашими спинами появилась русская артиллерия. Пушки дали залп, снося ворота и дозорных. Патрули уже кинулись на нас. Отчаянные ребята, не испугались артиллерии и грохота выстрелов. Но артиллерия исчезла, растаяла в воздухе.

- Все? – Недовольно спросил я. И почему она вызвала именно русскую артиллерию?! В той битве и наши показали себя бравыми ребятами!

Противники приближались. Элизабет оглянулась, с горизонта к нам приближалось облако пыли. Вот этого облака гноллы и испугались. Этот тот редкий случай, когда противник боится не нового оружия, а старого, действие которого он ощутил на своей шкуре. Дозорные уже видели такое облако и знали, что оно приносит с собой врагов, большое количество врагов.

Но это облако несло не воинственно настроенных гноллов из другой стаи. Это были уланы. Наши, французские уланы! Они на полном ходу неслись вперед, выставив пики. Сотни всадников пронеслись мимо нас и ворвались в образовавшуюся брешь. В деревне началась суматоха. Кричали женщины, дети, мужчины.

- Вы обещали. – Спокойно произнес Дарий.

- Ты не веришь мне? – Спросила вампирша, ласково глядя на гнолла. Он опустил голову и что-то невнятно промямлил. Все же он любит её, и против неё он никогда и слова не скажет. Мне стало его жалко. Любить женщину и знать, что никогда не будешь с ней вместе. Он, как и я. Я никогда не буду с Норой.

Тем временем, кавалерию неистово громили. Некоторые гноллы даже прорывались к нам. Их сдерживали големы.

Литературный сериал

Остатки кавалерии были сметены огромным гноллом, который сносил всех и вся здоровенным двуручным топором. Топор был обоюдоострый.

- Убью!- Орал гнолл.

- Это Карма. – Произнес Дарий.

- Замечательно! – Ответил я. – Элизабет, придержи его пока.

Вампирша кивнула.

- Она дарит мне перстень вьюги...

Пока Карма разбирался с прусской пехотой, я облачился в свои доспехи.

- А теперь попробуй убить меня, псина!- Улыбаясь, закричал я. Он зарычал и стремглав бросился на меня.

- Нулевая область. – Произнес я. Вокруг меня образовалась небольшая область, радиусом не более пяти метров. В этом круге температура равна абсолютному нулю. В ней могу находиться только я. Гнолл подпрыгнул перед ударом и влетел в область в дикой позе. Он мгновенно покрылся инеем и рухнул замороженный к моим ногам. При падении ему отбило левую ногу. Она ему уже и не нужна.

В один удар я разбил его в осколки и направился в деревню, отменив заклинание области. Уцелевшие бойцы столпились у входа, но нас пропустили расступившись.

- Я победил Карму! – Громко произнес я. – Но мне не нужен не его трон, не его женщины! Вашим правителем будет тот, кто поклянется мне, что не тронет никого из женщин и детей! И, конечно, он отдаст мне то, что мне нужно!

- Почему мы должны тебе верить? – Крикнул один из бойцов.

- А у вас нет выбора. – Произнес я. – Или у кого-то появилось желание отправиться за своим вожаком?

Они переглянулись между собой.

- Хорошо, чужак, мы принимаем твои условия. – Произнесли они, бросая оружие.

- Прекрасно. – Произнес я.

Все! Никаких переговоров с псами! Только сила! Они понимают только язык силы.

Буквы на белом фоне

Александр Маяков

XXI

- Мне нравится моя работа. – всхлипывая, произнесла сучка. – Но нет, не такая она. Как это, они таких высот достигли! Известные люди в медицинских кругах! А я даже медицинский с трудом закончила.

Мы сидели в парке недалеко телестудии. Была уже практически ночь. Конец мая, и темно не так рано, но в полдевятого солнце практически зашло. Фонари еще не горели, и мы сидели в полумраке.

Двинуть кобелю по морде мне не дали. Подоспел Палыч, Вадим, Костя, Марина. В общем, вся наша дружная компания. Но остроты мы этому ток-шоу добавили.

Пока её папаша верещал, что подаст на нас в суд, сучка подняла апельсин, аккуратно собрала землю и сложила в одну половинку расколовшегося горшочка. Когда она отдавала это Кириллу, она впервые за вечер улыбнулась.

Потом эфир закончился, и мы дружно побрели сюда, поговорить. Как сказала Марина, нам есть о чем поговорить.

Кстати, Михаил Степанович и Лолита так и не проронили ни слова. Точнее,

Лолита ничего не сказал, а просто пулей вылетела из студии, по завершению эфира. А вот Михаил Степанович пытался попросить прощения у Ирины Алексеевны. Но Палыч его обнял за плечи, отвел в сторону и доходчиво объяснил, куда ему следует идти со своими извинениями.

- Я же уродина! – продолжала реветь сучка. – Вообще, природа на мне отдохнула!

Её прорвало. Видимо, за многие годы накопилось и вот сейчас дало выход. Как и Марина, она терпела своих родителей. Все их требования, планки, до которых надо дотягиваться. А теперь все. Сработал эффект удержания. Знаете, что это такое? Я приведу пример, он, конечно, будет чисто гипа... гипе... гипо... гипотетический! Та ё моё! В общем, представьте, что вы обладаете достаточной физической силой, чтобы с легкостью удержать рвущийся вперед мотоцикл. Мотоциклист выживает газ, колеса крутятся, дымят на асфальте, в воздухе витает запах жженой резины. А вы без напряжения держите этот мотоцикл. И вот, когда мотоциклист поднял забрало шлема и покрыл вас трехэтажным матом, вы отпускаете мотоцикл. Резкий рывок толкает его вперед, мотоциклист падает назад, стараясь сгруппироваться, а неуправляемая машина кувырком летит по асфальту. В таких ситуациях происходит, практически, тоже самое. Вы терпите, терпите, терпите, а потом ваше терпение иссякает, и вы все выплескиваете. Дело заканчивается грандиозным скандалом. Крики, взаимные упреки, слезы, иногда даже рукоприкладство и поножовщина. Потом бывает, что люди просят друг у друга прощения, извиняются, обнимаются, но это не всегда. Даже самые родные и близкие люди могут разругаться так, что становятся настоящими врагами, готовыми выцарапать друг другу глаза. В жизни бывает по-разному.

- Я красивая? – рыдая, спросила сучка.

- Ну, смотря с кем сравнивать. Если с Елизаветой II в молодости, то да, а если с Вивьен Ли, то не очень. – ответил Палыч.

Сучка разрыдалась еще сильнее, а я посмотрел на Палыча.

- Откуда такие познания? - шепотом спросил я.

- Да внучка гуглить научила. – с улыбкой ответил он. На чем именно он гуглит, я не спросил, но раз научила, значит, есть на чем у деда гуглить.

Сучка зарыдала с еще большей силой. У неё была настоящая истерика. Марина укоризненно посмотрела на нас и подошла к сучке. Присев, она обняла её.

А что я? Я ничего! Я вообще за неё заступился там, в студии! То, что из Палыча сарказм так и сыплет, виноват не я.

- Ти крясивья. – улыбаясь, произнес Кирилл.

- Спасибо, - улыбнулась сучка.

- А хочешь, я отдам тебе эту должность? – внезапно спросила Ирина Алексеевна.

Мы все посмотрели на Ирину Алексеевну.

- Вы это серьезно? – всхлипывая, спросила сучка.

- Серьезней некуда. – ответила Ирина Алексеевна. – Я уже не молодая, и так тяжело тянуть на себе этот приют. Кастелянша уволилась года три назад, ставку между прачками разделяю. Год как нет завхоза. Должность вроде и хорошая, но ответственности море, никто брать не хочет. Сама тяну. Плюс вся эта история по нервам прошла.

- Простите меня. – снова зарыдала сучка.

- Да я и не обижалась на тебя. – ответила Ирина Алексеевна, погладив сучку по голове. – Просто тебе с папашей не повезло. Козел он у тебя редкостный.

На это сучка не нашла что ответить.

- А вы чего молчите? – обратилась Ирина Алексеевна к нам. – А?

- А че говорить, Алексеевна? – произнес Палыч. – Ты баба железная, но и у тебя срок есть. Вымотали тебя, пора на пенсию переходить. Копейки, конечно, но иначе тебя вперед ногами вынесут из приюта.

Литературный сериал

- Вперед ногами. – задумчиво повторила Ирина Алексеевна. – Ты к бумажной работе привыкла? – спросила она.

Сучка молча кивнула.

- Ну да, в соцзащите бумажную волокиту тоже любят. – произнесла Ирина Алексеевна. – Так вот, давай так поступим. Я уходить полностью не буду, перейду на завхоза. А пока ты осваиваться будешь, помогу тебе.

- За что? – спросила сучка.

- В смысле «за что»? – недоумевающая, переспросила Ирина Алексеевна.

- За что вы ко мне так добры? – спросила сучка. Она уже успокоилась.

- Не знаю, – пожала плечами Ирина Алексеевна. – Вот хоть убей, не знаю. Может, я добрая. И поэтому еще не уволила этого алкаша, – она кивнула на Палыча, – и всех и этих раздолбаев, – она указал на нас с Вадимом и Костей. А Марина у нас значит сама прелесть. Как всегда, блин.

- Спасибо вам, спасибо вам всем! – произнесла сучка, снова зарыдав. Нам ничего не оставалось, как дружно засмеется. Мы не надсмехались над ней, мы просто смеялись. Возможно это нервное. Сначала заржали мы с Палычем, потом Марина, за ней Кирилл, Костя и Вадим. Последними засмеялись сучка и Ирина Алексеевна.

В парке включили фонари.

* * *

С того вечера прошло три недели. Палыч уже отправился в отпуск, намекнув, что заскочит к нам «перед дальней дорогой». Что за дорога, он так и не сказал.

- Ну что, в магазин и домой? – выходя из приюта, спросила Марина. Свою смену мы отработали и уже собирались отправляться домой.

- Ага, – ответил я. На большее сил не было. Смена выдалась веселой, Миша давал жару, гасая на коляске по отделению. Запарился я с ним. Ему весело, а я бегаю, стараясь остановить его.

- Устал? – поглаживая по щеке, нежно спросила Марина. Я молча кивнул.

В этот момент двор приюта огласил колоссальный грохот. Со стороны ворот в нашу сторону ехал старых «Запорожец».

- Снова, – тихо произнес я. Достали! Почему, каждый, у кого есть свой автомобиль, считает, что может свободно въезжать на территорию приюта? Нет! Нет! И еще раз нет! Над воротами даже знак висит, запрещающий въезд. Красный кружочек с белым прямоугольником по центру. Кирпич в народе. Но нет, всегда найдется умник и заедет. И все бы ничего, если бы они просто извинялись и разворачивали свои корыта. Так нет же! Каждый начинает умничать. «А кому можно въезжать?» «А что такого?!» И так далее. Хочется в морду дать или на худой конец послать куда подальше, но приходится отвечать культурно, что въезд только для служебных машин, к которым их транспортное средство никоим образом не относится.

Но в этот раз все обошлось без скандала. За рулем раритета сидел Палыч.

- Ну как? – спросил он, выпрыгивая из машины. Именно выпрыгивая. Так как верха не ней не было.

- Кабриолет? – скривившись, спросила Марина.

- Ага! – гордо ответил Палыч. – Вчера «болгаркой» спилил!

- Зачем? – спросил я. Машина выглядела своеобразно. Кузов весь был в ржавчине. Оранжевая краска не сильно контрастировала с ржавчиной. Или это уже ржавчина, а краска просто исчезла? Кто знает. Крыши не было, края, спиленные «болгаркой» были грубо обработаны. Правое переднее крыло было явно не от этой машины. Оно было помятое и зеленого цвета. Левая фара отсутствовала. Вместо неё на изоленге держалась старая потертая пластиковая бутылка из-под пива. Стекол на дверях и сзади тоже не было. Салон был старый и потрепанный. Кожзамениатель на заднем сиденье полопался, и было видно старый желтый паралон. Сиденье водителя было не в столь плачевном состоянии. На местах разрыва были латки из другого

кожзаменителя и старой джинсы. Сиденье пассажира отсутствовало. На его месте стояла старая спортивная сумка с инструментами. Так сказать, ремкомплект под рукой.

- Забыл что ли? – спросил он улыбаясь.

- О чем? – подозрительно переспросила Марина. Учитывая все то, что мы с Пальчем натворили, она могла ожидать чего угодно.

- Да так... - уклончиво ответил я. – Не помню, - опустив голову, я признался.

- В общем, когда ты, Мариша, еще только приручала Серегу, он спросил у меня совета. – произнес Пальч. Марина вопросительно посмотрела на меня. А я что? Я ничего! Ну, было дело, спрашивал совета у более опытного товарища, так сказать.

- И я рассказал ему про свою мечту. – продолжил Пальч.

- Поехать в Бухарест на своей «ласточке»! – воскликнул я. Марина аж от неожиданности отшатнулась от меня.

- Господи! - произнесла она. – Так ты же это, завязал с поездками в Бухарест?

- Я бухать бросил! – ответил Пальч, - а от мечты я не отказался.

- Быть верным мечте – это лучшее, на что способен человек! - гордо произнес я. По правде говоря, это не мои слова. Я их когда-то слышал. То ли от умного человека, то ли от персонажа из крутого фильма. Но это не мои слова. Но я выглядел эпично, произнося их! Вы бы видели лицо Марины. Не знаю, чего больше оно выражало, удивления, что я додумался до такой фразы, или восхищения, по той же причине.

- Верно подметил, паря! – рассмеялся Пальч.

- Да вы вообще о чем?! – не выдержала Марина.

- Мы о столице Румынии, Бухаресте. – ответил я.

- Твоя мечта, это съездить на развалюхе в Румынию? – удивилась она, указывая на «ласточку» Пальча.

- Ну, - протянул он, осматривая свой «Запорожец», - мечте уже много лет, как и машине. Вот только мечта от времени не портится, в отличие от машины. Так что да, на данный момент моя мечта такова: смотаться на своей развалюхе в Румынию.

Он запрыгнул за руль и повернул ключ в замке. Сначала ничего не происходило, двигатель только потрескивал. Но потом старый «Запорожец» с грохотом завелся. Из выхлопной трубы повалил серый дым. Динамик, висевший на проводе на зеркале заднего вида, захрипел голосом Любви Успенской: «А я сяду в кабриолет и уеду куда-нибудь!»

- Пакедово, молодежь! – Весело закричал Пальч и вдавил газ. Скрипя и грозясь развалиться, «Запорожец» рванул вперед.

- Песец! – Глядя в след удаляющейся машине, произнесла Марина. – А его дождем не намочит? Кабриолет, все-таки.

- Когда сбывается мечта, о такой фигне как дождь не думаешь. – Ответил я. И это были уже мои слова.

P.S.

Мечта Пальча сбылась, правда без кабриолета. Его «ласточка» сдохла под Одессой и он просто сдал её на металлолом. На попутках он доехал до Бухареста. Просадив все деньги в городе своей мечты, он набил морду полицейскому. После чего его депортировали.

В «Амадеусе» был грандиозный скандал! Вадим с Костей ошиблись, и Аркаша это не Камилла. Настоящая Камилла закатила истерику Ираклию и нашим друзьям, но потом все обошлось. Почему Аркаша так похож на Камиллу и почему так странно вел себя, остается загадкой. Мы, конечно, предполагали, что, возможно, они братья, но это только предположения.

Через три месяца Катя родила здорового мальчика. Ирина Алексеевна после

Литературный сериал

этого перешла на должность завхоза, уступив место директора сучке. А уже перед самым новым годом, ушла на пенсию. Место завхоза заняла Марина. Вот такой карьерный рост у моей девушки! А я так и остался, санитаром... садовником.

Погонялово за сучкой так и закрепилось. Она про него знает, и смирилась с этим. Все-таки, наше знакомство было не самым приятным.

Её отношения с Кириллом начали стремительно развиваться. Они встречались в приюте, она приходила к нему после работы. Гуляли во дворе приюта и небольшом парке за ним. А когда она заняла должность директора, она забрала его к себе из приюта. Кстати, скоро у них свадьба. Как говорит Марина, тут не обошлось без вмешательства третьего человека. Маленького человека.

Марина и сучка стали хорошими подругами. Вот так, а было время, когда Марина была готова насадить её на вилы. Все в мире меняется.

Мы с Мариной так и живем в съемной квартире. Все попытки помириться с её родителями провалились, и мы бросили это гиблое дело.

На этом точка.

А.С. Пушкин. Послесловие

Маргарита Крымская

ДЕЙСТВО ВТОРОЕ

Пушкин смотрит в окно: чуть брезжит.
Бледен. Ногти грызёт. Одет.
Не ложился он... На столе же –
Бес рисует: автопортрет.
Левой рукой – не правую.
И, увлечён забавою,
Удлиняет рога бесовски,
Утолщает, сильней чернит.
Ставит «Я» под рисунком. В сноске –
«Орогатившийся пиит».
Скалится, умиляется...
Пушкин – к столу. Склоняется
Над художеством безобразным
Да художника – за рога.

ПУШКИН

Уничтожь эту шутку грязну,
Коли жизнь тебе дорога!
И без того мне муторно!
Вот уж шестое утро нам
Не приходит решение: как же
Получить оскорбление мне?
Ты сказал – ввечеру!

БЕС

Ну, скажем,
Ввечеру... Но меня о дне
Ты не спросил. А рожки-то
Уж отпусти! Морошки вон
Лучше скушай, запей бордовым...

ПУШКИН

К чёрту! К чёрту! И так уж пьян
От бессилья да от бредовых
Предложений твоих, шайтан!

БЕС

Всё-то тебе не нравится.
А без меня – не справиться.

Пушкин – в кресло. Молчит. И дышит
Тяжело, словно каждый вдох
Режет грудь, дабы выдох вышел
Кровью льющейся...

БЕС

Видит бог,
Я не лукавил! Вечером –
Нынешним – обеспечено
Оскорбление. Ай какое!
Будет, будет стоять Дантес
У барьера! Уж будь покоен!

ПУШКИН

Буду. Буду покоен, бес.

БЕС

Будешь. Как все вы, бранные,
Бесы обыкновенные.

ПУШКИН

Ты – особенный?

БЕС

Да. Я гений.
Вот – взгляни-ка на мой портрет.
Что ты видишь?

ПУШКИН

Что ты умений
Не лишён. Гениально? – Нет.
Право же, отвратительно!

БЕС

Может быть – оскорбительно?

ПУШКИН

Кабы я получил такое
От Дантеса... Постой, постой...

БЕС

Догадался? И всё рукою
Левой...

ПУШКИН
Левой?

БЕС
Конечно, той,
Кою узнать – немислимо.

ПУШКИН
Гений ты, бес! Брависсимо!
Написать... да послать себе же...
Анонимку...

БЕС
«Рогатый муж!»

ПУШКИН
Руку левую много реже
Я использую, да...

БЕС
К тому ж
Не для письмен – в хозяйстве лишь,
Или когда азартствуешь.

ПУШКИН
Эко слово-то! Не по-русски.

БЕС
Много ль русского – в русском? А?
В языке и...

ПУШКИН
Постой... Французским
Должно быть языку письма!

БЕС
Как же иначе будешь ты
В свинстве винить не тутошних?
И Дантес, и папаша-Геккерн
В русском смыслят, как ты – во мне.

ПУШКИН
Никому не понять, вовеки,
Жарко, холодно ль сатане!
Нет на тебе печати-то:
«Честен!» Но уличать тебя –
Мне ль, ей-богу?

БЕС
Взвалив на плечи
Ношу тяжкую – покорись,
И нести её будет легче.

ПУШКИН

Да.

БЕС

Овидий сказал, кажись.

ПУШКИН

Гений... Постой...

БЕС

Ну? Что ещё?

ПУШКИН

Вспомнил...

БЕС

О чём-то стоящем?

Пушкин молча, забыв о бесе,
Ходит, ходит, да руки трёт.
Вспоминает былое, весел...
Кишинёв... Двадцать первый год...
Ложа «Овидий»... Таинство...
Братство, свобода, равенство...
Любознательность? – Да, полезно
Знать поэту: что есть масон?
И тем паче, когда отрезан
От привычного мира он...
Но, опасаясь бедствия –
Тайных собраний следствия, –
Государь запрещает ложу,
Непослушным петлёй грозя...
Кто имущество спрятать может?
Заподозрить кого нельзя? –
«Брата», о чьём причастии
Знать не имеют счастья...
Так достался ему, случайно,
Весь «Овидиев» инвентарь.
О, не раз он дрожал ночами,
Опасаясь: прознает царь!
Но не прознал. А «братия»
Вовсе о том понятия
Не имела... И слава богу!
Знал лишь тот, кто вручил добро...
Всё ж – однажды, объят тревогой,
Он подумал: «Оно – старо,
Вряд ли кому пригодное.
Мне ж, коль хочу свободы я,
Уличительных сих предметов
Будет лучше заместь следы...»
Что – сгорело, а что – от света
Скрыто глубиной речной воды...
Всё, что сберёг, – перчатки и

Красный сургуч с печаткою,
Видно, пробной, неважной...

БЕС
Пушкин,
Думай вслух. Что со мной молчать
О припомненной безделушке?
Где ж «Овидиева» печать?
Уж не за теми ль книгами?

ПУШКИН
Верно. Коль нужно – мигом я...

БЕС
Доставай. Поглядим, годится ль.
В сей затее масонский след
Может важною стать частицей,
Коли знания об оной нет.
Ты никому не сказывал?

ПУШКИН
Дельвигу. Но ни разу я
Ни при ком из досель живущих
Не обмолвился. И зачем?
Председатель же ложи, Пуцин
Пал Сергеич, да казначей –
Помнят печатку первую.

БЕС
Знаешь ли то наверное?

ПУШКИН
Как не помнить-то? Впрочем, в ложе
Не использовалась она,
И из памяти их, быть может,
Безвозвратно удалена.
Лет уж немало минуло...

БЕС
Верно, никто не милован
И ничто на земле – летами.
Только Богом, да мной подчас...
Но болтание языками
С места вряд ли содвинет нас.
Дай же печатку!..

ПУШКИН
Вот она.
В нянин платок замотана...

БЕС
Ай, заплачь ещё! Ишь как дрогнул
Голосок твой!

ПУШКИН
Оставь. Не смей.

БЕС
Ладно, ладно. Старушка – с Богом,
И, поверь уж, он ласков с ней.
Сказки – я слышал! – всё она
Шепчет ему, весёлая...
Улыбнись же! Легко о смерти
Лучше думать.

ПУШКИН
Но как?

БЕС
А так:
Никому из людей не светит
Бесконечно подлунный мрак.

ПУШКИН
Светит ли он?

БЕС
Надеждою
Светит и мрак невеждам, но –
Всё иллюзия... Ай, закончим
Философствовать! Дело ждёт!

ПУШКИН
И смертельное, между прочим.

БЕС
Больше думай о том – в живот
Пулю получишь точно ты!

ПУШКИН
Было ведь напророчено...

БЕС
Да уймись же ты!

Бес нервозно
Крутит-вертит в руках печать.

БЕС
Циркуль, птичка да птичьи слёзы...
Буквы!.. Знаю, что означать
Должно им! Без сомнения,
Непревзойдённый гений я!

ПУШКИН
Говори же, мой гений чёрный!

БЕС
Видишь циркуль? В нём «А».

ПУШКИН
И что ж
В этой букве?

БЕС
Дурак ты чёртов!
Покровительница всех лож!
Вспомни!

ПУШКИН
«Астрея»?

БЕС
Умница!

ПУШКИН
Я бы не смог додуматься.

БЕС
Хорошо, что не смог бы. Значит –
Не додумается никто!
Дале... Птичка. Ну, будь же зрячим!
Что в ней спрятано?

ПУШКИН
Клюв?

БЕС
Не то!
«О» в ней! Ужель не видишь ты?

ПУШКИН
Вижу теперь. «Овидий», что ль?

БЕС
Ну, конечно!.. Теперь же глянем
В середину. Здесь «А», «Пэ», «эР».
Кто всем ложам был доброй няней,
А потом испугался мер,
Коими детки мерят-то
Равенство?..

ПУШКИН
Кто?

БЕС
Тетеря ты!
Государь Александр! Романов!
А по бабушке – Палыч он!

ПУШКИН

Понимаю теперь... Но рано
Или поздно – разоблачён
Буду я с сей безделицей!

БЕС

Будешь. Куда же денется
Проницательность глаз потомков!
Ныне ж – нет, коль своим же ртом
Не шепнёшь ты излишне громко
В уши дружеские о том,
Как заварил ты кашицу...

ПУШКИН

Тише! Стучатся, кажется.
Ну! Исчезни же!

БЕС

Вздор! Меня-то
Не приметит никто. Лишь ты.
Но уйду. А местечки святы
Всё ж бывают, заметь, пусты...

Пушкин рычит, взъерошенный.
Бес исчезает. Брошены,
И печать, и портрет с рогами –
На полу. Снова в дверь стучат.
Задрожавшими вмиг руками
Поднимает поэт печать,
Прячет её за пазуху.
В это мгновенье – Азеньку
На пороге он зрит. Она же,
Обративши к портрету взор,
Усмехается...

АЗЯ

Саша, Саша...
Ах, какой ты рисуешь вздор!
Господи боже... Шутка ли
Контурсы чёрта жуткие!
Страх пред Богом в себе отринув,
Забавляешься, как дитя...

ПУШКИН

Не учи уж, Александрина!
Знаю сам, что грешу. Шутя.
С чем же пришла ты, милая?

АЗЯ

Вот ведь... О том забыла я...

ДЕЙСТВО ТРЕТЬЕ

Пушкин смотрит в окно: рассветный
Луч касается лба. А бес –
Запечатывает конверты
За столом, да бубнит: «Дантес
Не избежит возмездия...»

ПУШКИН
Что там бормочешь, бестия?

БЕС
Говорю: поединок – будет.
Так-с. Поди-ка сюда, да глянь:
Всем ли нужным в сём деле людям
Отошлём мы подложну дрянь?

ПУШКИН
Мне и глядеть не хочется.
Совесьть дрожит и корчится.

БЕС
Отчего же? Для дела ж только
И стараемся мы!.. Да ты
Не тревожься уж так, поскольку
Все пред Господом не чисты.

ПУШКИН
Я не о Боге думаю.
Но... Поступаю дурно я:
Под удар подставляю Ташу!
Честь пред светом её храня,
Как могу я проделку нашу
Допустить? Это жжёт меня.
Быть же и ей осмеянной...
Нет! Не могу! Не смею я!..

Во мгновенье – в окне темнеет,
И темнеет в его глазах.
Нет ни мыслей, ни чувств. Немеет
Всё внутри, будто Бог сказал:
«Умер ты ныне. Мёртвый ты,
С памятью разом стёртою...»
А очнулся – глядит, встревожен:
Нет шайтана – простыл и след.
Он – к столу. Меж бумаг – о боже! –
Очерняющих писем – нет.
Пушкин – за кудри: «Господи,
Письма я сам отнёс, поди...»
На диван возлегает, хмурый.
Закрывает глаза и вмиг
Зрит: французишка белокурый
К жёнки плечуку ртом приник;

Жёнка же – улыбается,
И не отодвигается...
Пушкин на ноги – скок! – взбешённый.
Да опять на диван, без сил.
Зрит: танцует она с пижоном,
Да охотно – едва спросил...
Вдруг – преспокойно с уст его
Песня слетает грустная:

ПУШКИН

Ой, калина ты, калина,
Чёрна ягодка моя...
Как же я тебя покину?
Ой, покину – сгину, сгину,
Красну кровушку лия!

Али мне Господь назначил
Чёрно-красну правду-ложь?
То-то, милая, заплачешь,
То-то слёзы не упрячешь,
То-то горестно вздохнёшь...

Ой, на снеги, белы-белы,
Чёрны кудри я сложу,
Да о ягодке неспелой,
Ой, неспелой да несмело
Пред кончиной затужу...

Али мне Господь назначил
Чёрно-белу грусть-печаль?
То-то, милая, заплачешь,
То-то горе не упрячешь,
Провожая в Божью даль...

Ой, калина ты, калина,
Чёрна ягодка моя...
Не испробую – покину,
Ой, покину – сгину, сгину,
Красну кровушку лия!

Видно, мне Господь назначил
Чёрно-красным – в белый снег...
То-то, милая, заплачешь
Да любовь свою не спрячешь,
Как вернусь к тебе во сне...

А над Пушкиным – бес.

БЕС

Ай, браво!
Я уж думал: минувших дней
Позабыл ты любовь-отраву.
Но не время теперь – о ней.

Ведь о Лолине песню ты
Пел... Не обманешь беса-то!

ПУШКИН
Замолчи! Я не думал!

БЕС
Думал.
Как запел, так и вспомнил.

ПУШКИН
Нет!
С головы всё былое сдунул
Ураган предстоящих бед!

БЕС
То – с головы. А песни ведь
В сердце живут, безвестные...

Пушкин беса за рог хватает,
За другой, да склоняет ниц.

ПУШКИН
Отчего твой язык болтает
О явленьях, страшной убийц?!
Злой ты! Бестактный! Каверзный!

БЕС
Значит, я прав. Покамест ты
За рога мя хватаешь в гневе –
Молвлю истину. Ай!.. Пусти!..
Погоди вот, с тобой на небе
Расквитаюсь!.. Ай!.. Ай!.. Прости!..
Шёлковым буду!.. Бешеный...
Ай!.. Неуравновешенный...
Ай!.. Хороший, хороший!.. Ну же,
Отпусти!

ПУШКИН
Ты меня не зли.

БЕС
Я не злю!.. Ты хорошим нужен
Только жителям сей земли.
Богу – ты нужен истинным!

ПУШКИН
Правда?

БЕС
Ей-ей! Я искренен!

Бес, отпущен, глядит серьёзно –
Будто бесом и не был он.

ПУШКИН

А грехи? Не Господь ли, грозный,
Нас карает за них с времён
Евы с Адамом?

БЕС

Правильно.

Грешник ли кто, иль праведник –
Всем по каре даёт. Но кара
За притворство – страшнее всех!
Не прощается смех фигляру,
Коли слёзы скрывает смех.

ПУШКИН

Как же тебе прощается?

БЕС

Знал бы, как то случается, –
Просветил бы тебя. Но, право,
Я не знаю Господних мер
Для частицы его лукавой.
Но бывает и Люцифер
Искренним и чувствительным.
Плохо ли?

ПУШКИН

Удивительно!

БЕС

Вот и я удивлён... Тобою.

ПУШКИН

Умоляю, не продолжай!
Покарал меня Бог любовью,
Как болезнью, о коей – жаль,
Что не смертельна, страшная,
И не даёт вчерашнему
Позабиться ни на минуту.
Сколько ж минуло лет уже
С той поры, как...

БЕС

Да шесть, как будто.
Только что же лета – душе?
Не преуменьшить времени
Данного Богом бремени.

ПУШКИН

Всё – от Бога. Жена – тем боле.
Не жалею. Свята она!
Пусть и чувства не те, и болью
Заплатить мне за них сполна –
Что ж, заплачу. Хоть смертью,
Ждущей к себе усердия.

БЕС
Поглядим, чем заплатишь вскоре.
Коль гадалка твоя права –
Будет счастлива нашим горем
«Белокурая голова».
Но! Коль ошиблась немка, то...

ПУШКИН
Полно! Поди. Мне некогда.

БЕС
Ухожу, ухожу. Работай,
Как привычно тебе с утра,
И коль сможешь черкнуть хоть что-то
О деяньях царя Петра.
Да не забудь портретик мой
Спрятать от лишних третьих-то!
Жаль, что Азя портрет узрела.
Ведь поймёт, что к чему. Потом.

ПУШКИН
Ничего. Ей обычно дело:
Ведать правду – с закрытым ртом.

БЕС
Что ж, поглядим. Пошёл-ка я...

Бес исчезает.

ПУШКИН
Шёлковый!..

42
Теперь, постигший правду о печати,
О гнусном пасквиле, кой бес мне нашептал, –
Укоров искренних обрушишь ли ты шквал
За прегрешенья, Господом зачаты?

Виновен я. Но также – невиновен
В противоречии недоброго добра...
Господь – чрез беса – мне нашептывал: «Пора!»,
А человечья суть моя – иное.

Летами да умом ещё не старый,
Я жаждал жить! А утомлённая душа
Искала выхода из плена, обветшав,
Как от руки бесчувственной – гитара.

Убийственно сие противоречье,
Когда душа, нестройной музыкой полна,
Своей усталостью становится сильна
И с Богом петь стремится безупречно.

А ты – со всем, что есть в тебе земного, –
Ещё цепляешься за мёртвую струну...
И всё надеешься: окажешься в плену
Чьего-нибудь живительного слова.

Друзья, собраты... Всяк из них встревожен –
Неотступающий в тебе завидев сплин!
Но всё – иллюзия. Поэт – всегда один,
И нет того, кто явственно поможет.

«Храни Господь!» – торопятся вещать, но
С непостижимой душой (и на треть!)
Поэту жить на сей земле и умереть
Под ношею бессмертья беспощадной...

Опаленные войной

Олег Русаков

ГЛАВА 16. ЕВДОКИЯ. СУДЬБА.

Нелепые сборы, нелепое прощание, тяжелая повозка за уставшей лошадью, взгляд жены с выражением отчаяния, и безысходности, молчаливой просьбой о скорой встрече с мужем... Евдокия подъезжала к дому в Кушелово, простившись вчера с Федей, который убежал ... на войну... Прижимая Танечку к груди, кутая ее в теплые одеяла, Дуся все пыталась представить себе каким образом она одна с двумя детьми, один грудной, поедет в неизвестное ей путешествие, которое называется непонятным словом «эвакуация».

Колеса вагона отстукивали ритм жизни огромной обороняющейся страны, по которой на запад перемещались оставшиеся у страны регулярные войска, а на восток ехали фабрики, заводы и люди нужные, так необходимые для того, чтобы эти заводы и фабрики уже завтра начали давать на фронт необходимую продукцию.

Евдокия не спала. Пульс огромной страны непривычной монотонностью удлинял минуты, рождая необычные видения в красном мареве вагона от открытой буржуйки в полусне гражданской теплушки. Евдокия отчетливо увидела горящую речку Сестру, разделяющую улицы Кушелово, протекающую за двором их дома. Из реки взвивались языки пламени облизывая берега и душу Дуся. Сердце щемило, но огонь не был горячим, он был неприятным, он был жгучим. На другой стороне речки она увидела солдата. Солдат помахал ей рукой и пошел от речки проч.

- Леша, Леша - негромко крикнула Дуся, почему то зная, что это ее брат, солдат услышал ее, оглянулся и еще раз помахал ей рукой. ...И пошел дальше.

Она услышала скрип колодца, когда в нем поднимают воду. Дворовый колодец был выкопан отцом Иваном в 17м году возле дома. Оглянувшись на колодец, увидела еще одного солдата, пьющего колодезную воду прямо из ведра. Солдат очень долго не мог напиться, солдат пил глоток за глотком и не хотел останавливаться. Когда напился, и вытер рукавом правой руки мокрую воду с небритого подбородка, сказал Евдокии, не поворачиваясь к ней лицом.

- Извини Дуся, что не написал тебе ответ на твое последнее письмо... – Егор помолчал - ...Теперь не скоро встретимся.

- Егор... – удивленно произнесла Дуся – А ты что здесь делаешь?

Егор, молча медленно повернулся. Лицо его не было молодым. В его лице

Литературный сериал

было столько боли, сколько Дуня еще никогда в жизни не видела.

- Господи, что с тобой Егорушка, где ты сейчас милый. Егор молчал, смотря на Евдокию грустными, безжизненными глазами. Их молчаливый взгляд друг на друга был долгий, и Евдокия хотела его разорвать, но никак не могла. Но вдруг Егор моргнул, отводя свой взгляд от взгляда Дуся.

Егор глянул выше Дусяного плеча, напряженно всматриваясь вдаль. Евдокия невольно посмотрела туда же. За горящей речкой стоял еще один солдат. Дуся не видела его лица, но она почему-то отчетливо поняла, что это Федор, что это ее муж... Она хотела ему закричать и бежать ему навстречу, но ни то, ни другое сделать почему-то не могла. Подбородок не слушался ее воли, ноги как чугунные колонны налились невероятным весом, с которым она не могла справиться. Она еще и еще раз пыталась крикнуть, она почувствовала, что какой-то звук у нее получился, и не должны услышать... Фёдор должен ее услышать... Она напрягала все свои силы. Попытки повторялись и повторялись из последних сил...

- ...Дуся... Дуся, что с тобой... Дуся проснись, не кричи так сильно детей разбудишь. - ... Евдокия проснулась от тряски за плечо. Над ней стояли бабы. Леля трясла ее изо всех сил... Дуне было холодно от не видимого красного света буржуйки и стука колес поезда. На лбу выделился холодный пот. Ближе к стене вагона на ее нарах завернутая в одеяла сопела малютка - Танечка. Толя спал на следующих нарах у нее в голове. Почти погасшая буржуйка по-прежнему растворяла полную темноту вагонного пульса красным мерцанием. Евдокия, тяжело дыша, откинулась на подушку...

Через два дня тяжелейшего железнодорожного путешествия в «эвакуацию» заболела Танечка. Она заболела внезапно и неожиданно. Танечка горела и тяжело дышала. Она перестала плакать и почти не шевелилась. За день она ни разу не взяла титку и отказывалась пить воду. Евдокия не выпускала Танюшу из рук, то пытаясь ее разогреть, то пытаясь ее остудить, но все было напрасно... Ночью... Танечка... умерла... Она перестала дышать тихо и спокойно... Ее скоротечная болезнь, как и скорая смерть, была тихой, без плача и крика.

В начале четвертого ночи поезд остановился на полустанке, на котором не горел ни один фонарь. Объявили, что стоять будут как минимум час. Женщины вышли из вагона, в полной темноте, под железнодорожной насыпью выкопали неглубокую могилку и уговорили Евдокию похоронить девочку, боясь, не заболела ли Танечка какой, ни будь заразной болезнью, все боялись оставлять ее в вагоне, в котором кроме Танечки ехало еще восемь детей. Евдокии, в конце концов, пришлось подчиниться и, смирившись с судьбой, из последних сил забраться в вагон без дочери, когда объявили об отправлении поезда. У Дуни не хватило сил дойти до нар, где уже... не лежала Таня... Евдокия, двигаясь неровным шагом ватных ног, рухнула перед своими нарами. Она была убита внезапным и жестоким горем. Бабы испугав-

шись. Бабы схватили Евдокию сначала под руки, но тело как будто покинула жизнь. С трудом положив ее на нары, они начали бить по ее щекам...

Бабы с трудом переживали трагичность случившегося, поэтому, когда схватились о названии полустанка, выяснить это было уже не возможно. А поезд шел дальше и дальше, увозя женщин и детей в бесконечную неизвестность.

Путешествие в НЕИЗВЕСТНОМ

Уразова Татьяна

Экипаж Атома готовился к отлёту. Макс и Волик, хотя ещё и слабые, проверяли системы жизнеобеспечения, Лёлик вносил изменения в навигационные программы. Он решил облететь Зею, зарегистрировать радиационный и температурный фоны, уточнить геофизические карты планеты. Разведчик сделал все интересующие анализы, даже облетел ближайшие селения. Тёплая волна пробежала по телу при воспоминании о Борьке с Мишкой. Такие маленькие, а какие шустрые! И тут же сработала перехваченная мысль. Кто-то просил о помощи. Лёлик задумался. Юрос... Юрос... Бедный Жека... Чтобы придумать и обмануть чудовищных пауков

смертоносной планеты? Светало. Вновь взвыл хаарт. Да что же это такое? До взлёта осталось меньше часа. Легки на помине! Борька с Мишкой! Мгновение и они внутри комолёта. Настороженно, но без бывшего страха пацаны оглядывались по сторонам. Но всё было прозрачное, на востоке разливалось золотое свечение. Мишка, сам не ожидая от себя такой смелости, вдруг громко спросил:

- Вы, что похожи на медуз? Я читал про океаны и моря, и знаю про медуз, они были, как желе прозрачные и ядовитые. В морской воде были невидимы, и часто люди обжигались. А ядовитые ожоги лечить было нелегко. И вы такие?

Лёлик не удивился наивности Борьки. Откуда ему знать о достижениях науки. Они на Зее отстали от всех почти на тысячелетие. Считав вопрос, Лёлик нехотя, ответил:

- Нет! Мы не медузы, но мы умеем менять плотность тела. И к тому же наша раса действительно прозрачная, обладает телепатией и многим, многим другим, что объяснить пока вам невозможно. А вы зачем явились вновь? Мы улетаем.

-Мы тоже хотим с вами улететь, возьмите нас с собой! Мы только ростом маленькие, может, пригодимся.

-Наши планеты похожи, но вы не подготовлены к такому полёту. И подумайте о матери. Что с ней будет?

- Волик, что ты думаешь по этому поводу?

- Ничего не умеют, ничего не знают, но с другой стороны с помощью их легче будет найти контакт в дальнейшем с людьми. Как я понимаю, мы скоро вернёмся с помощью. А помощь им нужна. Их устроим в школу астронавтов. Всему научатся.

-Но они не умеют переходить из одного времени в другое! Если только в экспериментальных костюмах Кроста. Ну да. Это возможно. А мать? Умрёт с горя. Нет, нет!

- У них, что элементарного радио нет? Включись и пусть передадут матери послание, что через год, другой прилетят. С другой стороны, и народ психологически подготовится к нашему прилёту.

Лёлик согласился. Поискал частоту на которой, предположительно на Зее бормочет радио и Мишке объяснил, что тот должен сказать громко и чётко. Мишка почти проорал, хотя не очень поверил в эту затею:

Литературный сериал

- Мама, нас с Борькой не ищи! Мы улетели, но вернёмся через два земных года. Ты нас дождись. Мы очень, мам, тебя любим.

- Одевайте пацаны костюмы, которые принесёт Макс. Он подключит вас к питанию и кислороду. Не дёргайтесь. Постепенно научитесь нас видеть.

Борька почувствовал прикосновение кого-то невидимого, который натягивал на него невидимую упругую одежду, от щекотки он даже рассмеялся, а Мишка сам помогал натягивать костюм, его мозг и психика быстро адаптировались к меняющимся условиям. Он даже почувствовал Макса. Все системы жизнеобеспечения подключал Волик. Он то и сказал Лёлику:

- Лёлик, а этот-то пацан скороспелка, он уже входит в наше время. Второй послабее, а этот ого-го!

Лёлик отдавал команды. Макс и Волик только успевали отвечать:

-Есть!

Бесшумно Атом летел в зарю. Мишка с Борькой разинув рты смотрели то вверх, то вниз, то по сторонам. Красота поражала их воображение. Лёлик про себя посмеивался над незадачливыми путешественниками. Он- то знал, что при переходе из одного времени в другое они будут крепко спать. Атом пронизывал пространство и время с невероятной скоростью, словно переходил просто из одной комнаты в другую. Вдруг Волик вскрикнул:

- Командир! А пацаны помогут нам, Жеку вызволить с Юроса! Во-первых, на них костюмы хамелеоны, выдерживающие самые высокие температуры Юроса, во-вторых они очень маленькие, а в третьих пауки не знают об их существовании, и у них анализатор показал - от тела исходит странная аура высокой частоты, которую пауки не переносят. А?

- Ну, молодец Волик! Вот это мысль! Как они переносят полёт?

- Нормально! Словно всю свою маленькую жизнь, только и делали, что из одной галактики прыгали в другую.

- До Юроса ещё далеко.

Гром то и дело выходил на связь. На Юросе обстановка накалялась. В центре управления полётами никак не могли решить, где лучше посадить Атом. Волик работал над телепатической связью с Жекой. Обрывки его мыслей никак складывались в общую картину. Наконец Волик понял, что Жека не один, что там много пленников, что вода на исходе. Гром сообщил, что воду вот-вот доставят водолёты с ближайшей базы. Макс вычислил местонахождение Жеки. А это был оплавленный горный массив, и в нём в глубоких штольнях содержались пленники, которыми кормили драконов. Но Жека жив! Решили сесть на раскаленной площадке недалеко от пылающего вулкана. Риск? Но что делать? Туда пауки не поднимаются. Боятся внезапного выброса лавы.

Мишка и Борька проснулись перед самой посадкой. Им показалось, что они спускаются в ад. Всё пылало. Небо, горы, деревья были алого цвета. От страха их сердечки бились в бешеном ритме. Лёлик их успокоил:

- Не бойтесь. Здесь безопасно. Вам хотелось адреналина, вот и получите в полной мере. Нам нужна ваша помощь. Только вы можете спасти Жеку и других пленников.

Сейчас Волик объяснит вашу задачу. Мишка ты будешь главным в этой операции, здесь нужен хороший аналитический ум, а Борька будет помогать, в нём хорошая авантюрная жилка. Волик пойдёт с вами. Думайте чётко, чтобы я понимал, что происходит с вами. Страшно?

- Нет! Интересно! – заявил Борька.

В его воображении он геройски и легко, как в кино спасает пленников.

-Страшно...- неуверенно сказал Мишка.

-Не слушайте его, он всегда чего-то боится, хлипкий какой-то, все - знают! - убеждал Борька невидимого Лёлика.

- Можете отказаться.

-Нет! – хором ответили пацаны.

-Ну, тогда слушайте наш план.

Получив полную информацию о Юросе, о плане операции, о том, как надо ходить по нему, пацаны прошли тестирование на физическую подготовку и психологическую. Лёлик изучая Мишку, понял, что он уже видит их контуры, а значит, будет идти след в след за Воликом. С Борькой тяжелее, его придётся ставить за Воликом, а Мишка будет замыкать их тройку и держать в поле зрения и Волика, и Борьку. Борьке подключили мини радар, чтобы по нему он мог определять местонахождение Волика и Мишки. Ещё раз проверили амуницию.

- Приготовились!

Мгновение. И Атом их выплюнул в пекло. Волик и Мишка, подтащив Борьку, поставили его между собой, и по отполированной, оплавленной поверхности двинулись в путь. Как на коньках, только медленно, медленно катились они пока ещё по горизонтальной поверхности. Откуда-то сверху сыпал огненный дождь. Казалось, эти искры прожгут насквозь их костюмы. Борька шёл за Воликом по радару, не отрывая от него взгляд. Страх сковал его тело и душу. Он старался не смотреть по сторонам. Мишка наоборот изумлённо смотрел на неведомый ранее мир, его любопытство не имело границ. Даже страх отступил. Он видел очертания и Волика, и Борьки. Борькин страх внезапно настиг его, и тогда успокаивая брата, он уверенно крикнул:

-Не бойсь, Борька! Я рядом.

Подойдя к кромке площадки, услышали команду:

-Приготовиться к полёту!

Как далеко ушла цивилизация! Слово в момент выросли крылья и понесли их вниз в каменистое ущелье. Мишка не отрывал взгляд от пылающих деревьев и кустов, облюбовавших оплавленные склоны. Они показались ему живыми и агрессивными.

Только бы не упасть на такой куст или дерево! Тогда всё-хана! Но видимо, этот Юрос хорошо изучен, и программа спуска отточена до идеальности. Даже огненные вихри оказались не помехой. Посадка оказалась мягкой. Они слились, как хамелеоны с окружающим ландшафтом. С этого места был виден вход в штольню. Пауки ползали и по склонам, и по площади перед входом. Пышущие паутины свисали над входом. Волик останется здесь и будет координировать действия Мишки с Борькой. Видимые для пауков, странные скафандры напоминали головы кузнечиков, поэтому было решено, что ребята будут прыгать, как блохи, чтобы их признали за новый вид насекомых. А пауки насекомых обожают! Но эти насекомые будут несъедобными, то есть ядовитыми для пауков. Борька физически развитее Мишки, но даже он понял, как будет тяжело им допрыгать до входа в штольню. Волик дал команду пуска. Что-то приподняло Мишку и опустило, еле успел встать на ноги. Сразу же, без передышки, новый бросок. Мишка думал только о том, как бы ему не убится. Борьке прыжки давались легче, он вошёл в роль и радостно прыгал. Так и допрыгали до первой линии обороны пауков. Пауки, охраняющие эту линию, ничего не поняли, когда неизвестно откуда взявшиеся блохи перепрыгнули линию обороны. Мишка, ох уж этот Мишка чуть не влетел в висевшую паутину. Хорошо, что Борька прыгал вслед за ним и вовремя сбил его, не дав паутине зацепить Мишку. Но и паутина вдруг сжалась, как шагреновая кожа, почувствовав смертельную опасность, исходящую от блохи. Волик направлял их прыжки в нужную сторону, то и дело слышалось:

- Борька – влево! Мишка - прямо!

Сами ребята пока не ориентировались в пространстве. Пауки мохнатые и колючие ощетинились при виде блох, удивляясь им. У входа в штольню Волик дал приказ замереть и на время притвориться камушками, отдохнуть. Надо было дожидаться новых пленных, которых то и дело подвозили к штольне и проскакать между

Литературный сериал

ними внутрь. Мишка устал до одури, свернулся калачиком и чуть не уснул. Борька считал пауков больших и поменьше, когда появился громадный паук с зелёным глазом, и направился прямо к Мишке. Мишка онемел от страха, ни одной мысли не пронеслось в его умной голове, что и спасло ему жизнь. Паук решил, что видит камень, свалившийся сверху, или кусок остывшей лавы, ужасно неприятный на вид и запах. И брезгливо отошёл в сторону, а потом за своими делами забыл о них. Сколько времени пацаны пролежали, никто из них так и не понял. Наконец пауки подвели к входу несколько десятков пленных, среди них были просто чудовища видимые, были и только осязаемые контуры, и вообще непонятные существа. Мишку от их вида начало трясти. Но Волик быстро прекратил трясучку, приказом затеряться между пленными и вкатиться с ними в штольню. Теперь им пришлось катиться кувырками, пленные их пропускали вперёд. Такое они видели впервые, хотя их опыт был настолько богат, и на своём веку повидали столько тварей, что не в состоянии были их даже перечислить. И вот они уже в штольне. Но как найти Жеку?

Даже в самых кошмарных снах Мишке не снились такие ужасы. Движущиеся, противно скрежещущие стены, арочные потолки с ползающими мелкими пауками, сизый воздух, струящийся из коричневых труб. И зелёные пауки, плюющиеся смрадной жидкостью. Бедные пленные, заранее сломленные знанием об изуверствах пауков, плелись в одну шеренгу, то и дело, спотыкаясь то о Борьку, то о Мишку. Наконец их подвели к огромному котловану, в конце которого за массивными решётками изрыгали огонь многоголовые драконы. А на каменистом полу сидели и лежали измученные пленные. Словно из – под земли появился паук с зелёным то ли третьим глазом, то ли анализатором. Пленных рассортировали по группам. И тут Мишка с Борькой услышали Волика, вернее приказ оказаться впереди самых огромных пленных. Около них пацаны вообще не могли привлечь к себе внимание.

Стоя на краю котлована, вдруг услышали движущийся скрежет. Огромная стена надвигалась на них, подталкивая пленных к самому краю. Мишка с Борькой не дожидаясь толчка спрыгнули в котлован. Когда Волик включил мягкую посадку, они и не поняли. Встав на ноги, успели, отбежать от падающих гигантов. Тех, кто разбился, пауки приказывали оттащить на корм драконам. И так группа за группой пленников оказывалась в котловане. Мишка с Борькой не понимали, по каким признакам пауки определяли: кто жив, а кто помер. Борьке всё казалось сплошным холодцом. Он удивлялся Мишке, который уже свободно ориентировался среди инопланетных тварей. А Мишка искал своих прозрачных. Благодаря маленькому росту они протискивались в самые узкие щели. В нише стены он различил двух прозрачных. Один лежал, второй сидел. Пацаны пристроились рядом. Волик дал сигнал. Мишка настроившись, как его учил Лёлик, начал мысленно произносить: - Жека. Жека. Жека.

Сидящий, встал. Снова сел. Мишка звал и звал его до тех пор, пока Жека не понял, кто его зовёт.

- Ты кто? – услышал Мишка.

- Я от Лёлика. За вами.

- Но я не один. Вот лежит Вовик. Он очень слаб. Завтра отправят к драконам.

- Мы должны сегодня выбраться.

- Но как?

- У Борьки, что сидит рядом со мной, на спине карман. В нём три костюма. Достаньте. Я не умею. Я вижу только ваши контуры. Достали? Теперь один оденьте на Вовика и на себя.

- А вы с какой планеты?

- Нам Лёлик запретил говорить.

Жека с трудом надел экспериментальный костюм, а натянуть на Вовика помогал, как мог Мишка.

- Скоро свет выключат. Сейчас у них экономия. С водой плохо.

Жека замолчал. Видимо с ним заговорил Волик. В этом костюме мысли улавливались лучше.

-Теперь руководство операцией беру на себя,- заявил Жека, - по моему сигналу

взлетаем на край котлована. А сейчас продвигаемся потихоньку к другому краю. Слушайте внимательно. Стена реагирует на всех, кроме вас. Поэтому вы взлетаете первыми и подвигаетесь к стене. По мере вашего продвижения стена будет отодвигаться. Надо, чтобы она отодвинулась на два моих роста. Даёте нам сигнал, и я взлетаю с Вовиком. Мы отползаем по ходу штольни на безопасное расстояние. Вы нас догоняете. Борька становится впереди нас, а ты Мишка позади. Вас пауки боятся. Нам придётся ползти, поэтому тебе Мишка придётся прикрывать нас на бреющем полёте. Поняли?

Свет внезапно погас. В темноте ещё страшнее казались огненные изрыгания драконов. В момент их передышки по команде Жеки, пацаны взлетели на край котлована. Стена и правда, отодвигалась, хотя и медленно, а может так казалось из-за страха. Наконец-то, дождавшись новой темноты, взлетели Жека с Вовиком. Жека тащил Вовика на себе, уползая всё дальше и дальше от стены на безопасное место. Борька прыжком оказался впереди них, а Мишка навис над ними. Пауки очнулись, почуяв запах прозрачных, но никто не посмел приблизиться к ним. Так в окружении полчищ пауков они выползли из штольни. У Жеки уже не было сил тащить Вовика, но впереди ещё три линии. Откуда только силы взялись? Пока пауки не придумали какой-нибудь хитрости, надо было уползать. Все в плевках пауков они преодолели последнюю линию обороны. А пауки-то трусы, тоже жить хотят, думал про себя Борька. Красные смерчи вились около них, как живые.

- Все легли. Приготовились. Взлёт. – услышали голос Волика.

И как гордые птицы они взмыли в чудовищное небо Юроса. Считанные секунды и Волик обнимает Жеку и Вовика. И снова полёт к вершине, к мыльному пузырю, к Атому. Пауки опомнились, но уже поздно. Спасатели и спасённые в карантинном отсеке.

- Все отдыхаем. Атом направляется домой, на родную планету Клео.

Мишка с Борькой находились в странном состоянии, то им казалось, что на них давит та страшная стена, и вот – вот они лопнут, то взмывали пушистыми облаками в небеса, испытывая успокаивающую негу. Если бы они видели себя со стороны, как видит их Лёлик, то просто сошли бы с ума. В прозрачном мыльном пузыре, летящим со сверхкосмической скоростью, называемой «Зуля», зависли два желеобразных яйца с двумя эмбрионами в экспериментальных костюмах, находящихся то ли в нирване, то ли в глубоком сне. Лёлик беспокоился за них, неподготовленных к таким перелётам, казнил себя за легкомысленность в решении взять пацанов с собой и в тоже время гордился ими. Гром объявил ему благодарность за спасение Жеки с Вовиком и обещал устроить самый тёплый приём Борьке с Мишкой. Школа астронавтов уже ждала своих инопланетных героев. А Мишке вдруг приснилась родная Зeya в зелёном цветущем наряде, тёплый ветерок касался его шевелюры, а мать тянула к нему руки, звала его ласково:

- Сынок, Мишуня родной, вернись к мамке. Я так соскучилась, все слёзы выплакала. Это же надо по радио сообщить всему миру, мол, мы улетели. Куда можно улететь, скажи мне? Ты же не птица, а ракет нет на Зее. Сам куда-то делся, ещё и Борьку за собой потащил. Борька – то глупый, как ветер в поле. Горюшко - горе. День и ночь молю Бога за вас.

Борьке тоже снилась родная Зeya, речка, мать. Мысленно он прижимался к мамке, и обещал больше никуда и никогда её не покидать.

Экипаж был уже в полной готовности, все изоляторы опустели, астронавты заняли рабочие места. В голубом сиянии проявилась Клео. Она примерно в три раза больше Зеи, хотя возраст их одинаков. Лёлик связался с ЦУПом, Гром дал команду

Литературный сериал

выходить на орбиту Клео, и не забыл спросить про героев. Лёлик с удовольствием сообщил, что их самочувствие в норме, и скоро они придут в бодрое состояние. Началось снижение. От высоких перегрузок пацанов спасали костюмы Кроста. Яичные коконы снял с них Макс. Первым открыл глаза Борька:

- Ух, ты! Красотища, какая! Мы на Зею вернулись что ли?

- Нет! Это наша красавица Клео! - с гордостью ответил Лёлик.

Мишка, молча, слушал их, не показывая, что он пришёл в себя. Тоска матери разбивала его сердце, Мишке захотелось поплакать. Никакие они не герои. От страха можно и не такое совершить. А бедная мамка там одна одинёшенька. И зачем же они не пожалели мать. Остолопы.

- Не расстраивайся Мишка, - раздалось в голове, - посмотри на нашу Клео, станешь астронавтом, а мы за это время соберём большую экспедицию с помощью для вашей Зеи. И расцветёт Зея, как цветок. Современные заводы, жилища. Тем более образованных людей у вас много. Будет, кому руки и головы приложить к добрым делам. Через несколько минут вы впервые ступите на планету Клео, впервые вдохнёте её воздух, и поймёте, что она родная сестра вашей Зеи. Увидите столько чудес. И никогда не пожалеете. О своём решении.

Атом совершил посадку на ровное зелёное поле в раскрывшийся бутон, который сразу закрылся. В комолёте стало темно. Волик и Макс в полной темноте, как показалось Мишке с Борькой, сняли с них костюмы Кроста. Прозвучала команда:

- Расслабиться. Приготовиться к изменению плотности тела.

Пацаны крутили головами, но ничего не видели, слава Богу, что слышали. В комолёт стал нагнетаться газ, слышалось шипенье, стало трудно дышать, но продолжалось это недолго. Тихо и ласково заговорил Лёлик:

- Мишка и Борька, слушайте внимательно. Сейчас включится свет, и вы нас увидите не прозрачными, а такими, как вы, но мы немного отличаемся от вас, поэтому просим не пугаться. У нас нет ваших носов, но тоже большие глаза, очень тонкие губы, и нет ушей, но зато как у вас цвет волос. Вы быстро привыкните к нам.

Внезапно внутри всё засияло. Пацаны и не заметили, когда встали на ноги. Только сейчас они увидели: какой большой экипаж Атома. Внутри оказалось столько клеотинцев, что разбегались глаза. Лёлик был огромного роста, с выпуклыми карими глазами, с дырками вместо носа и ушей, и с длинными до плеч соломенными волосами. Он улыбался им во весь широкий рот. И по-своему очень красив. Макс был ростом пониже, но с голубыми глазами и очень серьёзным взглядом. Он внимательно всматривался в ребят, наверно пытался понять, как они себя чувствуют, глядя на них. Волик простодушно протянул им, теперь видимые руки, как бы приглашая в свои объятия. Он, как две капли походил на Лёлика. Остальной экипаж, все чернокожие, высокие и светло-русые парни, радостно хлопали их по плечам и проходили в открытый проём и словно уплывали по зеркальной дорожке в неизвестную и пугающую даль.

Бесшумно опустился серебристый и лёгкий аппарат похожий на НЛО. Из него вышел Гром в сопровождении двух клеотинцев, но они были совсем другие, хотя и высокие, но белокожие, зеленоглазые и с иссиня – чёрными волосами. Гром радостно обнимал Лёлика с друзьями и всё время искал кого-то глазами. До Мишки дошло, что их не познакомили с Жекой и Вовиком.

- Кого ищите, мой генерал? Жека и Вовик в изоляторе. Сейчас подъедет космическая санитарная скорая. Их надо обследовать и подлечить. Первую помощь мы оказали, ничего серьёзного не нашли, но всё равно надо досконально обследовать. Коварный Юрос, коварный...

- Ну, хорошо! А где герои, спасшие самого лучшего разведчика и самого лучшего механика? Это вот эти малявки? Не может быть! А сколько им лет? По четырнадцать? Такие маленькие, а такие герои!

Борька с Мишкой оробели перед большущим и добродушным с виду генера-

лом. Он

каждого по очереди поднял и прижал к себе, как ребёнка, а потом совсем, как мамка погладил их по головам.

- Ребят в школу астронавтов. Ими займутся сразу. А с вами Лёлик мы летим на командный пункт. Обсудим положение на Зее, единственной нашей родственнице. Который поменьше, я заметил, уже обладает телепатией, а тот который побольше туговато соображает, но соображает. У нас быстро разовьётся.

Прошло три года. Борька с Мишкой изменились до неузнаваемости. Подросли и возмужали, освоили клеотинский язык, не говоря о спецпредметах по астронавтике.

Подружились с Жекой и Вовиком. С Жекой они облетали всю Клео, и посмотрели, как хорошо живут клеотинцы, как они добры. А с Вовиком слетали на Блу и Коклан. Мамка бы посмотрела, какие бравые парни у неё выросли! Гордилась бы. Здесь тоже хорошо, но на Зее лучше! Конечно, на Клео всё ухожено, живут, как в сказке! И девчонки такие красивые, но на Зее красивее. И небо здесь всегда светлое, нет ночей! Поэтому здесь все высокие. Конечно, два солнца! И голубые океаны! А горы – какие высокие! Но всё равно хочется домой. Лёлик сказал, что экспедиция уже подготовлена. Мишка прошёл аттестацию, и допущен к полёту в составе экипажа. А Борька пройдёт завтра. Да пройдёт! Вовик с Жекой загружают комолёты техникой. Зезя-то как отстала! Приходится выискивать устаревшие для Клео технологии, но пригодные для Зеи. Целый караван комолётов полетит на Зею. Лёлик с такой любовью подбирал даже семена. Он мечтает с Михом и Борком сходить на рыбалку, искупаться в бане. Почувствовать вкус старинной, старинной жизни. Да теперь они Мих и Борк!

Неделя пролетела, как день. Борк прошёл аттестацию. Теперь они полетят все в одном экипаже, как равные: Лёлик – командир, Макс – штурман, Вовик – энергетик, Жека – механик, Вовик – планетист-разведчик, а Мих с Борком – рядовые астронавты, вернее начинающие. Был рассчитан час и даже минута с секундой их взлёта. Мих волновался до слёз, а Борк относился к полёту, как к должному. Полетим! И всё. За эти годы костюмы Костра усовершенствовались и комолёты. Муха и Борка научили менять плотность тела и на Зею они полетят прозрачными. Уже на Зее все примут естественный вид.

Полёт прошёл нормально. Гром был постоянно на связи. Мих и Борк вспоминая своё первое путешествие, смущённо посмеивались над собой. Какие были глупые!

Садиться, решили прямо у села на скошенном поле. Когда селяне увидели караван мыльных пузырей недалеко от деревни, то подумали, что у них начались галлюцинации. Самые смелые выдвинулись вперёд. Мать Борка и Муха опередила всех, она никого не боялась, так ждала своих любимых пацанов. Лёлик дал команду открыть выход из Атома. Первым спустился по откидному трапу Мих, за ним сошёл Борк. Когда увидели мать, забыв обо всём, они на всех парусах помчались к ней. Какая мать не узнает своих детей! Как бы они не выросли, не изменились.

-Мамка! Моя любимая мамка! – плакал, обнимая мать Мих, - как я соскучился!

Борк гладил мать по голове, как маленькую девочку. Какая же она стала маленькой, худенькой! Это они под двумя солнцами Клео вымахали под два метра.

-Лёлик! Жека! Макс! Волик! Вовик! Идите сюда! Мамка, это наши друзья!

Мать испуганно смотрела на огромных клеотинцев.

- Андреич! Иди сюда! Знакомься – это Лёлик! Это наши друзья с Клео!

Первый страх прошёл. И вот уже селяне вперемишку с астронавтами, вышедшими из комолётов, дружно ведут беседу. Женщины побежали накрывать столы. Застолье постепенно перешло в рабочую беседу. Селяне вызвали с соседних городов и сёл глав. Разве описать радость людей нежданной помощью. И вот уже решают,

Литературный сериал

где они разместят, привезённое оборудование, и кто на нём будет работать. Вечером натопили бани и впервые в жизни клеотинцы парились в бане. В каждом доме были гости. А потом дружно смотрели на звёздное небо и искали самую прекрасную планету после Зеи, конечно, Клео! Не забыли и про рыбалку. К утреннему клёву клеотинцы готовились с вечера каждый день. Работа, баня, рыбалка ... какая красивая планета Зея! В хлопотах время прошло незаметно. Подошло время улетать. Мать не успела насмотреться на сыновей, а они опять улетают!

- Мама, мы прилетим, обязательно прилетим! – успокаивал её Мих.

-Мам, мы скоро построим свои комолёты, нам Лёлик и клеотинцы помогут,- уверял мать Борк.

- Совсем скоро ваша жизнь изменится к лучшему! А Борк и Мих, да и мы часто будем прилетать к вам. Мы полюбили Зею!

Планета сплошной ледяной глыбой неслась во Вселенной. Борк и Мих, как альпинисты осваивали её пространство. И хотя в их жизни это уже не первая планета, интуиция подсказывала, что своей непредсказуемостью она схожа с Юросом. Вспоминая первую в жизни экспедицию на Юрос, они понимали, что им невероятно повезло с Лёликом, который дал им шанс стать астронавтами, что на той огненной планете, спасая Жеку, они узнали настоящую мужскую дружбу, что сейчас продолжают их благородное дело. Уже нет Лёлика, нет Жеки! Врезаясь буравами в ледяное тело планеты, чтобы расширить жизненное пространство, братья искали признаки жизни. Они здорово рисковали. Разведка всегда опасна, тем более для них. Тела землян более чувствительны к внеземным полётам. У Муха на Зее росли сорванцы, похожие на него. Жена Анна работала в ЦУПе. Вечные страхи превратили её в истеричную женщину. Об умении достать мужа, ходили легенды. А Мих ни на что, не обращая внимания, любил её до самозабвения и постоянно его личный сигнал мигал на экране КП. Борк – вечный холостяк. Вдруг буравы стали проваливаться, появилось ощущение, что лёд начал таять с огромной скоростью, втягивая их внутрь, пульсируя как-то странно. И вот они уже летят по узкому ледяному тоннелю, как снаряды, и как в далёком детстве орут от страха, забыв в те минуты, что они опытные астронавты, признанные Вселенной, в какое-то мгновение ставшие вновь Боркой и Мишкой.

Невероятно! Но планета живая. И лёд вовсе не лёд, а неизвестная биологическая субстанция. Тоннель кончился. Они влетели в сверкающее

белизной пространство. И если бы не фильтры на сетчатке глаз они бы точно ослепли. Мягко шлёпнулись в белые матовые кресла необычной формы, вернее, кресла приняли форму их тел. Отдышавшись, братья переглянулись. Борк передал, что у него нет связи с ЦУПом. Мих, как всегда оказался хитрее. Он ещё на Клео продублировал связь втайне от всех. Они просидели довольно долго, но никто так и не появился. Система питания и дыхания работала прекрасно. Специалисты на Клео были классные. Вдруг на сводах засветились картины. Боже! Они сканируют память. Вот родная Зея! Всё их детство и юность предстали перед ними. Очень странно, но только до встречи с Лёликом. Значит, Лёлик закодировал их мозг, и дальше он не читаем. Анализаторы передавали информацию ЦУПу. Вживлённые чипы не сканировались. Неизвестность томила.

Вход в тоннель затянула та же биомасса. Глаза закрывались. И вдруг ужас пронзил их души. Пространство начало заполняться людьми, не просто людьми, а их родственниками, знакомыми, вообще незнакомцами, с которыми сводила судьба, и встречам с которыми они не придавали значения. Они сновали перед ними молча, как будто кого-то искали и не могли найти, а может даже и вспомнить. Толпа увеличивалась каждое мгновение. Их остекленевшие глаза были безумны. Мих понял, что их воспоминания произвели клонирование людей из биомассы, а значит, здесь присутствует разум. Но почему они, Мих и Борк, для них - невидимы? Какую игру ведут с ними? Тела начали тяжелеть. Казалось, невозможно пошевелить ни рукой, ни но-

гой. Борк сконцентрировался, ушёл в нирвану, отключил сознание, и в этом состоянии стало невозможно считать его прежние воспоминания. Все призраки из его памяти начали исчезать. Миху было сложнее. Его эмоциональное состояние психики было тоньше и многообразней. Любовь к жене сыграла злую шутку. Она в простеньком платье тянула к нему руки, словно хотела его обнять. Мих понимал, что это не любимая с детства жена, что это призрак, но он не мог вот просто так расстаться с образом, которое создало его воображение. Она звала его. И он пытался встать с кресла, но как будто придавленный гранитной плитой, не мог. Ради неё он мог сейчас умереть. Вдруг заработали анализаторы, в голове пронеслись очень сложные составы воздуха, биомассы, отсканировались основные психотипы массы. Сама биомасса была живым существом мыслящим и тем более ужасным, что она не обладала качествами, присущими развитым, цивилизованным существам: жалостью, сопереживанием, уважением. Мысли о жене были отеснены удивлением: живая биомасса, как робот! Мыслящий, жестокий. Мозг непонятной планеты! Вдруг что-то их сжало и выплюнуло, как отработанный материал. Планета решила, что считала всю информацию и они ей больше не нужны. В доли секунды, которые показались вечностью, они оказались на поверхности, где их уже перестали ждать. И в последний момент они вскочили в комолёт. Домой! На Зею! На свою цветущую планету! Окунуться в алую зарю, искупаться в своей реке, вспомнить своих родных и поклониться памяти Лёлика, который всю свою жизнь заботился о Зее, и полюбил её. И где переливается всеми цветами радуги его комолёт – памятник открывателю Зеи. Забыть Ледяную!! Земля! Родина! Голубая планета! Они ещё нераз совершат экспедиции, но каждый раз будут возвращаться домой, где всегда их ждут, двух романтиков, двух смелых пацанов. Привет, Зея!

Долгая, долгая ночь

Анатолий Карасёв

Вася Морозов был бомж. Самый обычный русский бомж. В России это обычно как, например, милиционер или врач, хотя в отличие от бомжей последних уважают. Бомжей же, естественно, никто не уважает, да и за что? Вонючие оборванцы, алкоголики и неудачники. И даже больше – их презирают и ненавидят. А если два этих глагола помножить на место проживания (то есть на матушку-Россию), то станет понятно – быть здесь бомжом – ох и нелёгкая же доля! И нелёгкая эта доля свалилась на довольно хрупкие Васины плечи. Случилось же это как-то совсем неожиданно и невероятно. Как всегда у нас случается. Тут надо заметить, что был наш Вася детдомовским. Родная мамаша благополучно выкинула грудного Васю на помойку. Зимой. Где его, почти окоченевшего, и нашли сердобольные граждане. Нашли и отнесли в Дом малютки. Там же с ходу придумали имя с фамилией: «Вася» – первое, что на ум пришло, а «Морозов» – в честь того лютого мороза, который чуть не убил его. «Дом малютки»... Название какое – то издевательское. Назвали хотя бы «Приют малютки», ибо дом малютки там, где его мама и, по возможности, папа. Где мягкая кровать в уютной детской, нежные, заботливые руки, купания, гуляния и тёплая мамина сися во рту. Вообще, там, где любовь. Ничего этого в жизни Васи естественно (или неестественно) не было. Ни в Доме малютки, ни в доме детском. Есть ли вообще на свете более горькая судьба, чем судьба детдомовца?.. Была, правда, одна любимая воспитательница – Любовь Николаевна. Все они в детдоме её любили. За то любили, что старалась она заменить каждому из них мать. Хоть как-то. В меру сил. Любили за одну эту благородную попытку. А у Васи была одна затаённая мечта – мечтал он, чтобы Любовь Николаевна его усыновила. Всё представлялось ему в сладостных грёзах как гуляют они вдвоём по осеннему городскому парку, неслышно

Литературный сериал

падают с деревьев крупные, жёлтые листья, природа вокруг полна величественной грусти в преддверии зимней смерти, стаи перелётных птиц посылают земле свой прощальный, пронзительный крик, только им совсем не грустно. Они идут по аллее, взявшись за руки, едят мороженое и молчат. Им хорошо и без слов, ведь они вместе – мать и сын. Большого счастья Вася себе и представить не мог. Но, к сожалению, только представить. Как странно это – что для одного обыденность и даже рутина, для другого – вовек несбыточная мечта. Гоняется человек всю жизнь за призрачными жар-птицами, выбивается из сил, страдает, лишается сна и покоя, и всё впустую, а вот оно – его тихое, неприметное счастье – живёт рядом, любит его больше себя, прощает все обиды, радуется и грустит вместе с ним, заботится о нём днём и ночью. Неважно кто это: мать, отец, муж, жена, сын или дочь, важно, что это счастье есть почти у каждого. А вот у Васи не было. И с возрастом детская его мечта поблекла, а потом и вовсе растаяла как дым. Стало до неприличия ясно, что никому он, Вася Морозов, кроме себя самого, в этой жизни не нужен. Даже те дяди и тётки, что приезжали в детдом «за ребёночком» выбирали этого ребёночка как куклу в магазине – по красивей. А с этим у Васи были большие проблемы – неказистый он был какой-то, горбатенький, да и уши торчком. Сказывалась, наверное, дурная наследственность. Любимая воспитательница утешала: - «Не горюй, Васёк! Будет и у тебя в жизни праздник». Только звучало это как-то неубедительно.

Так и прошло его детство и юность в казённом доме. Пришла пора прощаться и с ним. На выпускном Любовь Николаевна смотрела на него печально и всё плакала украдкой. Вася, уже слегка подшофе, даже сказал ей:

- Любовь Николаевна! Что же вы плачете? Радоваться надо – большая жизнь начинается!

- Да, да, Вася, большая жизнь... Любовь Николаевна встрепенулась и попыталась улыбнуться. – Большая жизнь..., - повторила она, задумчиво глядя в окно. А за окном бушевало лето – жаркое, яркое, многоцветное и многоголосое, напоённое сотнями знойных ароматов, и казалось Васе тогда, что вся его жизнь будет как это лето. Обязательно будет. Просто не может не быть! Через несколько дней, прощаясь, Любовь Николаевна перекрестила его и тихо сказала:

- Ну, давай, Василий, с Богом! И опять заплакала.

- Да вы не волнуйтесь, всё нормально будет, - попытался утешить её Вася.

- Будет, будет... - отозвалась она как эхо, тревожно вглядываясь в неведомую даль у Васи за спиной. Потом молча повернулась и пошла к дверям, сгорбившись как старушка. В этот день Вася видел Любовь Николаевну последний раз в жизни. Нет, она не умерла - умер он, и в этом своём мертвецки-бомжовском виде показаться перед ней Вася так и не решился. Как-то не получилось оно - с Богом – то...

Хотя начиналось всё довольно гладко. Дали Васе комнату в коммуналке, не весть какую конечно, но всё-таки свой угол, тем более в центре города, в старинном дворянском доме. И на работу он устроился без особых проблем – грузчиком на оптовый склад. Склад был огромный, работы невпроворот, но Вася, несмотря на своё хлипкое телосложение, оказался на редкость выносливым и крепким парнем, да и сама работа ему нравилась. Просто доставляло Васе огромное удовольствие ощущать свою молодую, бьющую через край силу, наблюдать как эта сила опустошает или, наоборот, наполняет огромные, многотонные фуры, видеть как покорно откатываются они, побеждённые, в свой дальний, неведомый путь. А самым важным в этой работе было ощущение, что без него, без Васи, здесь не обойтись. Впервые в своей жизни он был кому-то нужен. Приходя вечером домой, в свою комнатёнку, Вася валился с ног и часто засыпал даже не успев раздеться, но и эта усталость не угнетала его, потому что была неотделима от любимой работы. И мужики в бригаде подобрались что надо. В основном были они все люди тёртые, битые жизнью, даже сидевшие, поэтому всему здесь знавшие цену. Узнав про Васино детдомовское прошлое, тут же окрестили они его «подкидышем», но звучало это совсем не обидно. Наобо-

рот, Вася чувствовал, что приняли его здесь за своего, признали за такого же бедолагу как они сами и «подкидыш» этот, конечно же не издевательство, а грубоватое и затаённое сочувствие. Вообще, среди этих людей обсуждать чужую жизнь, а тем более насмехаться над ней было, мягко говоря, не принято. За такое могли и прибить. Так и жили. Васю такая жизнь вполне устраивала, по крайней мере, пока. «Осмотрюсь, пообтешусь, - думал он часто, а то, может, и дальше учиться пойду, бабу заведу, ребятишек»... Будущее виделось ему вполне ясно. По пятницам после смены они всей бригадой дружно напивались или, как они сами выражались, «гудели». «Гудение» частенько перекидывалось для некоторых и на выходные, но не далее, ибо работа требовала лошадиного здоровья. Воспринималось это всеми как нечто само собой разумеющееся и навеки данное, в том числе и начальством, которое, надо сказать, и само было не промах. Ну что вы, в самом деле – все же люди! Тем более люди русские. Только вот похмелье Вася переносил тяжело и все выходные терпеливо и молча страдал. Вот в один из таких выходных и познакомился он с Санькой и Витьком.

А дело было так. В субботу, как обычно, после вчерашнего Вася, как он сам говорил «выхаживался». Это означало, что сидел он во дворе на скамейке с бутылочкой пива, покуривал и обзирал бездонность неба. На душе была тоска, в голове – туман, во рту – помойка, в общем - всё понятно. И тут, рядом с ним на скамейке, как будто ниоткуда, появился человек. Хороший такой парень, Васе он сразу понравился - открытое лицо, сочувствующий взгляд, добрая улыбка.

– Ну что, брат, тяжело? – пророчески спросил он, и стало сразу понятно: оттого, что Васе тяжело и ему самому нет никакого покоя. Вася молча кивнул.

– И у меня такая же беда, - продолжал незнакомец, хотя по нему вроде было не сказать. – Может, поправимся? Деньги есть. И Вася согласился, несмотря на то, что до этого никогда не «поправлялся». Ну, во-первых, не с кем было, во-вторых и без того тошно, а тут такой человек отзывчивый – как откажешь?

– Кстати, меня Витьком зовут, - представился «отзывчивый человек».

– Василий... - еле выдавил из себя Вася.

– Ну, ты, Василий, посиди, я сейчас... - и убежал. «Шустрый какой, - подумал про себя Вася, - мне вот с этого дела ни рукой, ни ногой, а он ещё бегаёт», - и проникся к новому знакомому ещё большей симпатией. Минут через двадцать Витёк появился с огромным супермаркетовским пакетом и в сопровождении ещё одного незнакомца.

– Санёк, тоже страдалец, - представил он его. – Вася, - они пожали друг другу руки. Санёк был высокий, сутулый и такой худой, что казалось сейчас переломится. Кроме того, был он угрюм, и всё время смотрел в землю, как будто что-то там потерял.

– Ну, начнём? – Витёк ловко достал из бездонного пакета хрустально-прозрачную ёмкость. – Зараза! - сказал он, глядя на неё, и в его голосе прозвучало отвращение и нежность одновременно.

– А зачем на улице? – возразил Вася. – Пошли ко мне, я вот в этом доме живу, - он обвёл широким жестом свои владения и многозначительно добавил: - Один. Витёк просиял:

– Вася, ты просто клад! Веди! Угрюмый Санёк, и тот, как показалось Васе, повеселел. Не мешкая, они поднялись в его комнату, Витёк, как заправский официант, быстро накрыл на стол, сели, налили и Вася веско произнёс:

- Ну давай... Поехали!

– Ты прям как Гагарин! – хохотнул Витёк и они «сдвинули бокалы». Эх, если бы Вася знал, в какие дальние, тёмные дали уедет он по этой дороге. Если бы знал... А тогда ему было хорошо. Так хорошо, как никогда, наверное, не было. И Витька с Саньком казались Васе самыми родными людьми на земле, тем более, что выбирать было особо не из кого. Правда, после второй бутылки хмельная эйфория пошла на

Литературный сериал

убыль, краски дня потухли, мир вокруг начал расплываться, становясь при этом беззвучным и серым. Вася чувствовал, что окружающее пространство превратилось в какое-то вязкое, липкое, желе и он барахтался в нём как муха в варенье, в тщетных попытках выбраться. Витька с Саньком что-то говорили, он тоже балагурил, но разговор этот напоминал общение рыб в аквариуме – желеобразный воздух, казалось, перестал пропускать звуки. Потом всё куда-то провалилось...

Очнулся Вася ранним утром. Слабый, сумеречный свет с трудом пробивался сквозь шторы. За окном радостно чирикала одинокая птаха. Но Васе было не до этого: внутри него и вокруг всё было наполнено тонким, противным ультразвуком. Этот звон разрывал его на части. Вася долго лежал неподвижно. Его терзали два вопроса: первый – кто он, второй – где он. Как пловец, нырнувший слишком глубоко, задыхаясь, из последних сил рвётся на поверхность воды, так Вася рвался на поверхность своей памяти. Наконец, в мозгу забрезжил свет осмысления. Ещё через несколько мгновений Вася всё вспомнил и с облегчением вздохнул полной грудью. Осмотрелся вокруг – в комнате был идеальный порядок. «Надо же, всё убрали – какие молодцы!» - и Вася вновь с умилением подумал о своих новых друзьях. И хотя он почти ничего не помнил, и впереди маячили муки похмелья, всё произошедшее казалось ему весёлым и захватывающим приключением. «А работа! Какой сегодня день?!» - эта мысль заставила его оцепенеть от ледяного ужаса. Он в панике вскочил и начал искать свои часы - там был календарь. Наконец, нашёл. На руке. Календарь показывал понедельник. «Фу ты!» - Вася ещё раз облегчённо вздохнул. Потом умылся, оделся и поковылял на работу. Ультразвон немного утих, но своё тело Вася ощущал таким хрупким, почти стеклянным, что казалось - задень обо что-нибудь, разобьётся вдребезги. Это ощущение было настолько реальным, что он старательно обходил все углы. Бригада, конечно, всё заметила и посмотрела на Васю с пониманием. Дело-то было обычное, только с ним это случалось впервые, ну да ведь с каждым это когда-то случается впервые. Никаких комментариев не последовало, только молчаливый обычно Вадик, бывший наркоман, загадочно произнёс: - «Глупый кролик. Допрыгался!» Где-то Вася уже слышал эту фразу, в каком-то кино... А жизнь пока тилась дальше, всё по той же колее – работа, сон, выходные. Но выходные Вася стал теперь проводить по-другому. У него появились друзья – Витёк и Санька, и встречи с ними он с нетерпением ждал всю неделю. Ждал, готовился, откладывал копейку, чтобы затем «поправиться» на полную катушку: посидеть, выпить, поговорить по душам. Никогда и ни с кем он так не говорил по душам, как со своими новыми друзьями. Да он за них готов был жизнь отдать! И ничего, что потом приходилось мучиться от похмелья – это того стоило. Только однажды, в одно хмурое утро, когда Вася очнулся после очередной «поправки», календарь на часах безжалостно и насмешливо показывал вторник. Он знал, что прощения на работе ему не будет – там с такими не церемонились. Вася даже туда не пошёл. Он решил «поправляться» дальше. Витька с Саньком были рядом: - «Вась, не переживай! Мы тебе лучше работу найдём, у нас же всё схвачено!», - утешали они его. «Отдыхай! Ещё наработаешься!» И он отдыхал. Сколько, Вася потом не мог вспомнить. Месяц? Два? Деньги у его друзей не переводились. Ему иногда это казалось странным: - «Где же они работают, что и на работу ходить не надо, и деньги есть?» Но на этом вопросе все Васины размышления обычно заканчивались - некогда было думать, да и зачем? Жизнь была ключом.

Всё рухнуло молниеносно. В дверь стучали. Нет, стучали не то слово – в дверь ломались, её пинали, грозились сорвать с петель, орали дикими голосами:

- Гражданин Морозов, откройте! Служба судебных приставов! Открывай, сука! Не то выломаем! От этих воплей Вася сразу протрезвел. Впервые за много дней. От дурного предчувствия заныло сердце. Он открыл дверь и еле успел отскокить – в комнату как лавина ворвалась куча мужиков и баб. Все были в чёрном. «Как эсесовцы», - пронеслось в голове у Васи. «Эсесовцы» с красными от натуги рожами

кричали, брызгали слюной, совали Васе под нос какие-то бумаги и явно что-то от него хотели. Только через несколько минут до Васи начал доходить смысл происходящего. Он понял, что от него хотели эти люди: они хотели, чтобы он ушёл из своей комнаты. Ушёл насовсем. Потому что она больше не его. Он её подарил. Витьку. То есть гражданину Комарову. «Вот дарственная, вот ваша подпись, всё заверено нотариусом, вот постановление – всё по закону, так что давайте, гражданин, не задерживайте, освободите помещение!» Когда Вася осознал всё до конца, на него напал столбняк. Нет, руки, ноги двигались, но душа ничего не чувствовала – ни боли, ни обиды, ни ненависти. Вася молча оделся, машинально покидал в спортивную сумку первые, попавшиеся под руку, вещи и вышел в коридор. На шум из комнат высыпали соседи. Все они были разные люди: кто-то смотрел на него с сочувствием, кто-то со злорадством, кто-то с интересом, но Васе было всё равно, ни на кого не глядя, он прошёл сквозь коридор и оказался в подъезде. Сзади какая-то женщина крикнула в сердцах: - «Сволочи поганые!» Кто были эти сволочи, Вася даже не пытался понять. Он вышел на улицу и на мгновение зажмурился – день стоял ослепительно солнечный. Лето было в самом соку. То лето, на которое должна была быть похожа его жизнь. Но теперь он смотрел на всё это совершенно безучастно. Мир оказался искусно свёрнутой, красивой обёрткой из глупой детской шутки – внутри была пустота. Такую же пустоту, вселенскую и бездонную, Вася ощущал теперь в своей груди. О, сколько там было этой пустоты – целый Эверест! Она стремительно засасывала в себя Васину душу, словно коктейль через соломинку. Ещё немного и в нём ничего не осталось, только звенящий, прозрачный вакуум. «А, провались оно!..», - Вася махнул рукой и поплёлся, сам не зная куда. «Василий, стой! – окликнули его. Вася не обернулся. «Да стой же ты!» - кто-то схватил его за рукав. Это была тётя Дуся – соседка. «Хорошая женщина...», - подумал Вася, но эта мысль, как и сама тётя Дуся были уже из какой-то другой, призрачной жизни. Быть может, эта жизнь ему приснилась? Или наоборот, всё, что происходит сейчас, весь этот кошмар – это только сон? Вася мотнул головой - нет, он не спал. Острая игла тоски, смазанная змеиным ядом отчаяния, пронзила его сердце и тут же провалилась в разверзшуюся там пустоту. Тётя Дуся что-то горячо доказывала ему, продолжая держать его за руку. Вася плохо соображал. Вокруг была как будто ватная изоляция, в которой тонули все звуки мира. Фрагменты, обрывки этих звуков, прорывавшиеся сквозь завесу, сплетались в Васиной голове в причудливую, изматывающую какофонию. Ему казалось, что он вот-вот потеряет сознание. Наконец, Вася понял, что тётя Дуся призывает его немедленно пойти в милицию и написать на «этих Иуд» заявление. Услышав про «Иуд», Вася впервые за всё это время вспомнил о Витьке и о Саньке. Он подумал, что тётя Дуся права: они точно Иуды, предавшие самое святое – дело, конечно, было не в комнате: за тридцать серебрянников они растоптали и уничтожили его душу. Обугленная, дымящаяся, бесчувственная культяпка – вот всё, что от неё осталось. «Хорошо, хорошо тётя Дуся, я пойду», - согласился Вася, только что бы отвязаться и пошагал дальше, механически переставляя ноги. «Какая уж тут милиция...», - прошептала тётя Дуся, скорбно глядя ему вслед. Слезы навернулись на её глазах, тяжело вздохнув, она неловко повернулась и побрела домой. Чем она могла ему помочь? У самой трое. Тоскливо и страшно сделалось ей вдруг при мысли о том, что случись с ней, не дай Бог, такая вот беда, побредёт и она, как Вася, куда глаза глядят. С тремя сиротами на шее. И никто не поможет. Не потому, что нет жалости в людях, а потому, что сами эти люди держатся на плаву из последних сил. Куда ни глянь... Прогоняя мрачные думы тётя Дуся перекрестилась, вспомнила Богородицу и ускорила шаг. А Вася в милицию всё же пошёл. Сам не зная зачем. Затем, наверное, что ему было абсолютно безразлично, куда сейчас идти. Хоть бы и в милицию. Там он как-то очутился в маленькой, обшарпаной комнате за одним столом с немолодым уже капитаном. Капитан сидел напротив него, погруженный в изучении целой груды бумаг. В комнате стояла застарелая вонь прогорклым перегаром. Капитан листал бумаги, Ва-

Литературный сериал

ся сидел. Если бы капитан листал их год, Вася бы сидел год. Но, наконец, тот закончил, поднял голову и посмотрел на Васю. В его потухших глазах, да и во всём облике было только одно – смертельная усталость Сизифа. – Ну что, гражданин Морозов? – начал он заученным, вялым тоном. – Мы, значит, будем пить, гулять, проматывать жилплощадь, а потом домогаться до государства: - «Дай нам, батя, ещё комнатёнку, мы и её пропьём», - так что ли? Было видно, что ответа на этот, ребром поставленный вопрос, капитан не ждал, поэтому сразу продолжил далее: - Запомни, Морозов – государство у нас не богадельня, за всякими алкашами ему ходить недосуг, у него есть много дел поважней. Если не хочешь жить как все нормальные люди, то изволь... На этой неопределённой ноте капитан замолчал и тоскливо уставился в окно. Видимо, запас его казённого красноречия был исчерпан и Вася так и не узнал, что ему собственно надо было изволить. Скорее всего – сразу помереть, чтобы не досаждать своим никчёмным существованием родному, очень занятому государству. – Это же чёрт знает что! – неожиданно произнёс капитан, не переставая смотреть в окно и в голосе его, кроме хронической усталости, Вася услышал что-то похожее на боль. – Ну, ладно, - продолжал он, - человек, допустим, пьёт, пусть он даже алкаш – это плохо. Но, с точки зрения закона, он не перестаёт при этом быть гражданином, со всеми вытекающими отсюда, - капитан поднял палец вверх и произнёс по слогам, - конс-ти-ту-ци-он-ны-ми правами. А тут, приходят два каких-то клоуна, два каких-то «чёрных риэлтора», пропади они все пропадом, обманом (обманом, и все это знают!) лишают человека угла... и всё! Он бомж, а бомж у нас это кто? Правильно! Это никто. Был гражданин – нет гражданина. И всё шитокрыто. Придумали тоже, - капитан постепенно стал распаляться, - «чёрные риэлторы»! Да они у нас какие угодно: серо-бур-малиновые, рыжие, пегие в яблоках, вот только белых я не видал. Всю страну поедом едят, барыги, продыху от них нет! – капитан шарахнул кулаком по столу так, что графин на сейфе жалобно задребезжал. Потом, наконец-то отвернулся от окна и посмотрел на Васю. Какие разительные перемены произошли в нём! Это был уже не замученный Сизиф – это был пламенный трибун и его горящие глаза смотрели на Васю с явным сочувствием. – Я тебе даже больше скажу..., - доверительным шёпотом произнёс он, подавшись вперёд и почему-то опасливо косясь на парадный портрет, висевший позади стола. Но тут в комнату неожиданно вошёл какой-то толстый майор, судя по всему, начальник капитана. Таких стремительных перевоплощений Вася не наблюдал даже в цирке. Он не успел моргнуть, как вновь увидел перед собой прежнюю сизифообразную личность с потухшим взором и вялым, тягучим голосом. - ... так вот, что я тебе скажу, Морозов, - как ни в чём ни бывало продолжал капитан, погано ухмыляясь, - ... Гуляй, Вася! И они с майором по-идиотски заржали.

Выйдя на заплёванное крыльцо отделения, он окончательно понял, что Рубикон перейдён. Страна отвесила Васе прощальный пинок, и всё было кончено. Да, честно говоря, ничего другого он и не ждал. Ему, проведшему всю свою недолгую жизнь в казённом доме, был хорошо известен бесчеловечный норв родной бюрократии. С тем прошлым миром его ничего больше не связывало. «А если ты в дупло залез – перед тобой волшебный лес», - назойливо крутились в голове у Васи строчки из давно забытой детской сказки. Выйдя из милиции, он как будто пролез через это сказочное дупло и картина мира, открывшаяся теперь перед ним, стала абсолютно иной. Он вступал в совершенно неизведанную, тёмную, пугающую, дремучую реальность, полную неведомых опасностей, тайных ловушек и смертельных капканов. Как ни была жестока и уныла та, прежняя жизнь, всё-таки в ней он был хоть малой, но величиной, обладавшей хоть какими-то правами. Теперь же он, Вася Морозов, по меткому выражению давешнего капитана, был никто, полный ноль. Для этого сумрачного мира, отныне и навеки, он становился лишь объектом охоты. Вася по звериному потянул носом воздух и всем своим нутром, всей шкурой ощутил, что безликие и безжалостные охотники уже идут по его следу. И от них не уйти. Когда

нибудь они настигнут его, неотвратимо настигнут. И тогда пощады не будет. Васе вдруг показалось, что они уже совсем рядом, за спиной, что он слышит их надрывное, горячее дыхание у себя на затылке. Он издал страшный крик и побежал, что было сил, не разбирая дороги, в паническом ужасе пытаясь найти хоть какое-то укрытие в гуще каменных джунглей.

Он пришёл в себя где-то на самой окраине города, на поросшем бурьяном и загаженном пустыре. Как он здесь очутился Вася не помнил. Он огляделся. Пустырь был огромен и, казалось, совершенно безлюден. Только на самой его окраине виднелись отблески огня. На город опускалась ночь и, хотя ночь эта была летней, Васю била крупная дрожь. К тому же он забыл, когда в последний раз что-нибудь ел, поэтому, не раздумывая, двинулся в сторону огня, спотыкаясь на каждом шагу об пустые банки и бутылки. Огонь был обитаем: вокруг него на деревянных ящиках сидела кучка оборванных и грязных людей. Их было человек десять. Лица и руки у них были чёрные, почти как у негров, только глаза блестели, отражая свет костра. – Что, мил человек, заблудился? – спросил Васю хриплый мужской голос. Несмотря на явную нелепость вопроса, голос был совершенно серьёзен. Кому из этих людей он принадлежал, Вася не разобрал.

– Ага, по жизни, - неожиданно для себя ответил он.

– Это бывает, - философски заметил тот же голос.

– Глупый кролик, допрыгался! – донеслось уже с другой стороны костра. На этот раз голос был женский, но такой же хриплый и серьёзный. «Где-то я это уже слышал, про кролика... - попытался вспомнить Вася, - вот только где?»

- Цыц, дура! – прервал его воспоминания первый голос и продолжил: - Ну, коли так, присоединяйся, - одна из фигур указала ему на пустой ящик, и Вася понял, кто был хозяином голоса, хотя лица было всё равно не разглядеть. Вася сел и тут же, как по волшебству, в одной руке у него оказался наполовину налитый стакан, а в другой – ломоть хлеба и кусок колбасы. Вася выпил и вмиг проглотил закуску. Ему налили ещё. Он тут же опрокинул и второй стакан. По телу начало разливаться знакомое хмельное блаженство. Вместе с ним тяжёлым комом навалилась усталость. Вася сполз с ящика и примостился прямо на каком-то вонючем тряпье, валявшемся рядом с костром. Ему было всё равно: запахи больше не играли в его существовании никакой роли. Звёздное небо кружилось над ним, кружение это вызывало тошноту. Вася закрыл глаза и провалился в удушливое забытье – так теперь назывался сон. Этой ночью он открыл последнюю, самую печальную главу в книге своей жизни. Глава эта начиналась такими словами: «Горе, горе отверженным в этой земле! Ибо путь их - это путь мучения и смерть идёт за ними по пятам. Но только смерть для них – избавление». Эти строки прочитал ему на следующее утро Мотыль – так называли того человека, которому принадлежал хриплый голос, первый окликнувший Васю у костра. Прочитал после того, как тот сбивчиво рассказал ему историю своих бедствий. В этом отряде оборванцев, к которому примкнул Вася, Мотыль был кем-то вроде предводителя. Прозвище же своё он получил за крайнюю легковесность телес, но, несмотря на кажущуюся subtilность, Мотыль обладал всеми качествами настоящего отца-командира: разношёрстных подчинённых своих жалел, на рожон им лезть не позволял, многочисленным конкурентам в обиду не давал, действуя, в основном, хитрой дипломатией, а главное – всегда выбивал для них самые хлебные места на подпольном рынке нищенства. Кроме того, слыл он философом и даже по-этом. По поводу этих своих дарований Мотыль мрачно шутил: - «Наследие проклятого прошлого». А в прошлом, говорили, был он, то ли доцентом, то ли кандидатом в доктора, но потом стал попивать, развёлся с женой и та, с помощью хитроумных манипуляций, оттягала у него квартиру. Как вскоре Вася узнал, примерно таким же путём оказались здесь почти все. Прочитав ему утром своё мрачное пророчество, Мотыль спросил:

- Понял? Вася молча кивнул.

Литературный сериал

– Ничего ты не понял. Ну, ничего, скоро поймёшь. Тут быстро все всё понимают. Передачу Би-Би-Си про зверушек смотрел, Survival называется? Знаешь, как переводится? Вася так же молча помотал головой.

– Эх, тёмный ты, Василий! Одно слово – беспризорник. Чему вас только в ваших детдомах учат? А этому бы и надо учить в первую очередь... – он на мгновение задумался, - ... survival*ю я имею в виду. Здесь бы тогда не оказался. «Выживание» - вот как это переводится. Закончив свою нотацию, он минуту помолчал, с грустью глядя в хмурое небо, потом неожиданно продекламировал: - «Бездомный в этом краю, как дерево в поле – открыт всем ветрам. А ветры здесь злые».

– Сам сочиняешь? – осмелев, спросил Вася.

– Да так... - стушевался Мотыль, - почитываю кое-что... - Ну, ладно, - он передернул плечами, сгоняя с себя поэтическую хандру, - хорош лясы точить! Пора на работу. «Вот это да! На работу!» - изумился про себя Вася. Мотыль, как бы прочитав его мысли, насмешливо сказал:

- А ты как думал? С боку на бок здесь будешь переваливаться? Нет, брат, такой номер не пройдёт! «Arbait macht frei», короче.

- А я ничего и не думал,- Васе стало обидно, что его приняли за тунеядца, а иноземные слова он вообще посчитал ругательством.

– Да ты не кипятись, - примирительно сказал Мотыль, враз угомонившись. – Вот, пойдёшь для начала с Косым, он тебе промысел покажет и всё объяснит. «Косым» звали опухшего от вина, безликого мужика неопределённого возраста. Он и вправду немного косил. Это был своеобразный идентификационный признак по которому его можно было отличить от таких же безликих, опухших от вина созданий, входивших в отряд Мотыля. У каждого этот признак был свой: кто-то был горбатым, кто-то сипатым, кто-то хромым, но никто не был ни Иваном Петровичем, ни Степаном Львовичем; имя звучало здесь как насмешка. Когда они с Косым немного отошли, тот доверительно сообщил: - «Он у нас всё время такой... Мотыль-то – шибутной маленько. Ты не обращай внимания». На сегодня его словарный запас был практически исчерпан, дальше он говорил только то, что касалось «промысла». А «промысел» оказался делом на редкость прозаическим и заключался в обследовании мусорных контейнеров с целью обнаружения в оных всякого стратегического сырья. Этим сырьём, в основном, являлся цветной металл во всех его видах, и одежда. Так что Вася ошибался раньше, думая, что бомжи ищут на помойках лишь еду. Мотыль, по крайней мере, отходы собирать запрещал категорически. Ослушание каралось сурово: провинившийся, после единственного предупреждения, изгонялся из братства костра. На «промысел» ходили только рано утром, пока город спал, во-первых, надо было успевать до приезда мусоровозов, во-вторых, чтобы свести до минимума контакт с «гражданским населением», как называл горожан Мотыль. Конечно, иногда они сталкивались с ранними прохожими, и это было пыткой. Нет, не из-за стыда, стыд все они давно похоронили в себе – тяжелее всего было выносить эти взгляды, полные жгучей ненависти и презрения. Они буквально прожигали насквозь. За что их так ненавидели? Они же ничего не делали плохого: они никого не убивали, не грабили, почти не воровали, и вообще старались не показываться людям на глаза. Тогда за что? Ответа на этот вопрос Вася не находил. Однажды он решил спросить об этом у Мотыля, Вася был уверен, что уж он-то точно знает, что к чему. Мотыль, выслушав его, надолго призадумался, шевеля палкой в костре, а потом, к Васиному удивлению, ответил:

- Не знаю, Василий... Народ, что ли у нас просто такой. Особенный. Древние арабы ещё писали, что не было бы никого могущественнее на земле, чем русы, если бы не их постоянная, губительная междоусобица. Что изменилось за тысячу лет? Много что изменилось, только междоусобица эта на Руси никогда не кончалась. Всё воюем друг с другом... И что удивительно – повод всегда находится. Во все времена. «Ты рязанский – я суздальский, ты боярин – я холоп, ты богатый – я бедный, ты

буржуй – я пролетарий, ты красный – я белый, ты демократ – я ретроград»... и так далее, до бесконечности. Антитеза «ты бездомный – я домашний» тоже из той же оперы. Всегда у нас – все – кто за кого, и выходит все против всех. И обычаи под стать: у немцев или у англичан праздник, так все веселятся, обнимаются, а у нас – стенка на стенку и пошли друг другу морды крошить. А на следующий день – Прощёное Воскресенье. И все христиане, все православные. Чудно! Мотыль говорил быстро, горячо, убеждённо, Вася чувствовал, что всё это давно накипело, наболело у него на душе и сейчас прорывалось наружу, как гнойник. Даже самые последние алкоголики у костра оторвались от стакана, чтобы послушать предводителя. Правда, было видно, что они мало что понимали, но, несмотря на это, всё равно уважали и поддерживали. «Мотыль – мужик, что надо. Зря брехать не будет!» - было написано на их прокопчённых рожах.

– И что самое-то главное, - продолжал, между тем, Мотыль, - на нашем с тобой месте может каждый в этой стране оказаться. Запросто! Сегодня нос от бомжа воротит, а завтра с нами в одном переходе сидеть будет, язвы гноящиеся напоказ выставив. В наших-то реалиях! Россия... Страна великих возможностей! Он замолчал и уставился в темноту. Вокруг костра стояла тишина. – Выходит, что ненависть эта друг к другу у нас, у русских, на генетическом уровне заложена, что-ли? – как-то неуверенно, обращаясь уже скорее к самому себе подытожил Мотыль. – Что-то здесь не так... Что-то не так.., - мучительно повторял он. – А ну их всех!.. – Мотыль с досадой махнул рукой. – А ты, молодец, шевелишь ещё ушами! – уважительно произнёс он, обращаясь к Васе. Вася хотел было спросить, что это значит «шевелить ушами», но Мотыль перебил его: - Надо будет тебе место получше подыскать, хватит с Косым-то бродить. «Молодым везде у нас дорога» - процитировал он и невесело усмехнулся. Нужно заметить, что мусорный промысел был не единственным и не главным видом деятельности бомжей. Основным же было попрошайничество, то есть нищенство в чистом виде. Все самые лучшие, в этом смысле, места в городе были давно поделены и приносили неплохой доход, часть которого доставалась непосредственно бродягам. Другую же, большую часть, Мотыль забирал себе, конечно, не себе лично, а неведомым и полу-мифическим «нужным людям» в качестве своеобразной арендной платы. Кто были эти люди, никто из рядовых бомжей, понятно, не знал, да и не пытался узнать, а Мотыль на эту тему распространяться не любил. Так что система была давно налажена, отлично сбалансирована и все, в общем-то, были довольны. Кроме того, частенько бродяги подрабатывали на рынке, где помогали южным людям в разгрузке, перекантровке и сортировке их бесконечных овощей-фруктов. Южные эти люди были настолько прижимисты, что никто, кроме бомжей, работать у них не соглашался. Все доходы, получаемые от промыслов, шли, в основном, на водку и на еду, но больше всё-таки на водку. Водка не дарила здесь блаженства, как в том, нормальном мире, зато она давала неизмеримо большее. Она давала забвение. Без него здесь было не выжить, без него здесь было две дороги: или петля, или сумасшедший дом. Трезвая душа не выдерживала и дня в этом аду отверженных. Забвение, забвение своей пропащей жизни становилось её смыслом, а усилия, прилагаемые для достижения этого забвения – содержанием всего их беспросветного существования. Как только в мозгу начинал брезжить даже слабый отблеск трезвости, душа тут же отзывалась такой тоской, такой адской болью, которую никто, почти никто, не в силах был выносить. И огонёк осмысления немедленно заливался водкой. И эта боль, и эта мука были следствием только одного – полнейшей безысходности. Все они понимали, отчётливо и безоговорочно – жизнь кончена. Ничего больше не будет. Ничего. Ни закатов, ни рассветов, ни женской ласки, ни детского смеха, ни дома, ни любимой работы, ни заслуженной старости. Впереди тёмной, страшной ямой маячила только смерть. Бесславная, собачья смерть. Своих мертвецов они не хоронили. Если кто-то умирал у костра, его просто относили ночью в оживлённое днём место, не вернувшихся с промысла не искали. По сути дела, для

общества они давно уже были мертвы. Они были мертвы и для родственников, у кого таковые имелись, да и для себя тоже. Некоторые деградировали до такой степени, что не помнили своего прошлого, не помнили даже, как их зовут по-настоящему. Держались единицы. Такие, как Мотыль.

Там, где вечный холод

Роттен Морган

16

Джей не мог понять, за что его задержали. Подозрение в убийстве? Кого? Что за бред? И каким образом это касалось именно его?

Он сидел в недоумении, внимая узкую комнатку для допросов.

Она была холодной и пустой, вовсе бездушной. Даже присутствие здесь Джея не означало в ней жизнь. Кривые зеленые стены. Такой же одинокий, как и он, стол. Джей сложил на нем руки, заметив, как те дрожат немного, в ожидании злого и свирепого следователя. Он представлялся Джею громилой, который отобьет ему все почки, не оставив и следа. Он сам оставит след в своих штанах, если повезет. Он с опасением ждал того момента, когда тот войдет и громко, со всего размаху, бросит свою папку с делами на стол, выразительно посмотрев ему в глаза. А еще надзиратель за спиной... Тот еще изверг...

Джей впервые оказался в подобной ситуации. Он и сам перед собой не стал скрывать, как с боязнью нервничает в ожидании, которое казалось ему не менее мучительным, чем то, что может ждать его впереди. Он так надеялся, что его отпустят поскорее. Что это ошибка. Ведь, это и так ошибка. Он не причастен ни к чему!

Щелкнул дверной замок. В этот момент Джей заметил, что не знает, что сделать со своими руками, и куда их деть. Лишь нервно подергал ими, оставив в том положении, в котором они и были, стараясь, хотя бы, видимо успокоиться. Так же он, вдруг, задумался о своем сне, который до сих пор преследовал его фантомным дымом в голове. Ему казалось, что в нем он видел Мелиссу, и чувствовал себя так, будто был в ней. Нет, бред!..

Джею захотелось как-то дернуться, обернуться что ли, показаться хоть немного приветливым. Но затем он подумал: «Для чего?»

Он услышал скрип двери и попытался не реагировать. Подумал, что так будет лучше. Пусть следователь сам выйдет из-за спины, показав пред ним свою сущность. Заодно, станет понятно, что он за человек.

На стену перед ним бросилась тень. Растянулась, слившись со второй – его собственной. Джей услышал стуки каблуков на полу. Жесткие туфли. Явно тугие. Их стук был неспешным. Он насчитал семь шагов, прежде, чем он предстал перед глазами Джея.

Фактурный, но не крупный, с ярко выраженной, отлично поставленной осанкой мужчина. На пиджаке ни единой пылинки – настолько вычищен, но не настолько дорогой на вид. На лицо он был среднего возраста, с легкой небритостью, придававшей ему обаяние. Взгляд чуть уставший, но определенно не лишенный силы. Он умел заглядывать в душу, ковыряться в ней, щупая все самое сокровенное, но не забирал ее. Волосы черные, короткие. Такие, что еле зачесывались набок.

Аккуратно положив папку на стол, он сел напротив Джея, после чего надзиратель захлопнул дверь с той стороны, и следователь пристально посмотрел

Джею в глаза. Как же он ненавидел это. Когда люди, особенно имеющие больше полномочий в чем-то, чем он, показывали свою силу взглядом. Будто ни в чем другом этой силы больше не было. Он не мог этого терпеть. И поначалу, Джей оторвал свой взгляд, чуть оробев. Но через несколько секунд стал быстрыми рывками поглядывать на следователя. Старался выглядеть естественным, точно не дерзким, и тем более не испуганным.

Следователь сложил руки на столе перед собой, скрестив пальцы, после чего тихим голосом сказал:

- И так, Джей Гордон! – выглядев потрясающе уверенным в себе и в том, что он делает.

Джею уже сейчас захотелось выкрикнуть в приступах паники, чтобы его забрали отсюда. Но он молчал, превозмогая тряску. Выдав из себя, он молвил:

- Совершенно верно.

- Вы знаете, кто я?

- Да.

- Тогда, я не нуждаюсь в представлении, – сказал следователь, после чего открыл папку, притронувшись к верхнему листу в ней.

Посмотрев на то, что было написано на нем, он закрыл папку, и снова поднял свой взгляд на Джея. Тот пребывал в робком ожидании. Уже надолго задерживал свой взгляд на следователе, привыкая, но все еще имея мысль в голове «не выглядеть слишком дерзким и испуганным».

- Как себя чувствуете? – спросил следователь.

- Не очень, – ощутив озноб, сказал Джей.

- Почему?

Джей не ответил, сложив руки. Было видно, как ему стало немного холодно. Он до сих пор пытался мало говорить.

- Вас удручает то, что вы здесь? Не беспокойтесь! Вы пробудете здесь не более трех суток.

- Это много... - сказал Джей, оживившись, - Я не могу так долго находиться

здесь!..

- До выяснения обстоятельств.

- Каких? Их нет! А у меня послезавтра важное прослушивание!

- Какое? Где?

- В рок-клубе. Я со своей группой буду выступать там, если мы пройдем прослушивание, – сказал Джей, заметив, как стал говорить больше и увереннее.

Следователь чуть улыбнулся. Прямо, как улыбалась Мелисса – так же издевательски загадочно. Джей вдруг остепенился, и сказал:

- Пойдите! Я имею право на молчание, и говорить лишь в присутствии своего адвоката!

- Мистер Гордон! Пока что вы подозреваемый, а не обвиняемый. Если вы хотите просидеть здесь трое суток, и пропустить все свои важные дела – молчите, соблюдайте свое право в ожидании адвоката. А если нет, могу вам предложить всего лишь дать свои показания по делу, к которому вы можете оказаться не причастным, обстоятельства которого мы всего лишь проверяем. Проверим – отпустим. И можете надеяться, что мы с вами больше никогда не увидимся.

Следователь был убедительным. Но его слова казались Джей провокационными. Он знал, что он не обязан говорить что-либо. Тем более, у них нет доказательств, и это точно ошибка – проверять его в причастии убийства. Странно все это. И от этого хочется поскорее избавиться. Уйти.

Джей переживал о том, что у него не получится попасть на прослушивание к Элудэдди. День был назначен. Не хотелось подставлять себя, ребят и Эла. Он склонялся к мысли, что должен ответить хотя бы на элементарные вопросы следователя, ответы на которые помогут ему. Вдруг, копы признают свою ошибку, и отпустят его как можно быстрее. Наивно так полагать. Но что поделать? Остается верить лишь в это.

Пытаясь превозмочь в себе все нервы, Джей неспешно выдохнул, сказав:

- Хорошо.

- Вы согласны ответить на мои вопросы? – спросил следователь.

- Да.

- Что же, приступим! И так, Джей Гордон, – сказал следователь, опустив ненадолго глаза в свои бумаги в папке. – Вы – студент пятого курса Городского университета, экономического факультета, специальности «Экономика». Ведь так?

- Так.

- Живете в Озерном Крае?

- Да.

- Ваш отец – Патрик Джей Гордон, и мать – Мила Гордон?

- Да.

- Родных братьев и сестер у вас нет?

- Нет.

- На какие средства живете? Неужели, вам хватает стипендии?

- А какое это имеет отношение к делу? И, собственно, к какому?

- Вы знаете! И это имеет отношение к делу.

- Знаю! Подозрение в убийстве! Но кого? При чем здесь я?

Следователь терпимо моргнул, прикрыв глаза на пару секунд, после чего с терпением сказал:

- Сегодня ночью в пяти километрах от города у ручья было найдено тело двадцатилетней жительницы Большого Города, студентки Городского университета – Зои Прайс.

- Зои Прайс? – вдумчиво прошептал для себя Джей.

У него перед глазами всплыла картина: мертвая девушка, обледеневшая, изувеченная во всех местах, где только можно; утопленная в том ручье, что будто выплюнул ее, выбросив на берег. Он видел это будто наяву, будто вспоминая то ли сон это, то ли из жизни забытое. А возможно, всего лишь бурная фантазия...

- Это имя говорит вам о чем-нибудь? – с пристальным взглядом спросил следователь.

- Нет, – спокойно ответил Джей.

- Я уверен в том, что Зои лично знала первую погибшую девушку от руки убийцы – Ванессу Парсонс. И в том, что убийца этих двух девушек один и тот же человек, я так же не сомневаюсь...

- И что дальше?

- А то, что у нас есть сведения о том, что вы лично знаете лучшую подругу первой убитой девушки. Ее зовут Анна. Ведь так?

- И что? Мы все учимся в одном университете. И все друг друга знаем.

- Также, вчера произошел странный инцидент во время учебного процесса, свидетелями которого стали как минимум двадцать один студент и преподаватель, во время которого вы очень странно себя повели...

- Это... - перебил следователя Джей, но резко замолчал.

Следователь тоже. Со скрытой улыбкой злого гения он перешел к следующему вопросу:

- Поэтому, я вынужден спросить вас. Где вы были в ночь с двенадцатого на тринадцатое декабря между 23:00 и 03:00 часов?

- Вы, правда, думаете, что это я? – с удивлением спросил Джей, стараясь говорить не громко и вежливо.

- Я лишь проверяю версии.

- Какой смысл и мотив мне это делать?

- Мистер Гордон, будьте добры ответить на вопрос, – требовательным тоном сказал следователь.

Джей ушел в себя, опустив взгляд. Следователь не спускал своего взгляда с Джея. Тот долго думал, то ли не зная, что соврать, то ли не зная, сказать ли правду. А правда какова? То, что он спал? Нужно ли вообще что-либо говорить следователю? Все это ошибка! Он не должен быть здесь! И не хочет. Почему же это случилось с ним? Он никому ничего не должен!

- Я ничего не скажу! – сказал он.

- Вы уверены? – с удивленным взглядом спросил следователь, пытаясь все еще давить на Джея своим образом большого брата.

- Да, – ответил Джей, смело подняв голову.

- Вы понимаете, что у вас нет алиби?

- Понимаю.

- И вы не хотите его себе обеспечить? Что-то сказать мне?

Джей стал уверенным в том, что он не хочет придумывать себе алиби. Врать себе во вред. Оправдываться. Не для него это. Он знал, что не виновен. Точка.

- Не хочу, – сказал он, после чего следователь распорядился, чтобы Джея отвели в камеру.

Камера была тесной. Не более пяти метров в ширину. В ней уже находился один тип. С виду он был неухоженный, грязный, но не вонючий, как бомж. Было видно, он находился в этой камере не первый и не второй день. Его поведение было отрешенно подозревающим, будто скрывающимся от света. Как только Джея завели к нему, и захлопнули за ним решетку, в нем возникло чувство опасения касательно этого типа. Он казался ему немного сумасшедшим, так как вечно чесался,

Литературный сериал

и дергался, и будто бегал своими глазами в темноте, то на Джея, то на пол, отблескивая ими, чуть позже показав свою не вежливость. Впрочем, он был таким же, как и это место.

- Не подходи ко мне, – раздался порывистый голос его сокамерника с другого угла камеры.

Его было плохо видно, так как он сидел в самом углу, в тени, и чуть подрагивал, показывая лишь тонкие ноги, которые он обхватывал такими же тонкими руками. Здесь было холодно. Джей сам был не против, чтобы его никто не трогал. Собственно, это он пытался показать всем своим видом, также отчужденно оставшись в противоположном углу. Тот доходяга стал ворчать:

- Приходят, приводят... Задерживают, отпускают... За что?

Его фразы казались Джею многозначными. Он не понимал, что тот имеет в виду.

- За что? – снова повторил свой вопрос его сокамерник.

Чуть подумав, Джей решил, что данный вопрос был адресован ему.

Он сказал:

- Подозреваемый в убийстве. Но это ошибка, - надеясь, что не сказал ничего лишнего.

Уж очень Джею не хотелось, чтобы этот мерзкий тип притронулся к нему, и заразил его чем-нибудь, придравшись к самой нелепой фразе. Тот говорил со своего места:

- Ошибка... В этом мире все ошибка... Копы... Убийцы... Я по такой ошибке не первый раз здесь... Убийство...

Этот парень размышлял долго, настойчиво и несвязно. Джей был уверен в том, что он ненормальный. Он что-то шептал себе под нос, рассуждая. А затем говорил вслух, будто изумлялся, приходил в гнев, и насмехался с этой фразы одновременно:

- Убийство... Убийство... - раз десять повторил он, пока не стал говорить вятно, собрав все свои фразы в предложения. - Они хоть знают, что это такое? Хоть раз убивали сами? Они не знают: они убивают каждый день. Но относятся к этим вещам, не как к убийствам. Мы все убиваем друг друга, скотину, курей и планету. Люди – худшие твари на Земле, и лучшие убийцы. На твоём месте должны были оказаться все остальные люди Земли, – так говорил он, будто погружался в бесконечную пучину камерной философии, что одновременно доставляло ему удовольствие, и отвращало его, если судить по тому, как он говорил это. - Люди не имеют права называться людьми. Вы убиваете своих родителей, вы убиваете своих детей...

- Лично я никого не убивал! Это ошибка! - высказался Джей, перестав терпеть весь этот треп, порядком ему поднадоевший.

- Еще раз говорю тебе: в этом мире все ошибка! – сказал его сокамерник, сделав резкое движение головой вперед, наконец-то, показав свое худое, куцее лицо из темноты, тут же спрятав все слова в своей редкой бурой бороде, а ее, в свою очередь, снова в темноте.

Джей на секунду испугался, но не показал этого. Посмотрев туда, где в темноте еле видным силуэтом проглядывалось скрытое в ней лицо его сокамерника, он задумался над произнесенными им словами, и отвел свой взгляд.

Он думал, что в чем-то этот безумец прав. Он донес к Джею те мысли, которые возникали в нем каждый день, но оставались непонятыми. Каждый мог оказаться в этой камере. Но, ради чего?

Драгоценное время истекло здесь болезненно и медленно сквозь тонкие трещины в стенах, по многочисленным разветвлениям его нервов, так же безвоз-

вратно, как всегда. Это мучило Джея. Не давало ему покоя. Он присел на пол, оставаясь в своем углу с надеждой поскорее выбраться отсюда, и не знал, как заснет, если ему придется остаться здесь на ночь.

Украдкой он взглянул на сокамерника. Ему казалось, что тот больше не обращает внимания на него. Успокоился. Весь в своих сумасшедших думах. Молчит, сидя в углу, протянув ноги. Наверное, готовится отправиться ко сну. Джея удовлетворяло хоть то, что этот тип больше не разговаривал с ним. Та и обстановка бывает худшей. Он и сам стал немного успокаиваться, хоть и понимал, что ему придется ночевать здесь.

Он прилег на пол, такой холодный, что мог легко высосать почки и оставить их себе. Джей подстелил под себя куртку и стал пытаться заснуть, не удручая себя ненужными мыслями, которые так и лезли в голову, особенно перед сном, особенно здесь. Он стал пытаться думать о Мэри-Энн. Обо всем хорошем, что было между ними. Может быть, ему удастся заснуть, почувствовав хоть капельку тепла приятных воспоминаний о ней.

Он не заметил, как заснул. Как его мысли плавно перешли в сон. Ненавязчивым образом он стал чувствовать себя в нем, наблюдая все больше весенних красок вокруг.

Это было три с половиной года назад. Тогда Джей весьма часто бывал у родителей и чувствовал себя: то ли свободным, то ли одиноким, не зная людей. Просто не общался с ними и не хотел их знать, хоть имел много знакомых и друзей. Как он сам считал, его эгоизм не позволял ему строить отношения между людьми: партнерские, дружеские, любовные. Он был сам по себе. Впрочем, как и сейчас. Он часто любил гулять один по улицам Озерного Края. Особенно на Набережной Трех Озер. Самое любимое место всех горожан. Самое живописное, самое живое и зеленое, с множеством массивных лесопарков – оно являлось лишь частью большой озерной цепи и редколесья, состоящей более чем из тридцати озер, простирающихся далеко за город. Здесь Джей повстречал Мэри-Энн.

Весна тогда уже заканчивалась. Переходила в лето. На набережной было много птиц, родителей с детьми, влюбленных, компаний друзей – столько же, сколько лавочек и фонарей здесь было. Находясь среди всего этого, Джей чувствовал себя отлично. Ходил по тропам вдоль озер, приостанавливаясь, когда видел плавающих лебедей. Ему нравилось, как те склоняют свои головы друг к другу, сбиваясь в стаи по шесть-семь особей. Особенно, его внимание привлекал черный лебедь. Почему-то, он постоянно кружился в центре, и вел себя так, будто всего лишь прибывался к стае, не желая быть частью ее, особенно в центре нее. Будто терпел неоправданное внимание к себе. Джей ассоциировал себя с ним. Один среди людей. Так он себя чувствовал, все больше погружаясь в свои мысли.

Джей любил подумывать о многом. Постоянно был задумчивым. Погруженным в свои мысли. Думал о будущем, не зная, как себе его представить. Оно сложно представлялось ему. Он часто молчал, будто храня в себе что-то сакральное, храня энергию, которую он когда-нибудь выплеснет наружу, в этот свет. Беседовал лишь с самим собой. И с природой, посвящая ей свои взоры, не размыкая уста.

Джея кто-то окликнул. Назвал его по имени, крикнув в след. Джей не сразу расслышал, и не сразу повернулся. Лишь когда человек догнал его и снова выкрикнул:

- Джей! - схватив его за руку.

Так навязчиво. Джей повернулся и узнал в этом человеке своего друга. Это был Джонни. Он не видел его со времен старших классов школы, когда они с ребятами и прозвали его Джонни. Это имя не было его настоящим именем. Но все на-

Литературный сериал

звали его Джонни потому, что он был похож на знаменитого актера. Особенно, когда долго не стригся. Его лицо было таким приветливым, улыбка притягательной, а зубы белые, снова не стриженный – как же он на него похож. Такой очаровашка. Такой милый старый друг. Джей приятно удивился, увидев его перед собой.

- Джонни? Привет! – с искренней улыбкой на лице ответил Джей.

- Я тебя звал, – сказал Джонни.

- Прости. Задумался. Давно не виделись, – заметил Джей.

- Как минимум год, – кивнув головой, сказал Джонни.

- А ты где был? Я тебя не видел.

- Ты прошел мимо меня. Совсем ослеп. Вон, где мы сидим, – сказал Джонни, показав на одну из лавочек в двадцати, двадцати пяти метрах отсюда, около клумбы с красными тюльпанами.

На ней сидели несколько человек. Джонни спросил его:

- Хочешь присоединиться?

- Нет-нет! Что ты? Не хочу мешать вашей компании!

- Что ты говоришь такое? Разве тебе не интересно?

- Не то, чтобы...

- Я настаиваю Джей!

- Я бы хотел...

Джонни не отпускал его. Тянул на себя Джея все сильнее.

- Прошу тебя!

- ...остаться один, – невнятно говорил Джей.

- Прошу тебя, друг! Мы так долго не виделись! Нам есть о чем поговорить!

А эти люди: не волнуйся, они лишь рады будут познакомиться с тобой! – уговаривал его Джонни, замечая, смятение и сомнения Джея. - Что с тобой? Раньше ты таким не был! Расслабься! Выпьешь в компании!.. - говорил он, наконец-то, сдвинув Джея с места.

Джей неохотно пошел за ним. Ему так сложно было чувствовать себя в компании незнакомых людей. Он всегда не любил этого. И не любил играть на публику, строить из себя хорошего парня. Единственное, что он любил – это халявную выпивку. Собственно, это было единственным, ради чего он согласился побыть с Джонни.

Странно. Но он чувствовал, что ему не о чем говорить с Джонни, хоть тот радушно пытался найти темы, вспоминая об их с Джейм общим прошлом. И действительно, вспомнить было что. Но Джейю это казалось не интересным. Он редко думал о прошлом. С друзьями Джонни ему тем более не было интересно заводить знакомства, поддерживать с ними нелепые разговоры не о чем.

Пара парней и пара девушек. Джей пожал им всем руки ради приличия, и стал пригублять слабоалкогольные напитки, чтобы хоть в этом не отличаться от них. Он думал, что выпьет немного, недолго посидит, и пойдет отсюда. Почитает так полюбившиеся ему книжки о древних знаниях по его любимому предмету.

Джонни становился все пьянее, пара человек уже собирались уходить. С ним заговорила девушка. Та, на которую он меньше всего обратил внимание при знакомстве со всеми. Позже Джей уже не помнил, с чего начался их увлекательный диалог.

Она была невысокой, не очень разговорчивой, но довольно пьяной, красно-волосой симпатяшкой, сразу же обратившей свое внимание на него. Ее звали Мэри-Энн. Милая, безобидная особа, похожая своей кротостью на кролика. Когда Джей всерьез посмотрел в ее зеленые глаза, заглядывающие в его душу, он увидел в них что-то особенное. Что-то, чего не видел в глазах остальных девушек. Что-то, что

он захотел познать.

В один момент он почувствовал, как два магнита притянулись. И он считал себя минусом, а ее плюсом. Но и это все было маловажным, и всего лишь частью чего-то грандиозного и неизученного. Это было частью неведомого ранее им чувства. Он не знал что это. Лишь потом он понял, что чувство это называется любовью.

- Привет! – сказал он ей при встрече на следующий день.

- Привет! – ответила она, заглядывая в его душу скромным, и одновременно поглощающим взглядом.

- Пойдем на одно из дальних озер! Есть одно – очень красивое! – предложил Джей.

- Это слишком далеко?

- За городом. Ни разу не была там?

- Нет.

- Тогда, ты должна там побывать.

- Там что-то особенное?

- Нет. Просто там нет ни лавочек, ни троп из плит, ни людей, жрущих чипсы, ни урн – никаких признаков цивилизации. Оно в начале леса. Там красиво. Там тишина. Там только птицы.

- Ты любишь птиц? – спросила с вдохновением в глазах Мэри-Энн, так как сама их очень любила.

- Не то, чтобы люблю... Скорее, птицы меня успокаивают. Смотрю на них, и думаю... - недосказал Джей.

- О чем? – спросила в ожидании девушка.

- Не важно.

- Нет, скажи!

- Пойдем! – взяв ее за руку, сказал Джей, и повел за собой. - Может быть, на месте расскажу.

Он часто вел себя подобным образом. Выступал для людей в роли загадки. И Мэри-Энн привлекало это в нем. Его спокойствие. Как крепко он держал ее за руку. Как знал много путей и троп у редколесья. Там, где начинались совсем дикие, нерасчищенные, порой заболоченные озера с множеством густых кустарников вокруг. В одну из таких рощ он и повел ее, смело ступая впереди.

Пройдя пять, затем десять минут, вокруг можно было заметить мало изменений. Звуки города и его запахи все еще преследовали их. Но спустившись с горки, миновав пару болот и пройдя сквозь несколько густых рощ из волчьих ягод и можжевельников, пройдя так час, и выйдя в высокий лес, можно было заметить, как все вокруг поменялось. Все стало иным.

Никаких признаков присутствия здесь человека. Ни одна травинка не притоптана. Лишь одна, еле заметная тропа редких грибников. Место не грибное. Та и среди зверей – редкий заяц пробежит. Зато здесь было много птиц и насекомых. Деревья в редких местах сбивались в густые черные рощи, пройдя которые, можно было натолкнуться на опушки с высокими травами, и возникающими в них озерами. Порой совсем маленькие и мелкие, как лужи. Они пахли не так, как городские. Но то, которое хотел показать Джей, было еще чуть дальше, где начинался настоящий густой лес уходящий далеко на север. На первый взгляд он мог показаться непроглядным, и непроходимым.

Порядком уставшая Мэри-Энн спросила Джея, когда тот сказал, что придется миновать еще пару озер, чтобы достигнуть желаемого места:

- Ты точно правильно идешь? Мы не заблудились? – заметив, что они уже час блуждают вовсе неизвестными ей тропами.

- Доверься мне и не бойся! Осталось идти не больше десяти минут, – успо-

Литературный сериал

каивал ее Джей, опасаясь, что Мэри-Энн слишком устала, уже не желая видеть обещанное им место.

- А мы пройдем здесь? – спускаясь с небольшой горочки, все крепче сжимая руку Джея в своей руке, спросила Мэри-Энн, увидев, что тропа закончилась.

- Мы пройдем. Совсем чуть-чуть осталось. Когда ты увидишь это озеро, ни разу не пожалеешь, что шла за мной все это время.

Мэри-Энн поверила ему. Спустя пару минут она почувствовала резко сменившийся, сырой и свежий воздух, окативший ее лицо, будто волной. Не такой, как у других озер, которые они прошли до этого. Сквозь деревья стало пробиваться больше солнечного света. Здесь заканчивались деревья и начинался берег. Проглядывался тоненькой желто-голубой линией. В Мэри-Энн уже родилось изумление, еще не дойдя до него.

Джей вывел ее из леса. Оба они оказались на узком песчаном берегу. Держались за руки, не отрывая глаз от представшего их взору озера. Оно было прямо перед ними. Лежало неподвижным, ровным, жидким пластом кристаллически-прозрачной голубой воды. Джей называл его Голубым озером, так как оно было самым голубым из всех озер, что были в Озерном Крае. А также: самым прекрасным, самым далеким; отчасти, самым одиноким, но при этом вовсе не печальным; живым, умиротворяющим, пейзажным, и спокойным, будто уложенным в колыбель среди всех этих деревьев, трав и птиц, поющих ему песни.

- Как тебе? – спросил Джей, посмотрев на восхищенно замершее лицо Мэри-Энн; сразу же понял, что другой оценки ему и не надо.

- Супер! Это самое прекрасное место в Озерном Крае! – сказала она, глядя на прозрачность воды в озере; на птиц, плавающих в нем; на песок – практически белый, покрытый цветущей травой.

Мэри-Энн поражала девственная красота этого места, его нетронутость, и неизвестность. Его природа была разнообразной: десятки видов деревьев и птиц, сотни видов трав и насекомых. Это был их дом, такой же живой, как все вокруг происходящее, приходящее в движение от ветра, греющееся в лучах Солнца. Сказочный, не похожий ни на что, уголок.

- Это место прекрасно! – сказала Мэри-Энн, после чего обняла Джея. - Спасибо тебе за то, что показал мне его! – сжимая его в своих объятиях все сильнее.

- Не за что, – сдержанно ответил Джей, посмотрев ей на макушку, после чего слегка обнял свою спутницу в ответ. - Я никому не показывал его, – сказал он, и ему стало приятно от осознания им сказанного.

Мэри-Энн тоже. Она подняла на него свой взгляд, чуть вопрошающий, и все такой же заглядывающий в душу. Не разжимая своих объятий, она пыталась смотреть ему в глаза, не отрываясь, будто выжидала удобный момент, чтобы спросить. Но все же, робко опустила их перед тем, как заговорила к нему, все же спросив:

- Джей, я тебе нравлюсь? – после чего не смело глянула на него.

Джей выглядел сдержанным. В его глазах была загадка. В них сложно было смотреть и видеть в них что-то, кроме задумчивости. Сложно было найти в них ответ. Особенно сейчас.

Он ответил:

- Да, – абсолютно не обдумывая, после чего отвел свой взгляд куда-то вдаль, за горизонт, за прямую линию приевшегося ему бытия.

- И ты мне нравишься, – верным голосом сказала Мэри-Энн, обняв его до невозможного так сильно, как могла, так, будто никогда его не отпустит.

Джей почувствовал ее тепло, прилипнув к ней их взаимной силой притяжения. Она снова подняла на него свой взгляд, и в этот раз увереннее, целеустремленнее, нежно прикоснувшись своей белой ладонью к его худой щеке. Джей вздрогнул.

Мэри-Энн сказала:

- Поцелуй меня! – уже приготовив губы, искусительно, чуть облизнув их язы-

ком.

Такие сочные и пухлые. Джей потянулся к ней своими. Сначала робко. Но затем резко, без раздумий, с пылающей нежностью в сердце, притронувшись своей ладонью к ее щеке. Они поцеловались.

Первый раз не долго. Но затем сразу же второй... И третий... И четвертый раз. Затем много раз и каждый из них все дольше. Они стали пылко целоваться с нарастающим в них чувством влечения друг к другу. Страсть, которую невозможно было остановить, даже убив ее. Разве что, они сами решили бы притормозить, чтобы оставить себя в живых от столь убийственной любви.

Совсем скоро Джей понял, что они нашли друг друга. Соединились как два пазла. С каждой новой встречей сливаясь в единое сердце и в единую душу. С каждой разлукой чувствуя себя неполноценными. Поэтому, они пытались быть вместе как можно чаще. Летом это случалось каждый день. В другие времена года – когда получалось. Когда выпадала хоть одна свободная минута – они виделись. И когда хотели побыть наедине друг с другом шли сюда, на это место, долго целовались, беседовали, сидя у озера, все больше узнавая друг друга. И так на протяжении трех лет.

Джей был там. Чувствовал себя в этом. И наблюдал все с трепетом души как наяву.

- На выход! – слышалось ему сквозь сон чуждым голосом, что обрекало его жажду остаться здесь и веру в то, что не все еще потеряно.

Этот голос вырывал его из той действительности, в которой так хотел остаться он. Ни в коем случае не возвращаться в тлен разочарований. Нет!

- На выход! – снова прозвучал голос, слышимый им все громче, убедительней, острее.

Джей целовал и обнимал Мэри-Энн будто напоследок, стараясь нацеловаться и наобниматься с ней, перед тем, как этот голос заберет его. Он так хотел забрать ее с собой, или остаться с ней. В его руках образ ее превращался в испепеленную тень, развалившуюся мигом, осыпавшуюся между его пальцев с ощущением навсегда потерянной любви. Краски вокруг стали смываться и замазываться поверх серыми, и черными, и белыми. Больше не было цветных воспоминаний. Он пытался захватить их с собой. Хотя бы частичку того мира. И Мэри-Энн.

Но он не смог сберечь хоть что-то. С данным ощущением несбывшегося он проснулся, открыв глаза, и увидев надзирателя перед собой, нагнувшегося к нему со словами:

- Выходи! Вставай! Тебе пора на выход!

- Что? Совсем? – непонятливо сказал Джей, чуть приподнявшись и протирая глаза, свыкаясь с пробуждением.

В нем до сих пор был неприятный осадок. Трагический, дуалистический осадок, требующий не спешить оставить то, что было в нем.

- Да. Совсем.

Джея удивил ответ надзирателя. Всего лишь одна ночь. Отлично. Он еще успеет сделать все, что задумал. Сдержанно и неспешно оглянувшись вокруг, он ненароком взглянул на своего сокамерника, задержав на нем свой взгляд. Тот, сидя в своем углу, заметив на себе взгляд Джея, сразу же сказал недовольным голосом сумасшедшего:

- Не слышал, что сказал тебе этот убогий?! Проваливай отсюда! – в конце завершив злостно и нетерпеливо, чуть дернувшись вперед.

Джея отрезвило это и поторопило подняться с пола, чтобы покинуть это место. Он понял – делать ему здесь больше нечего.

- Разве меня отпускают? – переспросил он у надзирателя, перед тем как выйти.

- Да! – нетерпеливо сказал тот, показывая на выход. - Проваливай!

проза

публицистика

Пенан

Р **свобода**

е эротика

фанфик

поэзия

Мансёнг

п

м

д

хокку

о

и

е

рок

т

р

с

е

антиутопия

т

т

к

сарказм

а

а

т

рубаи

ж

любовь

т

новелла

о

киберпанк

п

позма

п

р

скетч

и

пародия

ь

а

я

е

г

фельетон

юмор

песня

с

е

повесть

п

сонеты

лирика

д

о

религия

эпопея

и

э

шансон

видения

литература

я

м

стимпанк

а

рассказ

ф

мемуары

э

действие

Драпа

п

стих

н

р

т

и

е

к

з

л

э

ю

и

ч

роман сюрреализм

е

н

и

я

Рубаи

ирония

граматургия

критика

сказка

Философия

2019

На фото: Янина Погорелова